

59

М.Т. БОДЖОЛЯН

РЕФОРМЫ

20-30-х гг. XIX века

В ОСМАНСКОЙ

ИМПЕРИИ

ЕРЕВАН

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ.

ԱՐԵՎԵԼԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Մ. Տ. ԲՈԶՈՒՅԱՆ

XIX Դ. 20—30-ԱԿԱՆ ԹԹ. ՌԵՖՈՐՄՆԵՐԸ
ՕՍՄԱՆՅԱՆ ԿԱՅՍՐՈՒԹՅՈՒՆՈՒՄ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ 1984

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

М. Т. БОДЖОЛЯН

РЕФОРМЫ 20—30-х гг. XIX ВЕКА
В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Р
II
523993

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН

1984

ББК 63,3 (5Ту)

Б 750

Печатается по решению Ученого совета
Института востоковедения АН Армянской ССР

Ответственный редактор кандидат исторических наук
С. Ф. ОРЕШКОВА

Работу рекомендовали к печати рецензенты:
доктор исторических наук *Е. К. САРКИСЯН*,
кандидат исторических наук *Р. П. ҚОНДАКЧЯН*

Боджолян М. Т.

Б750 Реформы 20—30 гг. XIX века в Османской империи/Отв. ред. С. Ф. Орешкова,—Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1984,—155 с.

Освещаются реформы, проводившиеся в 20—30-х гг. XIX века в Османской империи. Особое внимание уделено политике централизации административного управления, осуществляемой правящими кругами Османской империи в 1810—1847 гг. На основе богатого фактического материала показаны сущность и целенаправленность политики реформ, выявлена ее непоследовательность.

Рассчитана на историков-востоковедов.

0504000000

Б $\frac{0504000000}{703(02)-84}$ 25—84

ББК 63.3(5Ту)

© Издательство АН Армянской ССР, 1984.

ВВЕДЕНИЕ

Исследование истории Турции первой половины XIX в., в период формирования буржуазных норм общественно-политической и культурной жизни страны, имеет актуальное значение для правильного анализа и оценки общих тенденций развития турецкого общества того времени, когда в нем совершалась смена феодальных порядков более прогрессивными капиталистическими. Становление капиталистической общественной формации в Турции проходило замедленными темпами и отличалось длительным сосуществованием и противоборством старого и нового.

В конце XVIII—начале XIX вв. полностью обнаружилась отсталость Османской империи перед лицом ставших на капиталистический путь развития европейских держав. Промышленный переворот в ведущих европейских странах, а затем и французская буржуазная революция усилили это отставание и способствовали углублению политического кризиса в Османской империи. Проникновение революционных идей в западные районы империи нашло там благоприятную почву, и стихийная борьба подвластных народов приняла национально-освободительный характер. В течение всего XIX в. борьба покоренных народов за свою независимость потрясала основы османского военно-феодального государства.

Развитие промышленного капитализма, сопровождавшееся ростом политического соперничества ведущих европейских держав за приобретение новых рынков сбыта и источников сырья, привело к столкновению их интересов вокруг Османской империи, в состав которой входили важнейшие стратегические регионы в Восточной Европе, на Ближнем Востоке и Северной Африке.

Для осуществления своих захватнических планов европейские державы под предлогом защиты интересов христианского населения начали вмешиваться во внутренние дела Османской империи и крайне обострили «восточный вопрос».

В то же время само османское общество переживало острый социально-экономический и политический кризис. Господство самодержавного феодально-теократического режима, безраздельная власть религиозных догм и представлений резко ограничивали сферу экономической и культурной деятельности самих турок и мешали зарождению их национального самосознания.

К началу XIX в. в структуре османского феодализма произошли значительные перемены. Военно-ленная, или тимариотская, система, составлявшая некогда основу военной мощи империи, стала тормозящим фактором на пути социального прогресса. В течение XVII—XVIII вв. на смену бывшим держателям условных военных ленов—займам и тимариотам—пришла новая провинциальная знать в лице аянов и вновь активизировавшихся феодалов-деребеев, которых больше не устраивала функция временных держателей земли: они старались приобрести наследственное право на землю и добивались политической и экономической самостоятельности. Это привело их к столкновению с центральным правительством, приведшему вместе с систематическими военными поражениями, с национально-освободительной борьбой покоренных народов и стихийными восстаниями самих турецких трудящихся к ослаблению власти центрального правительства и вконец расстроило государственное устройство империи.

Самым ощутимым результатом военных поражений были территориальные потери. В конце XVIII в. от империи отошел Крым. Земли между Днестром и Бугом, ранее захваченные турками, перешли к России. В первой четверти XIX в. вспыхнули мощные восстания в Сербии, Боснии, а затем и в Греции; в результате национально-освободительной борьбы и русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Греция получила независимость и отошла от Османской империи; в 1830 г. Франция оккупировала Алжир, который впоследствии стал крупнейшей французской колонией в Африке; усилилась

борьба армянского народа за освобождение от турецкого ига.

Незавидным было экономическое положение империи. Крестьянство, составлявшее основную массу населения страны, не было заинтересовано в повышении производительности труда и усовершенствовании орудий труда. Непосильные традиционные и чрезвычайные налоги, бесчинства агентов центрального правительства и провинциальных феодалов, откупная система взимания податей вконец разорили крестьянство и привели сельское хозяйство в упадок.

Вследствие отсутствия безопасности личности и имущества, названной Ф. Энгельсом «основным условием буржуазной предпринимательской деятельности»¹, не было заинтересовано в расширении торговой деятельности местное купечество. По этой причине торговый капитал в Османской империи довольно долгое время не превращался в промышленный, и в стране развивалась посредническая, или компрадорская, буржуазия.

В связи с проникновением европейских фабричных изделий в Османскую империю продукция местных ремесленников постепенно стала терять свое прежнее значение. Хотя внешнеторговый баланс страны в начале XIX в. все еще оставался активным, тем не менее турецкие ремесленные изделия постепенно отступали перед более качественными и дешевыми европейскими фабричными товарами, и в турецком экспорте начали преобладать хлопок-сырец, грубые шерстяные ткани, ковры, накидки из грубого сукна и т. д.

Местным промыслам значительный ущерб наносил режим капитуляций, позволявший иностранным купцам ввозить свои товары в Османскую империю за ничтожную пошлинную плату—всего 3% от стоимости товара.

В правящих кругах Османской империи существовало мнение, будто причиной бедственного положения, в котором оказалась страна, является ослабление военной мощи, и что если создать сильную, дисциплинированную армию, то можно вывести страну из этого кризиса. Начиная с первой половины XVIII в., турецкие правители неоднократно пытались восстановить былую мощь армии путем частичной ее реорганизации. Самые значительные шаги в этой области были сделаны в годы

правления султана Селима III (1789—1807), однако внутренняя реакция, недовольная политикой султана, всячески препятствовала проведению военной реформы и добилась смещения, а затем и казни султана. Реформы Селима III потерпели поражение потому, что он и его единомышленники приступили к реформам, не создав для них реальной базы. «Сторонники реформ и улучшений,—писал В. И. Ленин,—всегда будут одурачиваемы защитниками старого, пока не поймут, что всякое старое учреждение, как бы дико и гнило оно ни казалось, держится силами тех или иных господствующих классов»². В действительности, Селим III и его сторонники столкнулись с интересами разных прослоек феодального класса и духовенства и не смогли преодолеть их сопротивление. Поражение сторонников Селима III показало, что для спасения империи одной военной реформы недостаточно, необходимо также проводить социальные реформы, которые охватили бы более широкие стороны общественно-политической и культурной жизни страны. Политика проведения таких реформ была осуществлена в годы правления султана Махмуда II (1808—1839).

Период правления Махмуда II представляет чрезвычайно важную и интересную страницу истории Османской империи. В эти годы был сделан большой шаг в области централизации административного управления, без которой невозможно было бы проведение будущих реформ; был ликвидирован корпус янычар, создана регулярная армия европейского типа; упразднена тимариотская система, не соответствовавшая новым условиям; наконец, были воспитаны реформаторы нового поколения во главе с Мустафой Решит-пашой, которые разработали основные положения танзиматских реформ и боролись за их претворение в жизнь. В эти же годы был задуман и осуществлен ряд преобразований, которые подготовили почву для развития новых производственных отношений в недрах османского общества.

В центре настоящего исследования находятся некоторые внутренние социально-политические проблемы первой половины XIX в., такие, как углубление и разрешение кризиса военно-ленной системы, появление новых прослоек в структуре феодального класса, их стрем-

ления к экономической, а зачастую и политической самостоятельности; политика централизации административного управления, проводившаяся правящими кругами в целях борьбы против роста национально-освободительного, а также сепаратистского движений; политика реформ в военной области, в государственном и административном устройстве, в области культуры и т. д., проводившаяся во второй половине 20-х и в течение 30-х гг. XIX в.

При оценке политики реформ периода Махмуда II автор исходил из той точки зрения, что реформаторское движение в Турции зародилось в результате социально-экономического и общественно-политического развития империи и отражало те глубинные процессы, которые происходили в эти годы в структуре османского феодализма. Целью проведения верхушечных реформ было укрепление феодально-абсолютистского режима и сохранение территориальной целостности империи. Иначе говоря, правящие круги пытались сохранить старое содержание в новой форме.

Вместе с тем, будет неправильным объяснять причины проведения реформ одним лишь стремлением государства укрепить свои позиции и сохранить целостность империи. «Социальные реформы,—как писали классики марксизма-ленинизма,—никогда не бывают обусловлены слабостью сильных; они должны быть и будут вызваны к жизни силой слабых»³. В Османской империи тоже существовало известное давление снизу на правительство. К проведению политики реформ правительство вынудила прежде всего национально-освободительная борьба нетурецких народов. Не будучи в состоянии остановить процесс распада империи, оно было вынуждено прибегнуть к политике реформ и преобразований, надеясь частичным улучшением правопорядка внутри страны сделать османскую власть более привлекательной для нетурецких народов империи и тем замедлить рост национально-освободительного движения. Другим фактором, заставившим Порту проводить реформы, были выступления городского и сельского населения самой Анатолии против султанской администрации. Но это давление не было систематическим, чем и была обусловлена непоследовательность и

поверхностность проводимых реформ. Несмотря на это, в целом эти реформы были прогрессивными. «Всякая реформа,—говорил В. И. Ленин,—лишь постольку и является реформой (а не реакционной и не консервативной мерой), что она означает известный шаг, «этап» к лучшему»⁴. Реформы периода Махмуда II, несомненно, явились известным шагом вперед: они покончили с такими феодальными институтами, как корпус янычар и тимариотская система землевладения. Благодаря реформам были созданы министерства по европейскому образцу, учреждена служба почты, введены паспортный режим и карантинная система; были открыты светские школы и основаны первые газеты на турецком языке и т. д. Все это в будущем сыграло важную роль в становлении капиталистических отношений в стране.

Положительной была также политика централизации (кроме тех случаев, когда она была направлена против национально-освободительного движения), поскольку она являлась одним из главных условий для социально-экономического и культурного прогресса страны и выражала тенденцию к созданию национального государства, которую Ф. Энгельс называл «одним из важнейших рычагов прогресса»⁵. Развитие внутренней торговли тоже зависело «от существующих средств сообщения, от обусловленного политическими отношениями состояния общественной безопасности на дорогах... и от обусловленного соответствующей ступенью культуры большего или меньшего развития потребностей, имеющих место в доступных сношениям областях»⁶. А все перечисленные Ф. Энгельсом условия могли быть созданы лишь централизованным государственным управлением.

Однако период правления Махмуда II до недавнего времени оставался вне поля зрения исследователей. Проблемы этого периода частично затрагивались в монографии Ф. Ш. Шабанова «Государственный строй и правовая система Турции в период Танзимата» (Баку, 1967), которая посвящена преимущественно правовым аспектам танзиматских реформ. В 1980 г. вышла в свет работа Н. А. Дулиной «Османская империя в международных отношениях (30—40-е годы XIX в.)», которая непосредственно касается изучаемого нами пе-

риода, но посвящена преимущественно проблемам внешнеполитического положения Османской империи и затрагивает внутриполитическую жизнь страны лишь постольку, поскольку она была связана с внешней политикой.

История периода правления Махмуда II довольно подробно рассматривается в «Истории Турции» А. Д. Новичева. Однако в его работе основное внимание сконцентрировано на таких проблемах, как национально-освободительное движение на Балканах, русско-турецкая война 1828—1829 гг., обострение «восточного кризиса», турецко-египетский конфликт 1831—1841 гг. и отчасти на реформах этого периода. Вместе с тем остается за рамками исследования внутренняя политика Порты в Анатолии, Западной Армении и Курдистане. Более широкого освещения требуют также реформы конца 20-х и 30-х гг. XIX в. Внутреннее положение Османской империи в начале XIX в. подробно изучено в капитальном труде А. Ф. Миллера «Мустафа паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX в.» (М.—Л., 1946). Однако хронологически эта работа охватывает период правления султана Селима III и прерывается на 1808 г. Некоторые культурные мероприятия Порты, такие, как издание первых газет на турецком языке, создание бюро переводчиков, открытие первых светских школ и т. д. подвергнуты тщательному анализу в книгах А. Д. Желтякова «Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции» (М., 1972) и А. Д. Желтякова и Ю. А. Петросяна «История просвещения в Турции (конец XVIII—начало XX вв.)», изданной в 1965 г. Становление капиталистических отношений в Турции рассматривается в монографии О. Г. Инджикяна «Буржуазия Османской империи» (Ереван, 1977).

Отдельные вопросы этого периода рассматриваются в работах таких исследователей, как Г. Л. Арш («Этнерийское движение и Россия» М., 1970), Л. С. Семенов («Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-х гг. XIX в.», Л., 1963), В. М. Гросул («Реформы в Дунайских княжествах (20—30-е гг. XIX в.)», М., 1966), И. М. Смилянская («Крестьянское движение

в Ливане в первой половине XIX в.», М., 1975), Г. А. Клейнман («Кризис военной системы феодальной Турции», Автореф. канд. дис. М., 1949), В. И. Шеремет («Турция и Адрианопольский мир 1829 г.», М., 1975), О. Б. Шпаро («Россия и освобождение Греции», М., 1965), А. В. Фадеев («Россия и восточный вопрос 20-х гг. XIX в.», М., 1958), в «Истории армянского народа» (*Հայ ժողովրդի պատմություն*, т. 5, Երևան, 1974), в работе А. Казаряна (*Արևմտահայության սոցիալ-տնտեսական և քաղաքական կացությունը 1800—1870 թթ.*, Երևան, 1967) А. Нерсисян (*Արևմտահայերի տնտեսական և քաղաքական վիճակը և նրանց ուսման օրինակների 19-րդ դարի առաջին կեսին*), Երևան. 1962) и т. д.

В самой Турции специальных трудов, посвященных этому периоду, также почти нет. В 1940 г., по случаю празднования столетия Танзимата, вышел сборник статей «Танзимат, I», в котором рассматривались разные аспекты истории страны, связанные с политикой реформ. Однако проблемам периода правления Махмуда II, в сущности была посвящена лишь статья Э. З. Карала *Tanzimattan evvel garplılaşma hareketleri* („Вестернизация в дотанзиматский период“). Об этом периоде Карал подробнее пишет в „Истории Османской империи“ („Osmanlı Tarihi“ с. 5. Istanbul. 1962).

Отдельные монографии посвящены турецко-египетскому конфликту) *Ş. Altundag, Kavalalı Mehmet Ali Paşa isyanı, 1831—1841, Ankara, 1945*) и Адрианопольскому договору 1828 г. (*Ş Turan, Edirne Antlaşması. AUDTCF, с. IX, N 1, Ankara, 1951*) Любопытно, что большинство турецких исследователей, каких бы политических взглядов они ни придерживались, склонны умалять значение реформ XIX в., сетуя на то, что Турция стала полуколонией империалистических держав именно из-за проведенных в первой половине XIX в. реформ, большинство которых якобы было навязано Порте извне.

В последние годы в Турции появился ряд историко-социологических исследований, авторы которых пытаются критически осмыслить причины упадка Османской империи, что, по их мнению, помогло бы найти опти-

мальные варианты дальнейшего развития современного турецкого общества. Хотя многие из них относят себя к левому лагерю общественного движения в Турции и даже считаются марксистами, но их работы, как правило, тенденциозны и мало доказательны. Дискуссии между различными представителями левой турецкой социологии носят очень бурный характер, что объясняется разнородностью левого движения в Турции в целом. К сожалению, эти дискуссии, как правило, не выходят за рамки голого теоретизирования, а сами турецкие социологи самостоятельно не изучают исторических источников. В их среде наиболее популярными являются следующие точки зрения: например, Сенджер Дивитчиоглу отвергает факт существования феодального общественного строя в Османской империи, но, в отличие от историков, и раньше выдвинувших эту идею (О. Л. Баркан, Э. З. Карал), пытается определить место Османской империи во всемирном историческом процессе и приходит к выводу, что она принадлежала к числу тех восточных стран, где имел место «азиатский» способ производства. Другой турецкий исследователь, основатель и главный редактор политического журнала «Ён» Доган Авджьюглу утверждает, что по своей социально-экономической структуре османское общество более сходно с феодальными обществами Запада, хотя в нем и имелись некоторые черты, присущие «азиатскому» способу производства. Исходя из этого, он предлагает компромиссное решение: называть османское общество начала XIX в. «докапиталистическим» (*D. Avcioglu, Türkiye'nin Düzeni, Ankara, 1968, IV. bası, s. 7*). Это мнение в общих чертах разделяет также один из крупных буржуазных социологов современной Турции Ниязи Беркес в своей книге „*Türkiyede Çağdaşlaşma, İstanbul, 1973*“. Работа Беркеса рассматривает проблему «модернизации» Турции, начиная от первых попыток реформ в XVIII в. и кончая реформами Ататюрка. В ней довольно большое место отведено периоду правления Махмуда II. Имеется очень много полезных размышлений и рассуждений, но, к сожалению, мало фактического материала и отсутствует (по вине редакции) библиография, что снижает научную ценность работы.

Такие авторы, как Бехидже Боран („Metod açısından Feodalite ve Mülkiyet“, I—II, „Yön“, sayı 50—51) И. Хюсрев („Türkiyede köy iktisadiyatı“, İstanbul, 1934) и М. Эрдост („Türkiyede Feodalizm var mı?“ „Türk Solu“, sayı 80) придерживаются мнения, что несмотря на некоторые структурные особенности, османское общество все же было феодальным.

Имеется ряд исследований на европейских языках. Среди них наибольший интерес для нас представляли работы Ф. Э. Бейли („The British Policy and the Ottoman reform movement.“ London, 1942), Кемаля Карпата („The social and economic transformation of İstanbul in the XIX-th century,“ AIESEE Bulletin, N 12, Bucarest, 1974), Х. Иналджыка („The Nature of traditional society (Political modernisation in Japan and Turkey)“, Princeton, 1964), М. Тодоровой („Composition of the ruling Elite of the Empire Ottoman in the period of reform (1826—1878)“, Etudes Balkaniques, 1966, N 1) Э. Энгельгардта („La Turquie et le Tanzimat ou L'histoire des reformes dans l'Empire Ottoman, Paris, 1882) и др.

Для изучения проблем внутренней политики османского правительства в годы правления Махмуда II первостепенное значение имеют акты материалы, хранящиеся в государственных и частных архивах Турции, а также в архивах соседних и ряда западноевропейских стран. Но они, большей частью, нам недоступны, поэтому настоящая работа написана на основе опубликованных документов. Самой значительной публикацией в этой области до сих пор остается книга турецкого профессора Решата Кайнара «Mustafa Resit Pasa ve Tanzimat» (Мустафа Решит-паша и Танзимат), изданная в 1954 г. Турецким историческим обществом в Анкаре. Официальные документы и источники, собранные в этой книге, большей частью связаны с личностью Мустафы Решит-паши и его дипломатической и государственной деятельностью, но в нее включено также огромное количество других материалов. Для настоящей работы первостепенное значение имели документы, приведен-

ные в главах, посвященных периодам правления султанов Селима III (1789—1807) и Махмуда II (1808—1839), где приведены султанские хатты, приказы и распоряжения, выписки из разных номеров официального правительственного органа 30-х гг. XIX вв. «Таквим-и векаи», касающиеся реформ 30-х гг., «Хатт-и хумаюн о создании министерств», Указ о создании Высшего юридического совета, «Меджлис-и вала-и ахкям-и адлийе», проект устава Высшего юридического совета, составленный Мустафой Решит-пашой и т. д.

Актовые материалы имеются также в летописях турецких придворных историографов: Атауллага-эфенди Шанизаде, Ахмеда Джевдета и Ахмеда Лютфи. Особенно богата фактическим материалом 12-томная история А. Джевдета „*Tarih-i Cevdet, tertib-i cedid*, с. 1—12, Istanbul, 1891—93», написанная в результате тщательного изучения документов, хранившихся во дворце. В настоящей работе нами использована копия текста «Сенед-и иттифак» — компромиссного пакта, заключенного между правительством и крупными феодалами в 1808 г., Докладная записка о событиях в Курдистане и т. д.

Для освещения военной и ряда административных реформ автором использованы актовые материалы, хранящиеся в Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА) г. Москвы, в частности «Военный устав султана Махмуда II», «Отчет Орлова» и пр. Скудость актового материала вынудила нас при рассмотрении ряда вопросов, в частности политики централизации административного управления и борьбы против анатолийских феодалов в 1808—1821 гг. и против сепаратизма курдских феодалов в 30-х—первой половине 40-х гг., обратиться к нарративным источникам. Среди них первостепенное значение имеют летописи уже упомянутых нами турецких историографов: А. Джевдет и А. Шанизаде описывают события, происходившие в Османской империи до 30-х гг. XIX в., что дает возможность сравнить степень достоверности их сообщений. Летопись А. Лютфи как бы продолжает историю событий, изложенных вышеуказанными авторами. Следует отметить, что все три были официальными придворными историографами и стремились во всех случаях оправдать политику султана и центральной власти, не

допуская сомнений в правильности их распоряжений и поведения (за редкими исключениями). Вместе с тем критический подход и сопоставление с другими источниками позволили использовать эти летописи в качестве первоисточников.

Русские источники изобилуют сведениями о состоянии Османской империи тех лет. В таких известных журналах, как «Московский телеграф», «Сын отчества», «Дух журналов», «Вестник Европы» и т. п., периодически появлялись статьи, посвященные преобразованиям, осуществляемым в государственном устройстве и других сферах жизни Османской империи. Эти публикации помогли нам установить последовательность проведения реформ и уточнить некоторые даты. В них содержится много сведений о личности султана Махмуда II и государственных деятелей его эпохи. Вместе с тем русская печать того времени довольно тенденциозна. Она зачастую идеализирует личность султана как реформатора и преувеличивает значение проводимых им мероприятий.

Среди источников того периода особое место занимают работы русских путешественников, в первую очередь—книга М. П. Вронченко «Обозрение Малой Азии в нынешнем ее состоянии», изданная в Петербурге двумя частями в 1838—1839 гг. В течение 1834—1836 гг. Вронченко изъездил всю Малую Азию и собрал ценнейший материал о жизни населения, о его быте, занятиях, торговле, а также о системе административного управления. В книге имеется экономико-географический обзор, описание гражданского устройства, городов и местностей, взаимоотношений народов Малой Азии, состояния земледелия, промышленности и торговли. Сведения Вронченко очень помогли при изложении социально-экономического положения Анатолии в 30-х гг., а также при анализе непосредственных последствий реформ, осуществленных в те годы.

Очень ценные сведения о социально-экономическом и внутривполитическом состоянии империи содержатся в путевых записках Вешняковых («Путевые записки во святой град Иерусалим и в окрестности оного Калужской губернии дворян Вешняковых и мядинского купца Новикова в 1804—1805 гг.», М., 1813), в кн. Радо-

жницкого «Походные записки артиллериста в Азии полковника Радожицкого», («Военный журнал», 1857, январь-февраль), в «Заметках о Турции» Я. С. Проскурякова (Тифлис, 1905), в работе К. М. Базили «Босфор и новые очерки Константинополя» (СПб., 1836), в заметках И. Н. Березина «Современная Турция», (Отечественные записки», СПб., 1856, № 2), и А. Карцова (Заметки о курдах, Тифлис, 1896), В. Ф. Минорского (Курды, Заметки и впечатления, Пг., 1915) и др.

Среди источников важное место занимают труды армянских путешественников и исследователей прошлого столетия. Например, весьма богатый фактический материал содержится в работах Г. Инджиджяна (Ղ. Ինճիճյան. Աշխարհագրութիւն չորից մասանց աշխարհի, Մասն Ա, հատ. Ա, Վենետիկ, 1806, Գարապատում, հ. 1 8, Վենետիկ, 1824—1828), Барунак--бея («Ճանապարհորդութիւն ի Բարեւոն ընդ Հայաստանի լամի տեառն 1847», Արմաշ, 1876), Г. Айвазовского «Պատմութիւն Օսմանյան պետութեան, հ. Ա, Բ», Վենետիկ, 1841 «и» Հատընտիր պատմութիւնք վարուց Օսմանյան թագաւորաց և վեզիրաց, Վենետիկ, 1848») и др. Весьма ценные сведения содержатся также в отдельных трудах таких исследователей, как А. Александрян («Պատմութիւն ականավոր քաղաքին Սեբաստիոս», Վենետիկ, 1911), А. Албояджяна («Պատմական Հայաստանի սահմանները», Գահիրէ, 1950), А. Ваге («Սարբերդ և անոր ոսկեղեն դաշար», Նյու-Յորք, 1959)।

Среди европейцев прошлого столетия историю периода правления Махмуда II подробнее всех изучил французский исследователь М. А. Убичини в своих книгах «Lettres sur la Turquie» («Письма о Турции», Париж, 1853) и «Современное состояние Оттоманской империи», (СПб., 1877), составленной вместе с П. де Куртейлем. В этих книгах отдельные главы посвящены государственному устройству, финансам, армии и преобразованиям, осуществленным во всех областях. В русской среде работы Убичини подвергались резкой критике. Его осуждали за распространение «ложной информации» о Турции (М. Березин) и характеризовали его «Письма о Турции» как «хвастливую, необъективную,

содержащую неверные сведения» книгу (Б. М. Данциг, Русские путешествия на Ближний Восток в первой половине XIX в., «Ближний Восток», М., 1976, с. 216). Однако, несмотря на такое пренебрежительное отношение к личности Убичини, исследователи до сих пор пользовались и продолжают пользоваться его трудами. Это не случайно. Сам Убичини долгие годы жил в Турции и был очевидцем многих перемен, происходивших в стране, и, хотя нет у него ссылок на первоисточники, тем не менее его книги являются результатом кропотливого многолетнего труда и личных, правда, не всегда объективных, наблюдений. Его сведения, за исключением тех случаев, когда он «обольстительно обставляет факты», довольно правдиво отражают турецкую действительность первой половины XIX в. Поэтому полностью игнорировать его труды не следует, тем более, что при критическом подходе они помогают в освещении многих малоизученных вопросов. Большую ценность для исследователей представляет работа другого французского путешественника и исследователя—Л. П. Б. д'Обиньоска «La Turquie nouvelle Jugée au point où l'ont ammenées les reformes du sultan Mahmoud» (Paris, 1839, t. 2). Во введении к второму тому своей работы автор напоминает, что о реформах Махмуда II он подробно рассказал в первом томе, а во втором только подводит итоги. К сожалению, нам не удалось найти первый том этой книги, который для нас мог бы быть весьма полезным. Во втором томе подробно освещаются реформы в области государственного устройства, армии, финансов. Приведено довольно много фактов о злоупотреблениях провинциальной администрации.

Кроме вышеперечисленных, привлечены многие работы советских, турецких и западноевропейских исследователей, оказавшиеся полезными при изложении ряда вопросов.

В заключение следует отметить, что некоторые архивные материалы, отдельные монографии и статьи, возможно, остались вне нашего поля зрения. В силу этих обстоятельств, а также потому, что период правления Махмуда II до сих пор остается малоизученным, автор не считает данное исследование исчерпывающим: его нужно рассматривать как одну из первых попыток

научного изучения этого сложного и интересного периода истории Османской империи.

Все хронологические даты в работе, за редкими исключениями, представлены в европейском григорианском исчислении. При переводе дат хиджры были использованы хронологические таблицы И. А. Орбели («Синхронистические таблицы хиджры и европейского исчисления», М.—Л., 1961), В. В. Цыбульского («Современные календари стран Ближнего и Среднего Востока. Синхронистические таблицы и пояснения», М., 1964).

ГЛАВА I

ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XIX ВЕКА

I. КРИЗИС ОСМАНСКОГО ФЕОДАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

К началу XIX в. Османская империя продолжала оставаться одной из крупнейших держав Европы и Азии, на территории которой проживали народы, находившиеся на разных ступенях общественного развития. Важнейшим признаком социально-экономического строя империи являлись многоукладность экономики и существование различных социальных организмов и структур¹.

В центральной Анатолии, в ряде арабских стран (Египте, Ливане, Сирии, Палестине) преобладали феодальные отношения. В районах, прилегающих к центрам морской и транзитной торговли—в районе Стамбула, эгейского, черноморского и средиземноморского побережий,—по мере роста общественного разделения труда и развития товарно-денежных отношений феодальные отношения постепенно разлагались. Этот процесс шел интенсивнее у некоторых народов Балканского полуострова, где капиталистические отношения, в силу более тесных торгово-экономических контактов со многими странами Западной Европы, начали складываться значительно раньше, чем в империи в целом. В противовес этому в Курдистане, Аравии, в ряде африканских областей и некоторых других районах Османской империи родо-племенные отношения переплетались с феодальными.

В стране существовали прослойка торговой, преимущественно нетурецкой, буржуазии и элементы, прав-

да, еще довольно примитивные, капиталистического производства². В целом в Османской империи с начала XIX в. происходил процесс смены феодальных отношений новыми, капиталистическими.

Османская империя принадлежала к числу государств, где преобладала государственная собственность на землю. Такая форма собственности составляла экономическую основу относительной государственной централизации и затрудняла процесс формирования феодальной аристократии и накопления земельных владений в руках частных лиц. Османская империя была военно-феодальной державой, правители которой постоянно были озабочены тем, чтобы награбленные у своего народа и в войнах богатства концентрировались в руках правящей династии, высших государственных сановников и духовенства, а о хозяйственной эксплуатации земли заботились меньше, удовлетворяясь лишь сбором налогов. «Правительства на Востоке, — писал Энгельс, — всегда имеют три ведомства: финансов (ограбление своей страны), войны (ограбление своей страны и чужих стран) и общественных работ (забота о воспроизводстве)»³. Это определение относится также и к правящей верхушке Османской империи, которая ревниво защищала государственную собственность на землю, являвшуюся основным источником государственных доходов в виде налогов поступлений, была активной в проведении завоевательной политики, воспроизводственные же функции зачастую забывала.

С конца XVI в. наблюдается концентрация военных ленов в руках представителей столичной бюрократии, правителей областей, торговцев, ростовщиков и других состоятельных слоев общества, которые фактически превращали эти лены в свои наследственные владения. С этого же времени правительство начинает менять свою политику в отношении военно-ленных земель: отбирая их у сипахи⁴ передает в руки откупщиков-мюльтезимов. Земли, переходящие в руки мюльтезимов и получившие название «малкяне», оставались собственностью государства лишь формально. Фактически они отдавались в пожизненную аренду и передавались по наследству⁵.

Во второй половине XVIII в. разложение военнo-леннoй системы приняло особенно острую форму. Концентрация земель и материальных богатств в руках частных лиц привела к усилению эксплуатации крестьян, росту сепаратистских устремлений, а также ослаблению центральной государственной власти. Чтобы остановить этот процесс и сохранить территориальную целостность империи, Порты несколько раз безуспешно пыталась обновить и укрепить армию и ликвидировать пожизненный откуп. Неоднократно делались попытки возобновить раздачу тимаров и зеаметов, что, по мнению османских государственных деятелей, должно было способствовать восстановлению мощи и боеспособности феодальной кавалерии. Тщетность этих попыток принудила правительство отказаться от подобной политики и заняться созданием новых войск, обученных и вооруженных по европейскому образцу, формирование которых должно было осуществляться на принципиально новых основах. Таким образом, при султane Селиме III (1789—1807) было положено начало целой серии реформ, охвативших уже при его преемниках не только армию, но и многие стороны общественно-политической и культурной жизни страны. Кульминацией политики реформ стал период Танзимата (1839—середина 70-х гг. XIX в.), однако расчистили путь и сделали возможными танзиматские реформы преобразования 20—30-х гг. XIX в.

Первые реформы в Османской империи были порождены стремлением наиболее дальновидной части правящих кругов спасти империю путем частичной реорганизации армии и государственно-правового режима.

Османское государство, образовавшееся в конце XIII—начале XIV вв. как небольшое княжество, впоследствии превратилось в огромную военно-феодальную державу. Основу ее военного превосходства составляла тиморнотская система, поэтому без знакомства с процессом ее разложения нельзя понять причины, породившие кризис османского феодального общества.

Согласно турецким источникам, первые тимары раздавали еще основатель династии Осман и его сын Орхан. Например, в «Хронике Ашыкпаша-заде» упоминается, что «Осман пожаловал своему сыну Орхану сан-

джак Карахисар, Хасан Альпу—Ярхисар, Дуркут Альцу—Инегёлю, а доходы от Биледжика *в качестве тимара* (выделено нами.—М. Б.) передал своему тестю Эде Балы»⁶. За исключением некоторых окраин, где существовал особый режим (о нем речь пойдет дальше), все завоеванные земли делились на пять основных категорий: а) государственные земли «мири», куда входили хассы султанской семьи, высших государственных сановников, а также условные военные лены—зеаметы и тимары; б) вакуфы, или вакфы,—земли, доходы от которых принадлежали духовенству, а также использовались для благотворительных целей; в) земли «мюльк»—владения, уступаемые государством частным лицам в виде даров и не связанные с несением военной или административной служб; г) «метруке»—земли, отведенные для общественных нужд; д) «меват»—пустующие земли. При новых завоеваниях военным ленам отводилась половина земель (по размеру налоговых поступлений), султану и духовенству—по одной пятой, а одна десятая предназначалась крепостным гарнизонам.⁷ Условные военные лены и земли хассов, занимавшие большую часть земель Анатолии и Румелии, составляли основу экономической и военной мощи государства.

Земли «мири», передаваемые как лены представителям феодального класса, в зависимости от доходности делились на «хассы», «зеаметы» и «тимары». Классификация вновь завоеванных земель осуществлялась следующим образом: составлялись кадастры, так называемые «иджмал дефтерлери», в которые заносились сведения о численности и составе населения, количестве дворов, площади лесных массивов, пастбищ и определялась приблизительная сумма доходов, которую государство в виде налогов могло бы получить⁸.

Земли «хасс», как правило, распределялись между султаном (хасс-ы хумаюн), членами его семьи (хасс-ы селатин), везирами и другими влиятельными государственными чиновниками (хасс-ы вюзера и хасс-ы умера)⁹. К категории «хасс» относились земельные участки с доходностью свыше 100 тыс. акче. Доходы и размеры хассов резко отличались друг от друга в зависимости от того, какую должность занимал владелец того или иного хасса. Например, в начале XVII в. в эялете Ру-

мелия насчитывалось 18 хассов, из которых доходы хассов правителей Морен, Янины и Кёстендже соответственно составляли 448 тыс. 966, 460 тыс. 260 и 442 тыс. 400 акче, а бейлербей Румелии получал из своего хасса 500 тыс. 766 акче. Доходы владельцев остальных хассов Румелии колебались в пределах от 150 до 300 тыс. акче. В то же время в Анатолии самые доходные хассы принадлежали: бейлербею Анатолийского эялета—615 тыс. акче, вали Вана—450.346 акче, вали Диярбакыра—447 тыс. акче¹⁰. В дальнейшем эти доходы постоянно увеличивались. Так, согласно свидетельству историка А. Андреасяна, в начале XIX в. паша Сиваса получил из своего хасса доход в 900 тыс. акче¹¹. Обычно хассы, за исключением хассов султана и членов его семьи, давались в виде вознаграждения за исполнение административных обязанностей и, очевидно, отбирались, как только происходило смена лица; это был, так сказать, подвижной земельный фонд, отнюдь не наследственный, связанный не с лицом, а с должностью¹². Султан и его приближенные, как показывает востоковед А. С. Тверитинова, отбирали под хассы лучшие земли. Например, значительная часть земель Болгарии была превращена в собственные владения султана, казны и крупных санджыков¹³.

Лены с доходностью от 20 до 100 тыс. акче назывались «зеаметами». Согласно данным источников, в начале XVII в. численность заеметов в Румелии составляла 914, в Анатолийском эялете—195, в Карамане—18, в Сивасе—48, Халебе—72, Трабзоне—56, Диярбакыре—42, Эрзруме—122, в Чылдыре—97, в эялете Ван—199 и т. д.¹⁴

Первые 5 тысяч акче получаемого от зеамета дохода принадлежали займу (держателю зеамета) и назывались «кылыч хаккы». За каждые следующие 5 тысяч акче заем был обязан выставлять одного вооруженного всадника, облаченного в доспехи,—«джебеллю», или «джебели»¹⁵.

Основную массу военно-ленных владений составляли «тимары», доходы с которых колебались в пределах от 3 до 20 тыс. акче¹⁶. Тимары делились на две категории: тезкерели (жалованный султанской грамотой) и тезкересиз (жалованный представителем местной ад-

министрации, чаще всего вали). В Румелии тимары были «тезкерели» в том случае, если их доходы превышали 6 тыс. акче, а тимары с доходностью до 5999 акче включительно относились к категории «тезкересиз». В Анатолийском эялете «тезкерели» были тимары с доходностью 5000 и более акче, тогда как в Карамане такими считались тимары с доходностью 3000 акче¹⁷. Грамоты «тезкерели» тимаров выдавал только султан, и после смерти или смены держателя они не могли быть разделены на более мелкие тимары¹⁸.

В восточных районах Анатолии встречались такие формы землевладения, как «свободные мирмиранлыки», «юртлуки» и «оджаклыки». К категории свободных мирмиранлыков относились, как правило, бывшие курдские княжества, которые являлись как бы вассальными княжествами, признавшими сюзеренитет османского султана. В официальных документах их называли «хюкюметлик»¹⁹. Такими хюкюметликами были Джебзире (Джизре), Генч, Имадне, Махмудне, Эгил, Пало и Хакьяри. Земли этих хюкюметликов считались собственностью правящих в них курдских феодалов и переходили по наследству²⁰. Здесь деления на хассы, зеаметы и тимары не производилось. Их правители платили султанской казне ежегодную дань и, в случае необходимости, присоединялись к султанской армии во главе своих вооруженных отрядов²¹. О военном могуществе этих хюкюметликов свидетельствует тот факт, что, например, правитель Джебзире мог выставить 70-тысячное войско²².

В восточной Анатолии существовал ряд санджаков, имевших статус «юртлук-оджаклыка»²³. Эти санджаки образовались в XVI в. в Диярбакырском эялете. Внешне они напоминали хюкюметлики (их правители были потомками курдских эмиров, а пост правителя в них тоже передавался по наследству), но отличались от последних тем, что были разделены на тимары и зеаметы. После того, как на территории Западной Грузии был образован Чылдырский эялет, или «эялет-и Гюрджистан», санджаки Ливана, Нижнего Ливана, Шавшети и Фанаскерта, вошедшие в этот эялет, тоже получили статус «юртлук-оджаклыка». Такие владения были неприкосновенны, и правительственные чиновники не имели

права войти в них и взимать налоги с их населения; доход с них сохранялся за бывшими владельцами—грузинскими князьями, принявшими мусульманство и, заодно, титул бея. Сами эти беи пользовались административной независимостью и правом юрисдикции²⁴.

Кроме того, в районах Вана, Диярбакыра и Шехризора существовало около 400 аширетов (кочевых племен), вожди которых передавали свою власть по наследству, и за которыми также были закреплены определенные земли²⁵.

В Западной Армении и Киликии продолжали существовать некоторые полунезависимые армянские княжества, среди которых выделялись Сасун, Савур, Исян, Чапакчур, Хнус и Зейтун. Население этих районов, возглавляемое представителями армянских феодальных родов, до середины 30-х гг. XIX в. (а кое-где и дольше) силой оружия отстаивало свою независимость от местных турецких и курдских правителей²⁶.

Владельцы условных военных ленов делились на «свободных» и «несвободных» держателей. «Свободными» являлись держатели хассов и зеаметов. Они могли взимать с населения в свою пользу такие налоги, как «ресм-и арусане» (свадебный налог), «ресм-и гердек» (налог за право первой ночи), «ресм-и эджрима» (штраф за совершенное преступление) и т. д.²⁷

К категории «несвободных» относились все тимариоты, которые фактически были прикреплены к своим ленам. В противовес владельцам «свободных» ленов, тимариоты присваивали лишь заранее определенную законом часть феодальной ренты, взимаемой с проживающих в его владениях жителей. Остальную часть ренты-налога, как показывает болгарский турколог В. П. Мутафчиева, присваивали держатели «свободных» ленов,—как правило, правители эялетов и санджаков²⁸.

Крестьяне, проживавшие на государственных землях «мири», выступали в качестве наемщиков земли. Они обязаны были платить государству особый налог т. е. «тапу ресми», что узаконивало их право на земельный участок—«чифт»²⁹, фактическим хозяином которого они были. «Тапу ресми» относилось обычно к той части налогов, сборы которой передавались сипахи даже в «несвободных» держаниях. Крестьянские наделы пере-

ходили от отца к сыну, и сипахи не имел право их отчуждать, если владельцы исправно выполняли свои обязанности³⁰. Крестьяне обрабатывали эти земли собственными орудиями и ежегодно платили государству множество налогов, среди которых главным был натуральный налог—«ашар». Размеры его колебались в пределах от 10 до 50% урожая. Так, в Румелии, к середине XIX в., он составлял не менее 1/8 части урожая, в Эрзинджане—3/10, в районе Басры—от 33 до 50%³¹. Крестьяне юридически были прикреплены к земле. Докладом этого является тот факт, что сипахи могли разыскивать и возвращать на свои наделы беглых крестьян в течение 10 лет. Однако райат мог откупиться от своего надела, заплатив сипахи особый налог—«чифт бозан вергиси»³². Если же обнаруживалось, что крестьянин, не откупившись от прежнего хозяина, обосновался в лене другого сипахи и там продолжает заниматься земледелием, то он обязан был платить одновременно две ставки налога: одну—бывшему владельцу, вторую—новому³³.

Со второй половины XVI в. начинается продолжительный период разложения тимариотской системы. Несмотря на внешнюю видимость четкости и устойчивости, эта система уже в своем зародыше имела внутренние противоречия, так как служила лишь фискальным интересам государства и господствующего класса, но не стимулировала развития экономики страны. Раз и навсегда установленная государственная собственность на землю и государственная монополия на закупки сельскохозяйственной продукции препятствовали образованию внутреннего рынка, поскольку основная масса производителей—крестьяне—была лишена возможности вывозить излишки производимой продукции на рынок. Кроме самого необходимого, все отбиралось государством в виде разных платежей. Поэтому крестьянин не был заинтересован в повышении производительности своего труда. То же самое происходило с ремесленниками, которые в основном обслуживали армию и имущие классы. Лишь незначительная часть их продукции продавалась на рынке. Почва для развития товарно-денежных отношений была довольно слабой.

Начиная с XVI в. намечается тенденция к резкому увеличению численности янычар, что было связано с низкой боеспособностью сипахи, которые не могли воевать против европейских армий, вооруженных новейшими видами оружия. Кроме того, для подавления участвовавших выступлений покоренных народов государство нуждалось в регулярной военной силе, основу которой составили янычары. Об увеличении численности янычар свидетельствуют следующие цифры: если в середине XV и в XVI вв. их общая численность колебалась в пределах 7—12 тыс. человек, то уже в 1588 г. она составила 45 тысяч, а к концу XVII в.—92 тыс. человек³⁴. Сетую на сокращение численности сипахи и на чрезмерный рост корпуса янычар, турецкий хронист XVII в. Кочи-бей писал: «Откуда взять столько улюфе³⁵ (жалованье.—М. Б.), где найти средства для содержания этой огромной армии?»³⁶

До начала XVII в. феодальная знать в провинции преимущественно была представлена чиновниками, посылаемыми из столицы—бейлербеями, санджакбеями, кадиями и т. д.³⁷. С развитием системы «маликьяне» (пожизненных откупов) в конце XVII—начале XVIII вв. в провинции появляется новая прослойка феодального класса, известная под названием «аян» или «аянлык».

Поскольку институты «аянлык» и «деребейлик», возникшие в процессе разложения военно-феодальной системы и, в свою очередь, ускорившие этот процесс, в исторической литературе изучены недостаточно, о них следует сказать подробнее. Тем более, что об этих институтах существуют довольно разные, часто противоречивые мнения, и специальных исследований, посвященных этим институтам, особенно институту «деребейлик», нет. Вопрос о необходимости и своевременности изучения «деребеев» был поставлен еще В. Гордлевским в начале 40-х гг.³⁸ и им же были сделаны первые шаги в этой области³⁹, но, к сожалению, впоследствии этот вопрос оставался вне поля зрения исследователей и лишь мимоходом был затронут А. Ф. Миллером⁴⁰.

Термин «аян», по-видимому, довольно древний и им издавна пользовались на мусульманском Востоке для обозначения всеми уважаемых, именитых граждан.

По некоторым данным, в Османской империи это слово вошло в обиход в XVI в., в годы правления султана Сулеймана Кануни⁴¹. Первоначально это слово входило в состав титулов высокопоставленных чиновников государственного аппарата и духовенства (девлет-и аян, фахр-уль аян)⁴². В дальнейшем, особенно во второй половине XVII и начале XVIII вв. образовалось новое сословие аянов, которые выступали предводителями местной знати в провинции. Понятие «аян» к этому времени охватывало всех лиц, чье высокое положение определялось либо определенным местом в военной иерархии (командиры янычар и вспомогательных войск), либо выполнением важных функций в административном и судебном аппарате (воеводы, мютеселлимы, кадди), либо ученым или религиозным престижем (улемы, сейиды)⁴³. Новоявленные аяны, как правило, были людьми состоятельными: некоторые из них были наследственными владельцами земли (бывшие крупные ленники—заимы и т. п.), другие являлись откупщиками налогов, занимая в то же время в местном управлении более или менее крупные административные должности (мютеселлимы, мухассылы), третьи были крупными торговцами, ростовщиками, старейшинами ремесленных цехов и т. д. Однако всех их главной отличительной чертой было то, что своим возвышением они обязаны были финансовой мощи и праву распоряжаться земельной собственностью.

Появление института «аянлык» тесно связано с введением в 1695 г. системы пожизненных откупов (маликяне), при которой, введя должность откупщика-мюлтезима, государство официально уступило сбор налогов местным богачам. С первых же лет эти богачи, получившие известность под общим названием «аяны», стали оказывать влияние на решение финансово-экономических вопросов своих округов. Государственные чиновники во главе с кадиями, которые и раньше обращались за советами к виднейшим гражданам своих областей, стали поручать аянам составление журналов приходов и расходов данного округа, так называемые «тевзи дефтерлери». В этих дефтерах подробно указывалось, какого рода налоги и в каких размерах должно платить население⁴⁴.

Так, аяны, благодаря махинациям при составлении «тевзи дефтерлери», а также злоупотреблениям при сборе налогов, увеличивали свое богатство и влияние⁴⁵. В сущности, аяны выступали в качестве посредников между населением и правительственными чиновниками, но выполняли также ряд других функций: являлись правителями (в качестве мютеселлимов) данной местности, осуществляли набор рекрутов, «надзирали» за безопасностью и благополучием частных лиц, следили за порядком и обороной своих городов и «касаба» (поселения городского типа), составляли жалобы на государственных чиновников, злоупотреблявших своей властью и т. д. За услуги перед государством они присваивали часть государственных доходов.

В период упадка империи высшие сановники дворца использовали аянов в качестве своих представителей в провинции, обеспечивая им (далеко не бескорыстно) должности мютеселлима, воеводы и т. д.⁴⁶. Добившись определенного экономического могущества, аяны начали прибирать к своим рукам все большую политическую и военную власть и создавать свои собственные войска. Благодаря этой силе они стали превращать свои маликяне (земли, взятые ими на пожизненной откуп) в наследственные владения, которые вместе с должностью аяна стали переходить от отца к сыну. Правителям областей не оставалось ничего другого, кроме как утверждать аянов на захваченных ими должностях⁴⁷. Некоторым из аянов, например, Тепеделенли Али-паше из Янины, правительство вынуждено было пожаловать титул везира⁴⁸. Феодалный род Караосман-оглу в западной Анатолии в течение XVIII в. прибрал к своим рукам почти все административные должности Саруханского санджака (район совр. Измирского ила) и удерживал их вплоть до смерти последнего влиятельного представителя рода Караосман-оглу Хаджи Хусейн-аги в 1816 г. Даже после ликвидации системы маликяне Караосман-оглу сохранили свои владения, превратившись в частных собственников⁴⁹.

Политика правительства по отношению к аянам не была стабильной. В 1714 г. султан Ахмед III попытался ликвидировать систему пожизненных откупов, но успе-

ха не добился. Основной силой, препятствующей этому были аяны, которые отнюдь не собирались отступать от уже завоеванных ими позиций. Убедившись в этом, правительство сделало другой шаг: в 1726 г. был издан султанский указ, который передовал аянам некоторые функции провинциального управления, т. е. узаконивал власть аянов. Дату 1726 г. турецкий исследователь М. З. Пакалын, не без оснований, предлагает считать официальной датой учреждения института «аянлык»⁵⁰. Согласно указу, старших в провинции аянов могли избирать виднейшие граждане санджака или казы, а вали не имели права вмешиваться в эти выборы. После того, как садразам давал свое согласие, вали выдавали избранным аянам специальную грамоту, так называемой «аянлык буйрулдусу»⁵¹. Подобными мерами правительство надеялось взять под свой контроль аянство и тем ограничить масштабы его деятельности. Однако после того, как образовались династии аянов, которые начали проявлять феодально-сепаратистские настроения, отношение правительства к аянам изменилось коренным образом⁵².

В последней четверти XVIII в. османское правительство дважды (в 1773 и 1785) попыталось подорвать мощь аянов. С этой целью были изданы соответствующие ферманы, предусматривавшие упразднение института «аянлык» и передачу функций аянов городскому управляющему—«шехир кетхудасы»⁵³. Поскольку первый ферман не дал никаких результатов, в 1785 г. правительство вынуждено было издать новый ферман следующего содержания: «Главному мулле Измирского района, всем кадиям, наибам, мухассылам, офицерам и членам старейшин этого эялета.

До нашего слуха дошли сведения, что почти во всех городах и каза появились по два-три аяна, которые, нарушая законы, вносят самовольные изменения в теви дефтерлери, облагают население незаконными налогами, грабят и притесняют бедных райя и ради своих корыстных интересов опустошают страну. Еще при правлении нашего августейшего предка султана Мустафы III его садразам Мухсинзаде Мехмет-паша издал указ, согласно которому аяны могли избираться виднейшими гражданами вилайета из своей среды и могли присту-

пить к исполнению своих обязанностей только при наличии санкции садразама. Тем не менее это условие не соблюдалось ни в Румелии, ни в Анатолии. В связи с этим в 1198 г. хиджры (1773) был издан новый указ, в котором говорилось, что аянов избирают знатные люди каждой местности и выставляют их кандидатуру перед садразамом. При этом кандидат в аяны должен был быть известным в правительственных кругах лицом. Если садразам одобрял представленную кандидатуру, то он выдавал аянскую грамоту (сенет). Новый аян должен был соблюдать порядок, уважать законы и не отягощать население поборами. Но и после этого все продолжалось по-старому. Некоторые вали продолжали выдавать от своего имени аянскую грамоту. Люди случайные, занявшие должность аяна при помощи взяток и подарков, начали захватывать административное управление в провинции. Исходя из этого, мы решили упразднить впредь должность аяна повсюду в империи и функции аянов передать городским кетхуда. Пусть старейшины городов сами выберут кандидатов на эту должность, а мы их утвердим. Отныне запрещается даже произносить слово «аян». Кто пойдет против нашей воли и будет по-прежнему притеснять и мучить бедных райя, того постигнет суровая кара»⁵⁴.

Попытка упразднения института «аянлык» административными мерами себя не оправдала, потому что, во первых, позиции аянов в провинции были довольно прочны, и городские кетхуда, назначаемые из числа представителей средних слоев населения, целиком зависели от аянов и действовали строго по их указанию, и, во-вторых, институт «аянлык» обязан был своим рождением тем необратимым социальным переменам, которые происходили в стране в XVII—XVIII вв. В 1790 г. правящие круги специальным указом вынуждены были восстановить должность аяна⁵⁵.

В 1808 г. между столичной бюрократией во главе с султаном и аянами был заключен компромиссный договор, так называемый «Сенед-и иттифак» (Союзный пакт), который официально признавал наследственную власть аянов в провинции⁵⁶.

Рассматривая вопрос о «деребейлике», прежде всего надо отметить, что в современном турецком язы-

ке термин «деребей» употребляется в качестве эквивалента термина «феодал», а феодальная общественно-экономическая формация передается термином «деребейлик». При объяснении происхождения термина «деребей» некоторые авторы исходят из буквального значения этого слова (по-турецки «дере-бейи—буквально «властвующий над долиной»). Советский исследователь Константин Васильевский (В-ий), например, происхождение этого слова объясняет чисто географическими обстоятельствами. «В силу особенностей почвы и климата,—пишет он,—сельское хозяйство в Курдистане ведется преимущественно лишь в речных долинах при искусственном орошении. Отсюда происходит и название курдского феодала—дере-бей, т. е. «господин долины»⁵⁷. Версию о географическом происхождении термина «деребей», защищает также В. А. Гордлевский, однако он не связывает этот термин лишь только с курдскими феодалами⁵⁸. Весьма туманное и необоснованное объяснение происхождению деребеев дает в своих «Письмах о Турции» М. А. Убичини: «При первых султанах ряд авантюристов, получивших название деребеев, захватили под поместье для султанов район Джаника (Самсун). По мере ослабления центральной власти они распространили свое влияние на соседние округа и превратились почти в независимых князьков»⁵⁹. Советский исследователь М. С. Мейер возникновение деребеев связывает с ростом могущества аянов, предполагая, что аяны были именно той средой, из которой во второй половине XVIII в. появились всецельные деребей⁶⁰.

Значительное внимание происхождению деребеев и их деятельности уделяет турецкий социолог Н. Беркес в книге «Модернизация в Турции». Согласно его версии, деребей появились на исторической арене в XVII—XVIII вв., и ими становились некоторые непокорные центральной власти вали, янычары и военачальники (часто начинавшие свой путь как дезертиры или разбойники), ямаки (войны из гарнизонов босфорских крепостей), а также аяны⁶¹. Согласно мнению другого турецкого историка—Б. С. Байкала, деребеями называли членов феодальных семейств, первоначально находившихся на государственной службе, но, начиная с XVII в., выступавших против центральной власти⁶². «Дере-

беями назывались,—говорится в «Энциклопедии Ислама»,—влиятельные и могущественные лица, которые до XVII в. состояли на государственной службе, но позже превратились в самостоятельных вассалов Порты. В начале XIX в. лишь в двух эялетах—Карамане и Анadolу⁶³—правителями были назначенные Портой вали, а остальные были самозванцами. Деревен не отказывались от участия в военных походах Порты, которая им даровала должность мютеселлима и мухассыла. фактически равносильные должности вали»⁶⁴.

Как видно из приведенного материала, большинство исследователей придерживается мнения, что деревен появились примерно в XVII—XVIII вв., что, по нашему мнению, в принципе неверно, и затрудняет ответ на вопросы: кто же были деревен, когда и как появились на исторической арене и какое место в феодальной иерархии османского общества они занимали. Попытаемся, по мере возможности, ответить на эти вопросы.

Прототипом деревеев османской эпохи, как указывает В. Гордлевский, являлся сельджукский бейлербей Хюсамеддин Чобан-бей. «Падение Сельджукидов дало ему политическую независимость; это были уже наследственные владения Чобан-бея, и он распоряжался ими как хотел, распределял их между детьми. Даже в XV веке (курсов наш.—М. Б.) потомки Чобан-бея—Чобан-огуллары—господствовали над Кастамону. Это уже были наследственные деревен, приобретшие подарками и дарами всю округу»⁶⁵. Возможно, между потомками Чобан-бея и феодальным родом Чапан-оглу, превратившемся на рубеже XIX в. в подлинного вассала центральной Анатолии, существует прямая связь, тем более, что оба эти рода были туркменского происхождения и проживали в одной и той же местности. В период разложения Конийского султаната в Малой Азии образовалось много феодальных родов, часть которых продолжала существовать и в османскую эпоху. К их числу относятся, например, Эвренос-огуллары, Михал-огуллары, Турханлы-огуллары и пр⁶⁶.

Выше уже говорилось, что не все завоеванные земли Порты превращала в государственную собственность—часть их оставалась в руках прежних владельцев в качестве мюльков, юртлуков-оджаклыков, хюкюметли-

ков и т. д. В Западной Армении и Курдистане власть курдских феодальных династий сохранилась и после османского завоевания. В середине XVI в., когда Османская империя достигла вершины своего могущества, внутри империи, в частности, на востоке страны, продолжали проявляться центробежные силы, олицетворением которых являлись потомки бывших феодальных династий. Именно они, по-видимому, стали той базой, на которой в XVII—XVIII вв. поднялись феодальные династии дербеев.

В отличие от аянов, которые большей частью жили в городах или собственных чифтликах (поместьях), дербей жили в укрепленных крепостях, где они могли противостоять натиску султанских войск. Распространив свою власть на весь округ, они сталкивались с дербейями соседних областей, что порождало постоянные войны, в результате которых разорялись и опустошались целые области. Подавляющая часть дербеев проживала в восточных и юго-восточных областях Азиатской Турции и, естественно, от их произвола больше всего страдало местное оседлое население, преимущественно состоявшее из армян, а также айсоров и представителей некоторых других национальностей. Все они находились в рабском подчинении у дербеев.

Следует отметить следующую закономерность: аяны, как правило, хозяйничали в европейских областях империи, западной Анатолии и прибрежных городах Малой Азии, где товарно-денежные отношения были сравнительно развиты, а дербей господствовали в районах, где преобладало натуральное хозяйство и где родоплеменные отношения (у курдов и туркмен) были еще довольно сильны. В районах, находившихся в подчинении аянов, внеэкономическое принуждение при эксплуатации населения все больше уступало место экономическому принуждению, прокладывая путь к развитию капиталистических отношений. Сами аяны выступали в качестве фактических собственников земли и, в принципе, могли превратиться в крупных землевладельцев капиталистического типа. В районах же, где хозяйничали дербей, преобладало внеэкономическое принуждение. Об отрицательных последствиях хозяйничания дербеев свидетельствует тот факт, что в результате

беспощадной эксплуатации и грабежа с их стороны некогда цветущие торговые центры и сельскохозяйственные районы Западной Армении, где производ курдских деревеев был особенно жестоким, пришли в упадок. Социально-экономическое развитие в этом регионе было сильно заторможено.

Совокупность исторических фактов дает нам основание рассматривать институты «аянлык» и «деребейлик» как две различные тенденции в развитии османского феодализма. «Аянлык» стал выражением становления новых форм землевладения. Он возник в процессе перехода от государственной собственности на землю к частной и, ослабляя традиционные феодальные отношения в хозяйственно-экономической жизни страны, способствовал развитию более передовых производственных отношений.

Понятие «деребейлик»—более сложное. Оно включало в себя первоначально феодалов восточных и юго-восточных областей Турции, пытавшихся вести независимую от Порты политику. Появление на исторической арене деревеев не было связано непосредственно с разложением османского феодализма, поскольку династии деревеев существовали на протяжении всей истории империи, но политически активизировались они лишь в XVIII—начале XIX вв., когда в османском феодализме наметились кризисные явления, приведшие к ослаблению централизованной государственной власти. Деревей были выразителями политических интересов наиболее реакционных кругов провинциальных феодалов, заинтересованных в консервации феодальных отношений в стране. Поэтому, когда центральное правительство при султанах Селиме III и Махмуде II приступило к проведению политики реформ, деревей открыто выступили против всяких нововведений, их выступления принимали антиправительственный, а порой даже сепаратистский характер. В годы правления Махмуда II Порта приступила к активной борьбе против феодалов-сепаратистов Анатолии и Курдистана, о чем речь пойдет ниже.

Что касается самого термина «деребей», трудно определить, когда и при каких обстоятельствах он возник. Возможно, очень давно, когда еще предки современны

турок обитали в пустынных районах Центральной и Средней Азии, где земледельцы сосредотачивались в бассейнах рек и озер, властелины этих районов стали называть деребейми. Возможно также, что этот термин местного анатолийского происхождения. Независимо от первоначального своего значения, в период разложения Османской империи, это понятие постепенно распространилось на все мятежные в отношении центрального правительства элементы господствовавшего класса. К категории деребеев начинают относить крупных аянов, воевод, вождей кочевых и полуседлых племен и т. д. Во всех официальных документах того времени все непокорные феодалы стали называться общим именем «деребей». В деребей зачислялись, например, правители курдских хюкюметликов и юртлук-оджаклыков, аяны, приобретавшие политическую самостоятельность (Караосман-оглу, Тирсинкли-оглу, Чапан-оглу и т. д.), бывшие военачальники, которые сколотив вокруг себя вооруженные отряды, захватывали какую-нибудь область и провозглашали себя правителем этой области (Али-паша Янинский, Дагдевирен-оглу, Баттал-паша и т. д.). Следовательно, аяны, по терминологии источников, начинают рассматриваться как часть деребеев. Однако суть их сепаратизма и социальная сущность остаются принципиально различными.

2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АЗИАТСКОЙ ТУРЦИИ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XIX В.

В начале XIX в. Османская империя оставалась преимущественно аграрной страной. Непосильные налоги и поборы, беззаконие и произвол правительственных агентов, равно как и жестокая эксплуатация со стороны аянов и деребеев и непрерывные вооруженные столкновения между ними вконец опустошили страну, разорили крестьянство. Наряду с «законными» население империи в это время платило великое множество чрезвычайных налогов.

До середины XVI в. податное население платило два вида налогов: законные, или шериятские налоги — «текалиф-и шерийе»; обычные налоги — «текалиф-и ор-

фийе». К законным относились: «ашар» (десятина), земельный налог с немусульман (харадж) и подушный налог с христианского населения (джизье). К обычным относились также такие поборы, как «ресм-и арусане» (свадебный налог), «ресм-и эджрима или мюджеррет» (откуп от преступления) и т. п.⁶⁷.

Во второй половине XVI в., в связи с увеличением численности янычар и возросшими финансовыми затруднениями, государством были введены некоторые новые налоги. Такой налог, как «авариз акчеси» (чрезвычайный), взимавшийся ранее лишь в исключительных случаях, был превращен в постоянный под названием «текалиф-и дивани». С конца XVI в. их взимали ежегодно. Разновидностями «авариз акчеси» были: «сурсат захиреси» (натуральный налог с населения местности, по которой следовала армия), «ниюзул» (натуральный налог, взимавшийся при продолжительных осадах крепостей), а также денежный налог «бельдар», использовавшийся для прокладки и ремонта дорог и мостов военного значения. От «текалиф-и дивани» были освобождены ремесленники, работавшие на армию, и население некоторых районов⁶⁸. Был введен также ряд неофициальных налогов—«текалиф-и шакка», который взимали местные правители в свою пользу. К ним относились: «селамие» (за приветствие), «мал-баха» (с имущества), «чизме-баха» (за изнашивание сапог), «конак ве гёчек акчеси» (за содержание проезжих чиновников), «деврие» (за караульную службу), «емлик» (за фураж), «агалык» (доля аги), «кетхудалык» (доля кетхуды) и т. д.⁶⁹.

Одним из факторов, парализовавшим хозяйственно-экономическую жизнь страны и являвшимся подлинным бичом для крестьянства, была откупная система взимания налогов—«ильтизам».

Всю вину за введение системы ильтизам османские источники возлагают на великого везира при Сулеймане Кануни Рустем-пашу, при котором впервые стали практиковать откупную систему сбора налогов с государственных земель «мири»⁷⁰. В первое время откупное право продавалось на один год или на несколько лет за определенную сумму, называвшуюся «муаджеле»⁷¹. Для участия в торгах лица, претендовавшие на должность

откупщика (мюльтезима), должны были иметь своих гарантов, которыми, как правило, становились константинопольские саррафы (менялы) из числа армян⁷².

С конца правления Сулеймана Кануни предметом откупа стали хассы султанской семьи и высших государственных сановников. Услугами мюльтезимов начали пользоваться также займы и тимариоты, постоянно проживавшие во дворце⁷³. Согласно свидетельству Кочибея, среди «придворных» сипахи встречались такие, которые сосредоточили в своих руках 30, 40 и даже 50 тимаров⁷⁴. Если сипахи в какой-то мере были заинтересованы в повышении производительности труда земледельца (размеры их доходов зависели от благосостояния крестьянского хозяйства), то мюльтезимов этот вопрос не беспокоил. Они получали откупные надель на год или два и, естественно, старались получить как можно больше прибыли, чтобы расквитаться с саррафами, со своими опекунами при дворе, и удовлетворить собственные нужды⁷⁵. Злоупотребления мюльтезимов наносили огромный ущерб крестьянству, следовательно и государственной казне. Чтобы покончить с произволом мюльтезимов, 30 января 1695 г. султан Мустафа II издал закон о превращении годичных откупов—«мукатаа» в пожизненные откупы—«маликяне»⁷⁶. По этому поводу в том же году была составлена ляйиха дефтердара Сыккы Эввела, в которой, в частности, говорилось: «Население земель «мири», отданных (на откуп.—М. Б.) в районах Дамаска, Халеба, Диярбакыра, Аданы, Малатьи и Токата лишено всякой защиты. Мюльтезимы этих районов рассуждают так: «Зачем нам заботиться о судьбах жителей? Ведь мы на этих землях временные хозяева и можем пользоваться их доходом всего несколько лет». И угнетают райю, и грабят её. Учитывая все это, мы решили продавать ильтизамы только пожизненно и только знатым лицам, постоянно проживающим на этих землях»⁷⁷. Отныне ильтизам распространялся не только на «ашар», но и на многие другие виды налогов. Если в первые годы после провозглашения закона 1695 г. годичные откупы «мукатаа» были превращены в пожизненные «маликяне» лишь в некоторых эялетах, позже это превращение осуществилось повсюду в империи⁷⁸.

Обычно торги откупов проходили накануне какого-нибудь религиозного праздника. Уплатив арендную плату «муаджеле», одолженную у армян-саррафов, арендатор как бы заменял хозяина владения (в данном случае государство) в его правах на землю и получал должность «мютеселлима». По прибытии на место назначения мютеселлим создавал свой аппарат управления, куда входили: кяхья—его первый помощник, хазнедар—казначей, два или три калемджи—писцы. Кроме того, в распоряжении мютеселлима находились: личная стража, кавасы (нечто вроде жандармерии), множество слуг, приставов, курьеров и т. д.⁷⁹

Хотя мютеселлим одновременно являлся мюльтезимом, сам он сбором налогов не занимался, а поручал это дело своим агентам—мухассылам, либо перепродавал право сбора налогов местным богачам⁸⁰.

Введение системы «маликяне» способствовало сокращению численности ленников-сипахи. По мере роста площади владений, отведенных под маликяне, сокращалась площадь тимаров и зеаметов. Так, если в середине XVI в. во всей империи насчитывалось 3192 зеамета и около 50 тыс. тимаров, то уже к началу XIX в. их количество сократилось до 1000 в Румелии и около 15 тыс. в Анатолии⁸¹. В то же время государство лишалось своих основных источников дохода, удовлетворившись лишь тем, что оно получило от продажи пожизненных откупов. Кроме того, главное условие получения маликяне—обязательная принадлежность к местной знати—способствовало сосредоточению ильтизамов в руках местных богачей—аянов, о которых уже говорилось. В результате росла экономическая и политическая мощь местной знати, активизировались центробежные силы, выразителями которых стали деребей. Увидев это, власти попытались исправить положение. В 1714 г. султан Ахмед III издал указ об упразднении системы пожизненных откупов и восстановлении годичных мука-таа⁸². Тем откупщикам, которые владели маликяне к моменту издания указа, разрешалось оставаться на своей должности до тех пор, пока они не компенсируют ту сумму, которую они платили государству при приобретении маликяне⁸³. Однако этот указ не дал желаемых результатов, поскольку лица, заинтересованные в сох-

ранении пожизненных откупов, составляли внушительную силу. Они себя считали настоящими хозяевами своих маликяне и никому, даже правительственным чиновникам, не позволяли вмешиваться в свои внутренние дела⁸⁴.

Во многих районах азиатской части империи, особенно во внутренних районах, сельское хозяйство сохраняло преимущественно натуральный характер. Почти все путешественники, побывавшие в Османской империи в первой половине XIX в., приводили убедительные факты о жалком состоянии земледелия. «Земледельческие орудия труда азиатцев,—писал М. П. Вронченко,—очень просты и грубы, особенно у кочующих племен. Соха часто есть не что иное, как обтесанное бревнышко с крепким косвенным суком, на который надевается плоский железный наконечник; борона... состоит из ряда связанных между собой жердочек с короткообрубленными сучьями; иногда ее заменяют связкой колючего кустарника, которую протягивают по полю для перемещения зерен с землей»⁸⁵. Полковник русской армии Радожицкий, посетивший ряд областей Западной Армении в годы русско-турецкой войны 1828—1829 гг., описывал положение крестьянства следующими словами: «Произведения земли не составляют собственности поселян, но принадлежат владельцу деревни или округа, а посему засев, жатва, молотьба производятся общиною, за что работники получают из всего десятую долю. Поселяне не имеют побуждения улучшать земледелие потому, что для них тогда было бы более работы, более требовалось бы с них податей»⁸⁶. Об уровне развития земледелия имеются также сведения у К. М. Базили: «Над земледельцем в Турции более тягостит рабство, нежели над пастухом (имеет в виду кочующие племена)... земледелие остается едва ли не в той степени развития, в каком оно находилось при Константине Великом»⁸⁷. В 30-х гг. XIX в. наблюдалось массовое разорение крестьян Малой Азии: «Зажиточных земледельцев очень мало, а число их уменьшается беспрестанно. Очень многие живут в бедности, довольствуясь самой скудной пищей и едва имея достаточно одежды для прикрытия наготы. Случается, что грабеж агентов, взимающих всякого рода налоги продуктами, в нату-

ре и деньгами, приводит селян в крайность: многие оставляют свои дома и убегают кто куда может и где надеется найти жизнь сноснее,—так иногда уменьшаются и даже совсем пустеют целые деревни. Число бедных возрастает в ужасающей постепенности»⁸⁸.

Описание социального расслоения в турецкой деревне встречается также у некоторых европейских путешественников. Так, французские журналисты М. Мишо и М. Пужула, посетившие Аданский пашалык в начале 30-х гг. прошлого столетия, писали: «Издавна существует мнение, будто в Турции нет ни аристократии, ни наследственных привилегий... Однако в округе Тарсуса мы воочию убедились в обратном. Существует изрядная дистанция между местными ага и их сыновьями и всем остальным населением. Мы видели сыновей ага, которые свой титул получили по наследству от отцов. Все эти богачи, именующие себя аянами, заставляли крестьян или вассалов, как бы их там ни называли, выполнять ту же самую барщину, те же феодальные повинности, что некогда бароны и представители прочей аристократии во Франции»⁸⁹. «Здесьшний народ,—писал французский энциклопедист Вольней, побывавший в Османской империи в 70-х гг. XVIII в.,—стесненный в использовании продуктов своего труда, ограничивает свою деятельность лишь пределами первой необходимости. Земледелец сеет ровно столько, сколько нужно, чтобы прожить; ремесленник работает лишь для пропитания своей семьи. Если у него имеются какие-нибудь излишки, он их тщательно прячет»⁹⁰.

Застой в сельском хозяйстве свидетельствовал об общем упадке экономики Османской империи. Непосредственные производители—крестьяне—не являлись хозяевами выращиваемого ими урожая, который расхищался государственными агентами, аянами, деребеями и всякого рода крупными и мелкими ага. Бесконечные вооруженные конфликты между провинциальными феодалами опустошали целые области и уничтожали посеvy. В подобной обстановке земледельцу, к какой бы национальности он ни принадлежал, оставалось, как метко заметил турецкий исследователь Дж. Танкут, только одно средство: вооружиться своим последним оружием—нищетой⁹¹.

Изнывая под непосильным гнетом, многие крестьяне, невзирая на административные и законодательные меры правительства, усиливавшие прикрепление крестьян к земле, оставляли земледелие и в поисках лучшей участи отправлялись в крупные города. Иногда возникали стихийные восстания крестьян, которые провинциальные феодалы использовали для достижения своих корыстных целей. Примечательно, что в отдельных случаях трудящиеся разных национальностей объединялись в борьбе против своих общих угнетателей—турецких правителей. Так, армянское и турецкое население Сиваса, недовольное налоговой политикой правителя эялета Турунджу-оглу, в 1790 г. восстало против этого пашы и совместными усилиями изгнало его из города. То же самое произошло и в 1802 г., когда *объединившиеся горожане* (выделено нами.—М. Б.) изгнали из Сиваса вновь назначенного правителем Хусеин-пашу⁹².

В районах с немусульманским населением крестьянские восстания приобретали ярко выраженный национальный характер. В первой четверти XIX в. участились выступления балканских народов—сербов, боснийцев, греков и т. д., что было использовано европейскими державами как предлог для вмешательства во внутренние дела Османской империи.

В особенно трудных условиях находилось крестьянство Западной Армении, которое изнывало под двойным; а иногда и тройным гнетом турецких, курдских, а иногда и армянских феодалов. В начале XIX в. происходил процесс перехода от кочевого образа жизни к оседлому у большинства курдских племен, вожди которых отбирали у армянских крестьян земельные угодья, устанавливая фактически крепостнические отношения. Хотя крепостническая зависимость крестьян от феодалов законами империи не предусматривалась, на самом деле такая зависимость в Западной Армении существовала⁹³. Почти повсеместно процветало рабство, однако рабы в социальной-экономической жизни Османской империи значительной роли не играли⁹⁴. Описывая нелегкую жизнь армянского крестьянства в первой половине прошлого столетия, армянский писатель Х. Абовян писал: «Варварский произвол курдских вождей не знал пределов. Христиане, особенно бедный армянский

народ и несторианцы (айсоры⁹⁵.—М. Б.) являлись их рабами в истинном смысле этого слова. Спускаясь с богатых кормами гор и плодородных долин на зимовку, они оставляли свои бесчисленные стада у армян, чтобы те ухаживали за ними без всякого возмещения расходов. Последние вынуждены были заблаговременно запасаться фуражем, чтобы избежать их (курдских вождей) жестокой мести. Ничтожное сопротивление каралось величайшей жестокостью»⁹⁶.

Немногим лучше было положение ремесленников. В результате все усиливавшейся конкуренции европейских фабричных изделий продукция ремесленников Азиатской Турции, по-прежнему объединенных в цехи, постепенно вытеснялась с внутреннего и внешнего рынков, вследствие чего местная промышленность приходила в упадок. Однако в начале XIX в. некоторые отрасли местной промышленности все еще продолжали процветать. Например, на азиатском побережье Дарданелл имелись гончарные мастерские, которые выпускали «очень хорошую муравленную разноцветную с простой позолотой посуду»⁹⁷. В Малой Азии, в городах Кастамону, Эгридир, Касаба и др. изготовлялись: грубый холст, употребляемый в простом народе на рубахи и нижнее белье; сырцовые рубахи, ткани для чалм и платков (из привозной пряжи) и грубые бумажные ткани. Довольно развито было производство ковров, кожаной обуви, грубого сукна и т. д.⁹⁸. В конце 30-х гг. в Трабзоне существовали небольшие мануфактуры шелковых, хлопчатобумажных и шерстяных изделий. Красильных и набоечных заведений насчитывалось до 20, кожевенных и сафьяновых—до 30, мыловаренных заводов—более 10. Был также один «железоделательный» завод⁹⁹. В Эрзуруме находились: суконная фабрика, фабрика шерстяных изделий, красильное заведение, набоечная, кожевенные и сафьяновые заводы, заводы глиняной посуды и пр.¹⁰⁰ Производство ремесленных изделий вплоть до середины XIX в. осуществлялось главным образом христианскими подданными империи—армянами, греками, болгарями и сербами. По свидетельству И. И. Голобородько, велика была роль армян в развитии техники, искусства, науки и промышленности¹⁰¹. В таких городах, как Эрзурум, Токат, Адана, Сивас, Диярбакыр

и Ван, где было развито производство металлических изделий и инструментов, ювелирных изделий, медной посуды и т. д., большинство ремесленников были армянами¹⁰². Многие товары, производимые в империи, постепенно утрачивали значение для международной торговли и изготовлялись преимущественно для местного потребления. Сановники султанского дворца, все высшее сословие, купцы, а также часть ремесленников употребляли европейские изделия¹⁰³.

Несмотря на кажущуюся стабильность (торговый баланс Османской империи вплоть до начала XIX в. все еще оставался активным), не лучше обстояли дела также с внешней торговлей. Во второй половине XVIII в. в ней произошли качественные изменения. Сирийские и египетские города, до этого игравшие ведущую роль в торговле с Европой, постепенно отошли на второй план, уступив свое место балканским и некоторым анатолийским городам. Особенно интенсивно развивалась торговля с городами Стамбул, Измир и Салоники.

Ведущее место в этой торговле занимала Франция, которая в последние десятилетия XVIII в. держала в своих руках примерно 50% всего торгового оборота с Ближним Востоком (на сумму 120 млн. ливров). Второе место занимала Голландия—15%, или 18 млн. ливров; третье и четвертое места—Австрия и Венеция—по 8%, или по 10 млн. ливров. В то же время Великобритания занимала всего лишь пятое место—менее 8%¹⁰⁴. В те годы франко-турецкая торговля развивалась более быстрыми темпами, чем торговля Франции с Востоком в целом, и составляла 1/20 часть всего внешнеторгового оборота Франции (1 млрд. 152 млн. ливров). В то же время доля Османской империи составляла всего лишь сотую часть внешнеторгового оборота Великобритании. На рубеже XIX в. треть французской торговли с Османской империей приходилась на долю Европейской Турции и Анатолии. Предметами французского экспорта в Османскую империю являлись в основном такие колониальные товары, как сахар, кофе и сукно. Франция вывозила из империи хлопок-сырец, оливковое масло и разные злаки¹⁰⁵.

Тогда же активизировалась торговля Голландии и немецких городов с Ближним Востоком. Ввоз и вывоз

товаров на голландских судах осуществлялись через измирский порт, где голландцы предлагали покупателям индийские муслины, сукна из Ахена и Вербье, сахар, кофе, скобяные изделия из Германии, шведское железо и сталь¹⁰⁶.

В торговле с Османской империей иностранцы пользовались особыми льготами на основе режима капитуляций: неподсудность турецким судам, уплата низкой ввозной пошлины (3% от стоимости товаров), освобождение от налогов, право расплачиваться валютой своей страны и пр. С 1740 г. капитуляционный режим был закреплен навечно—сперва в пользу Франции, а затем и других европейских держав¹⁰⁷. Низкая ввозная пошлина давала возможность иностранцам получать огромные прибыли в торговле с Османской империей, и поэтому началась жестокая конкуренция между великими державами за завоевание турецкого рынка.

В первые десятилетия XIX в. в Европе все еще большим спросом пользовались шелка Халеба, атлас и бархат Бурсы, шали Анкары, длинношерстные ткани Измира, анатолийские ковры, изделия стамбульских мастеров из серебра и слоновой кости, резное оружие и т. д.¹⁰⁸ Однако вывоз этих товаров постепенно сокращался: основной статьёй турецкого экспорта становились шерсть, ковры, накидки из грубого сукна, так называемые «аба». Эти товары, как правило, сбывались в Ливорно, Генуе, Венеции, Мальте, Анконе, Амстердаме и Марселе, где их покупали бедные слои населения. Грубое сукно, вывозимое в Марсель, оттуда переправлялось на Антильские острова на одежду для рабов-негров¹⁰⁹.

Иностраный капитал начал подчинять себе внутренний рынок Османской империи, формируя в портовых городах посредническую, или компрадорскую, буржуазию из числа нетурецких национальностей—армян, греков, евреев и европейцев, обосновавшихся на Ближнем Востоке, так называемых левантийцев. Характеризуя состояние торговли в конце 20-х гг. XIX в., М. Базили отмечал: «Вся внешняя торговля находится в руках иностранцев, девять десятых внутренней—в руках греков и других подвластных народов; все обороты на личных сумм находятся в руках армян и евреев. Есл

есть между турками богачи, все их богатства происходят от двух источников: они или награбили ранее в областях, накопили наличный капитал и нажили большое имение, в котором уже исключительно они и их наследники грабят поселян; или награбили казну в султанской службе и, получивши в теплом местечке каких-нибудь ста аспров, т. е. тридцать копеек в день содержания, после нескольких лет были выгнаны со службы с миллионом пиастров»¹¹⁰. О значении инонациональной буржуазии в торговле Османской империи писал Ф. Энгельс: «Греки, армяне, славяне и западноевропейцы, обосновавшиеся в больших морских портах, держат в своих руках всю торговлю, и у них нет решительно никаких оснований благодарить турецких беев и паша за возможность ею заниматься»¹¹¹.

В то время, как в портовых городах товарно-денежные отношения пробивали себе путь, торговля с внутренними районами Анатолии сохраняла преимущественно натуральный характер. Местные купцы, осуществлявшие торговлю между приморскими городами и внутренней Анатолией, платили за привозные товары местными продуктами, что было очень выгодно для тех, кто поставлял Анатолии свои изделия¹¹². Ведущее место в этой торговле в 30-х гг. XIX в. принадлежало городу Измиру, но во второй половине 30-х гг. центр тяжести переместился в Стамбул. Это было сделано по поощрению правительства, которое купцам, доставлявшим свои товары из Анатолии в Стамбул, предоставляло больше льгот. На Востоке такое же значение в коммерческом отношении приобретал город и порт Трабзон. По этому поводу Энгельс писал: «Константинополь и, в особенности, Трапезунд в азиатской Турции являются главными центрами караванной торговли с внутренней Азией, с долинами Тигра и Евфрата, с Персией и Туркестаном»¹¹³. В 30-х гг. главнейшие обороты во внутренней Анатолии производились на трех ярмарках—в Туте, Балыкесире и Зилле. Тутская ярмарка, называвшаяся «Япракы панайыр», проходила в начале августа и продолжалась до середины месяца. На нее съезжались купцы из всех больших торговых городов Малой Азии. Стоимость товаров, привозимых на эту ярмарку, оценивалась более 10 млн. пиастров. В течение сентября

проходила ярмарка в Балыкесире, торговый оборот которой значительно превышал тутский—около 15 млн. пиастров. Вслед за ней, в октябре, открывалась ярмарка в Зилле, которая постепенно теряла свое значение в связи с упадком торговли близлежащего города Токата. Хотя Токат и продолжал оставаться одним из крупнейших центров транзитной торговли в Анатолии, но уже перестал быть посредником между Малой Азией и дугими областями империи. Если раньше отсюда в Стамбул и Измир отправлялись товары, поступавшие из Персии, Индии и Арабского Востока, то в 30-х гг. предметами токатской торговли стали произведения местного производства. Такая же участь постигла и город Кайсери, который в прошлом был одним из крупнейших центров транзитной торговли¹¹⁴.

* * *

Таким образом, в первые десятилетия XIX в. положение Османской империи было тяжелым. В результате разложения тимариотской системы и глубокого кризиса, охватившего все сферы османского феодального общества, пришли в упадок армия и финансы, что сказалось на международном положении империи—она терпела одно военное поражение за другим, и постепенно от нее начали отходить некогда завоеванные территории. Был поставлен вопрос о самом существовании Османской империи. Осознав всю серьезность положения, правящие круги страны в течение XVIII в. предпринимали отчаянные попытки восстановления боеспособности армии путем ее частичной реорганизации. С этой целью из Европы были приглашены военные инструкторы, среди которых наиболее известен сын венгерского эмигранта, бывший офицер французской армии барон де Тотт. Под его руководством были возведены укрепления в Дарданеллах, учреждены артиллерийская и саперная школы, организованы новые отряды полевой артиллерии и стрелков, введено употребление штыка и т. д.¹¹⁵

Более серьезные попытки реорганизации армии и ее модернизации на европейский лад, а также укреп-

ления государственного аппарата были сделаны лишь в конце XVIII—начале XIX вв., в годы правления султана Селима III (1789—1807). Селим III декретировал и частично провел в жизнь ряд военных и административных реформ, известных под названием «Низам-ы джедит» (Новая система, или Новый порядок). Целью этих реформ, как указывал А. Ф. Миллер, было устранение злоупотреблений в военно-ленном землевладении, упорядочение финансов и администрации, а главное—создание регулярного, обученного по-европейски войска, способного заменить янычарский корпус, совершенно к тому времени разложившийся¹¹⁶. Однако реформы Селима III, по ряду причин, не были завершены и стоили жизни самому султану¹¹⁷. В сущности, эти реформы отражали стремление небольшой части правящих кругов спасти империю от надвигавшейся гибели.

После гибели Селима III вопрос реорганизации армии и государственного устройства оставался актуальным, поэтому политика реформ была продолжена при его преемнике султани Махмуде II (1808—1839).

ГЛАВА II

ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ (1808—1847 гг.)

1. «СЕНЕД-И ИТТИФАК» И БОРЬБА ПРОТИВ СЕПАРАТИЗМА ФЕОДАЛОВ АНАТОЛИИ (1808—1821 гг.)

28 июля 1808 г. султан Мустафа IV, получивший трон из рук янычар, был низложен аяном города Рушук Мустафа-пашой Байрактаром¹, а 2 августа того же года в столичной мечети Эйюб-султан был опоясан султанским мечом единственный оставшийся в живых представитель мужской линии Османской династии—Махмуд II².

Личность и мировоззрения Махмуда II до сих пор привлекают пристальное внимание исследователей новой истории Турции. Многие считают его султаном-реформатором, человеком прогрессивных взглядов, но их смущает то обстоятельство, что первые 18 лет своего правления Махмуд II не проводил каких-либо преобразований, да и нет фактов, подтверждающих, что у него подобные намерения были. Между тем анализ внутреннего и международного положения империи в 1808—1826 гг. показывает, что осуществление политики реформ в этот промежуток времени не представлялось возможным по многим причинам. Во-первых, было физически уничтожено большинство политических деятелей эпохи Селима III, поддерживавших политику реформ, и новому султану не на кого было опираться, если бы даже он захотел продолжить начинание Селима III. Во-вторых, отсутствовали кадры, способные подготовить определенную программу преобразований и осуществ-

вить ее на практике. Такие кадры появились лишь в 30-х гг., когда из Европы возвратилась группа молодых османских дипломатов во главе с Мустафой Решид-пашой. В третьих, главной целью всех реформ XIX в., включая и танзиматские, было сохранение территориальной целостности империи и торможение процесса ее распада. Султан и его приближенные полагали, что осуществление этой цели будет реальным лишь в том случае, если будет восстановлена крепкая центральная власть, располагающая регулярной армией, полицией и всеми прочими институтами, присущими централизованному государству. Одним из главных препятствий на этом пути был сепаратизм феодалов—аянов и дербеев, которые, как показали события периода царствования Селима III, активно выступали против политики реформ, отлично понимая, что в конечном счете она приведет к укреплению центрального правительства и утрате ими самостоятельности³.

В первые годы правления Махмуда II наибольшую угрозу трону и центральной власти представляли именно аяны и дербены. Подчинение их центральному правительству было необходимым этапом для продолжения политики реформ. Политическая деятельность таких крупных аянов, как Али-паша Янинский, Осман-паша Пазванд-оглу, Мехмед Али-паша и др. получила широкое освещение в отечественной и зарубежной исторической литературе. В настоящей работе мы ограничимся лишь характеристикой сепаратизма аянов и дербеев Анатолии и рассмотрим борьбу центрального правительства против них⁴.

На рубеже XVIII—XIX вв. в Азиатской Турции господствовало несколько могущественных феодальных родов.

Санджак Чорум и Амасья находились в безраздельном владении феодального рода Чапан-оглу, известного также под именем Джеббар-заде. Согласно свидетельству современников, влияние семьи Чапан-оглу в одно время распространялось также на районы Кайсери и Токата, и они могли выставить хорошо вооруженную кавалерию в 40 тысяч человек⁵. Основателем этой династии принято считать правителя города Бозок (современный Йозгат) Ахмет-пашу Чапан оглу, кото-

рый в 1764 г. по повелению султана был смещен со своей должности. Его место занял сын Мустафа-бей, который в 1781 г. был убит собственными телохранителями³. С 1781 по 1814 гг. должность мутасаррыфа Бозока занимал внук Ахмет-паши Сулейман-бей—самый могущественный представитель рода Чапан-оглу. После его смерти в 1814 г. центральному правительству удалось подчинить себе санджаки, находившиеся под властью этой семьи⁷.

Население подвластной территории платило Чапан-оглу налоги как натурой⁸, так и деньгами. Несколько раз в году Сулейман-бей в сопровождении своих воинов посещал село Биреджик и каждый раз взимал налог в размере 30 пиастров с души населения⁹. Поскольку денег в сельской местности тогда почти не водилось, крестьяне вынуждены были обращаться к «услугам» ростовщиков¹⁰. Семья Чапан-оглу издавна претендовала на земли джаникского даребея Тайяра Махмуд-паши и, благодаря военной помощи, оказанной ею правительству в борьбе против последнего, присоединила к своим владениям на какое-то время санджаки Трабзон и Джаник¹¹. Все административные, военные и даже судебные должности в этих санджаках замещались только по указанию Чапан-оглу. Они сами раздавали тимары и зеаметы¹².

Влияние другого феодального рода—Караосман-оглу—распространялось на санджаки Айдын, Маниса, Бергама и Сарухан (современный Измирский ил)¹³. На подвластных Караосман-оглу территориях, кроме турок, проживали греки, армяне и евреи¹⁴.

Возникновение рода Караосман-оглу непосредственно связано с процветанием откупной системы, благодаря которой они сумели прибрать к своим рукам почти все пожизненные откупы в западной Анатолии¹⁵. Представители этого дома постепенно вытеснили всех других аянов саруханского санджака, и к середине XVIII в. в их руках сосредоточились административные должности (мутасаррыфы, мютеселлимы, мухассылы, воеводы и пр.) многих районов этой области. До 1816 г., когда скончался последний влиятельный представитель их семьи, Караосман-оглу пользовались у местного населения большим авторитетом, чем прави-

тельство. Караосман-оглу регулярно принимали участие в военных походах против России и румелийских ²⁰ помогали правительству в борьбе против других аянов и деребеев и в подавлении восстаний в Анатолии¹⁶.

Одним из опаснейших противников политики реформ султана Селима III был джаникский деребей Тайяр Махмуд-паша—наследный властелин Трабзона и Джаника (современный Самсун)¹⁷. Основателем этого рода был Хаджи Али-паша, участник русско-турецкой войны 1764—1768 гг., командующий турецкими войсками в Крыму во время военных действий 1773 г. В 1779 г. семья Чапан-оглу, подстрекаемая правительством, напала на Джаник, и Али-паша, потерпев поражение, бежал в Россию, но через два года был помилован и вернулся в Джаник. После смерти Хаджи Али-паши в 1785 г. его поочередно сменяли сыновья Микдад Ахмет (казнен в 1791 г.) и Хусени Баттал-паша (умер в 1801 г. Сыном последнего и был знаменитый деребей Гайяр Махмуд-паша, в борьбе с которым султанская власть традиционно использовала соперничающий с ним род Чапан-оглу¹⁸.

В течение 35 лет большей частью Сирии правил Ахмет Джебзар-паша, «одно имя которого приводило в ужас окружающих его людей»¹⁹. Ахмет-паша происходил из боснийской семьи. В 15 лет был продан богатому египетскому паше. Во время нахождения в Египте он работал палачом и так усердно выполнял свою работу, что был прозван в народе «джебзар» (мясник, жиловдер). В дальнейшем стал правителем Сирии и остановил движение войск Наполеона под Аккой. Во время своего правления он постоянно игнорировал распоряжения центрального правительства, по своему усмотрению назначал и смещал пашей, эмиров и беков соседних районов и держал в постоянном страхе население Сирии, для которого его воля была законом²⁰.

В районе Биледжика (санджак Хюдавендигяр) хозяйничал род Кальонджу-оглу, в Киликии—Кючюк Али и его сын Деде бей, в Ризе—Тузджу-оглу Мемиш. в Карахисаре—Ибрагим-ага и т. д.²¹ Кроме перечисленных, было еще множество мелких аянов и деребеев, которые подчинялись более крупным феодалам своих провинций²². Очень сильна была власть деребеев в вос-

точных районах империи. В годы правления Махмуда II здесь существовали эмираты Бабан, Бахтинан, Бохтан, Соран и Хаккяри, которые, хотя в административном отношении подчинялись правителям Эрзурума, Вана, Диярбакыра и Багдада, на самом деле пользовались фактической независимостью от султанской администрации²³.

Такова была картина в Азиатской Турции в начале 1808 г., когда двадцатитрехлетний наследник престола Махмуд стал султаном. В первые месяцы правления молодого султана всеми государственными делами управлял занявший пост великого везира Мустафа-паша Байрактар. Он понимал, что наибольшую угрозу трону на данном этапе представляли не янычары и их духовные наставники со своими интригами и кознями, а азиатские феодалы. Для продолжения политики реформ, начатой султаном Селимом III, сторонники преобразований пошли на компромисс и решили нейтрализовать феодалов-сепаратистов путем некоторых уступок.

В сентябре 1808 г. по приглашению Байрактара для ведения переговоров с правительством в Стамбул прибыло несколько представителей крупных феодальных домов Анатолии²⁴, в том числе аян города Биледжик Кальонджу Мустафа, Чапан-оглу Сулейман-бей, Караосман-оглу Омер-ага и др.²⁵ На приглашение не откликнулось большинство азиатских феодалов, а часть прибывших покинула столицу, как только стало известно, что переговоры ведутся в нежелательном для них направлении²⁶. В итоге получилось так, что под текстом компромиссного договора, заключенного после переговоров, свои подписи поставили всего лишь четыре феодала²⁷. Переговоры проходили в сентябре-октябре 1808 г. в летней резиденции султанов «Кяйтхане кешкю» и завершились подписанием договора, известного в истории под названием «Сенед-и иттифак» (Союзный пакт)²⁸. Он состоял из вступления и семи статей, называемых по-турецки «шарт» (условие).

Во вступлении, составленном самим Байрактором, говорилось: «Ни для кого не является секретом, что со времен своего основания высочайшее государство османов одержало много великолепных побед и расшири-

ло свои границы, благодаря высокой сознательности подданных и духу единства и дружбы, царившему между ними. Но случилось так, что с некоторых пор гнет над населением и междоусобицы между ханеданами (здесь—наследственные феодальные династии.—М. Б.) в провинциях нарушили мир и внутренний порядок страны и привели к ослаблению былого могущества империи, нанося непоправимый удар по престижу падишаха и государства как внутри страны, так и за ее пределами. Имущество богатых и бедных, знатных людей и простого народа одинаково расхищается алчными грабителями, чьи незаконные поступки причиняют стране огромный ущерб и опустошают ее. Мы здесь собрались со священной целью—восстановить на вечные времена покой и порядок в стране, навсегда покончить с попытками раздробления страны и заключить взаимобязывающий пакт. Присутствующие на совещании обсудили все касающиеся интересующей нас темы вопросы и единодушно решили подписать «Сенед-и иттифак»²⁹.

«Сенед-и иттифак» состоял из следующих статей:

1. «Все мы гарантируем безопасность личности и неприкосновенность трона падишаха. Если кто-либо из везиров, улемов, оджаклы³⁰, или ханеданов изменит падишаху или пойдет против его воли, то мы обязуемся наказать его совместными усилиями. Тех, кто не присоединился к настоящему пакту, мы силою заставим присоединиться. От своего имени и от имени наших потомков заверяем, что берем на себя ответственность за сохранение и защиту территориальной целостности империи;

2. Поскольку сохранение и укрепление государства зависит от наших общих усилий, мы должны внести в дело создания новых государственных (регулярных) войск свой вклад. Решение о создании новых войск принято единогласно, и если со временем кто-нибудь, в том числе оджаклы, попытается помешать осуществлению этого дела, он будет наказан как предатель интересов государства и падишаха;

3. Мы обязуемся гарантировать доходы государства и казны от посягательств со стороны. Кто помешает сбору налогов и осуществлению повелений падишаха, тот будет иметь дело с нами;

4. Согласно традиции, все указы и приказы падишаха распространяются через его абсолютного заместителя («мутлак векил») — садразама. Впредь все должно безропотно подчиняться приказам, исходящим из садарета, поскольку они совпадают с волею самого султана. Однако, если садразам будет поощрять незаконное взяточничество³¹, будет заниматься интригами и антигосударственной деятельностью, все мы сообща должны остановить его. А если этот абсолютный заместитель решит отомстить кому-нибудь из нас, то мы должны препятствовать этому;

5. Все мы дали согласие защищать личность государя, его сюзеренитет и существующий в империи строй, однако необходимо, чтобы такую же гарантию государство дало ханеданам и всем государственным чиновникам. Иначе говоря, все мы должны покровительствовать друг другу. Все подписавшие текст аяны, везиры и государственные чиновники обязаны гарантировать безопасность личности и имущества здесь собравшихся, их наследников и потомков. До тех пор, пока ханеданы соблюдают условия этого пакта, ни государство, ни его представители в провинции не имеют права нападать на их владения и строить против них козни. В противном случае все мы должны сообща наказывать провинившегося. Все государственные чиновники должны гарантировать жизнь и имущество ханеданов и заботиться о том, чтобы после их смерти их род продолжался. В свою очередь, ханеданы обязуются защищать подчиненных им аянов и прочую знать. Если кто-либо из ханеданов посягнет на жизнь и имущество этих аянов, с согласия садразама будем смещать его и назначать на его место другого. Никто из аянов не может претендовать на земельные владения соседей. Кто нарушит это условие, того будем наказывать, в какой бы части империи он ни находился. Аяны в союзе с остальными представителями знати будут бороться против анархии и разбоя. Угнетатели бедняков будут наказаны. Аналогичным образом гарантируется жизнь и имущество везиров, улемов, государственных чиновников и членов их семей, если они ни в чем не провинились. Если их виновность будет доказана, наказывать их может только канцелярия великого везира;

6. Если столичные янычары поднимут бунт, все ханеданы немедленно и безо всякого приглашения явятся в столицу со своими войсками для усмирения бунтовщиков. Если в заговоре виновны отдельные личности, то они будут казнены; если же виновным окажется какое-либо войсковое соединение, то оно будет распущено, а его личный состав будет распределен по другим воинским частям;

7. Поскольку безопасность личности и имущества райи для государства очень важна, ханеданы и подчиненные им аяны обязаны следить за сохранением порядка в своих округах. Они не вправе угнетать райя и взимать с нее незаконные налоги. Виды и размеры налогов будут определяться на совместном заседании веэиров и ханеданов, и принятые решения будут соблюдены обеими сторонами. Ханеданы не будут умалчивать факты нарушений со стороны отдельных феодалов. Они немедленно будут сообщать его величеству падишаху о нарушениях и принимать меры для пресечения пресупления».

Как видно из текста, основной идеей «Сенед-и иттифак» является обеспечение беспрекословного подчинения провинциальных феодалов, а также правителей санджаков и вилайетов и янычарского корпуса центральной власти. С другой стороны, правительство берет на себя обязательство гарантировать безопасность личности и имущества не только самих феодалов, но также их наследников и потомков, что равносильно официальному признанию законности политической самостоятельности феодальных династий, их законных наследственных прав на владение землей. Феодалы обещают совместно выступать против внешних и внутренних врагов султана, однако взамен они получают гарантию, что правительство не будет вмешиваться в их внутренние дела в пределах своих округов, за исключением тех случаев, когда этого потребуют интересы государства. В конечном счете, заключение этого пакта значительно ограничивало власть центрального правительства в его взаимоотношениях с феодалами провинции. Почему же правительство пошло на этот шаг в ущерб своим интересам? Инициатива подписания этого пакта исходила от аянов, представителем которых

был сам Мустафа-паша Байрактар. В отличие от дереев восточных областей, аяны занимались торговой деятельностью и были заинтересованы в сохранении безопасности и порядка внутри страны и поэтому поддерживали правительство в борьбе против открытых сепаратистов—дереев. Вместе с тем, им нужна была гарантия от посягательств со стороны государства и его чиновников. Условия подписанного пакта почти полностью отвечали их интересам и стремлениям. С другой стороны, правительство тоже искало себе союзников, поскольку дальше надеяться на верность янычар было нельзя, а они до сих пор были основной опорой центральной власти. Тем не менее, одно из основных условий пакта—ограничение власти центрального правительства над феодалами и признание их фактической самостоятельности—совсем не устраивали султана и его окружение, поэтому этот союз с самого начала был непрочен, а после гибели Байрактара и совсем был предан забвению. Правительство Махмуда II отказалось от каких-либо компромиссов и решило раз и навсегда покончить с самостоятельностью и сепаратистскими стремлениями анатолийских феодалов.

Активная и планомерная борьба против анатолийских феодалов развернулась по окончании русско-турецкой войны 1806—1812 гг. Она тесно связана с именем фаворита султана Махмуда II Халет-эфенди³². Это обстоятельство дало повод некоторым исследователям называть первые годы правления султана Махмуда II периодом Халета-эфенди (Халет-эфенди деври).

Известно, что в 1811 г. султан высказал своему фавориту Халету-эфенди соображения относительно наказания «мютегалеве»³³, а также янычар. Тот выразил готовность лично заниматься этим вопросом³⁴. Сам он в прошлом был янычаром и, хотя обещал султану заниматься также янычарским вопросом, на самом деле всю свою энергию и хитрость направлял исключительно против анатолийских феодалов. Халет-эфенди завоевал симпатию и доверие султана благодаря преданности трону и своей активности при подавлении восстания багдадских келеменов³⁵. Халет-эфенди неоднократно сам возглавлял карательные отряды против анатолий-

ских феодалов, либо принимал в их составлении активное участие³⁶.

Одной из первых жертв политики подавления сепаратизма феодалов, проводимой султаном Махмудом II, стал войвода (искаженная форма славянского термина «воевода») города Биледжик (санджак Хюдавендигяр) Кальонджу Али-ага. Поведение этого аги давно беспокоило Порту. Опираясь на свое 15-тысячное войско, он пренебрегал султанскими указами, собственноручно назначал и смещал тимарнотов и занмов своей области. В годы русско-турецкой войны 1806—1812 гг. он неоднократно получал приказы отправиться во главе своих войск в ставку великого везира или, хотя бы, отправить туда часть своих войск, но под разными предлогами отказывался выполнять эти приказы³⁷.

В 1810 г. султан объявил Кальонджу Али-агу ферманли³⁸, т. е. приговоренный к смертной казни, и послал мутасаррыфа санджака Коджаэли Хаджи Азиз-паше приказ, требуя арестовать и казнить этого непокорного феодала. Приказ о выступлении против Кальонджу получили также аяны Адапазары, Карамюрсела, Изника (Никея), Енишехира и Бурсы³⁹. Несмотря на упорное сопротивление, Кальонджу Али-ага потерпел поражение, был схвачен и казнен. Его голову, согласно турецкой традиции, отправили в султанский дворец⁴⁰.

В середине зиль-хиджре 1227 г. (февраль-март 1811) скончался старший представитель рода Караосман-оглу Омер-ага. Его имущество, оцениваемое в 3000 кесе, было конфисковано в пользу султанской казны⁴¹. Смерть Омера-аги, одного из могущественных феодалов Анатолии, облегчила борьбу против сепаратистских элементов Анатолии. Правда, последний представитель рода Караосман-оглу—Хаджи Хусейн-ага—сохранял относительную самостоятельность до 1816 г., но серьезной опасности для Порты он уже не представлял⁴².

В 1815—1816 гг. султанская армия вела упорные бои против дербеев эялета Трабзон. Непосредственным поводом к выступлению против них послужило нападение на владение мютеселлима казы Сюрмене и разграбление его имущества объединенными отрядами дербеев Салих-оглу, Базы-оглу, Суичмез-оглу Хюсю,

Генч Махмуда, Дели Ахмеда и Кючюк Али-оглу Салиха⁴³.

Операцией по усмирению трабзонских дербеев руководили мутасаррыф санджака Кёйне, вали Трабзона, в прошлом мухассыл Джаника (Самсун) Хазнедар-оглу Сулейман-паша и каймакам Трабзона Хюсюн-ага. Однако им не удалось подчинить дербеев этого эялета. В это время вспыхнуло восстание в эялете Чылдыр (вилает Гюрджистан), для подавления которого требовалось сосредоточение всех войск северо-восточных областей⁴⁴.

Инициатором и руководителем восстания в эялете Чылдыр был сын бывшего вали этого эялета Селима-паши, правитель санджака Аджария Ахмет-бей⁴⁵. Воспользовавшись поддержкой местного населения, недовольного политикой центрального правительства, Ахмет-бей справился с местным мютеселлимом и приступил к сооружению крепости, за стенами которой он мог бы найти убежище в случае наступления султанских войск. Против Ахмет-бея по султанскому распоряжению была двинута армия под командованием вали Чылдыра Пехливана Ибрагим-паши⁴⁶, и вали Трабзона Сулейман-паши⁴⁷. Суровая зима 1816 г. заставила, однако, Баба-пашу отложить наступление, и оно началось лишь в начале весны 1817 г. Под нажимом султанских войск Ахмет-бей вынужден был скрыться в лесу. Здесь он встретился с отрядом ахалцихского дербея Агзыачык Мехмет-аги и уговорил его присоединиться к нему. Мехмет-ага понимал, что против султанской армии их немногочисленные отряды воевать не смогут, поэтому послал гонцов, которые призывали к восстанию жителей Вана, Олты и Ника. Однако на его призыв откликнулись лишь жители деревень Аразил, Хашарат и Кёйлюян⁴⁸. Благодаря их поддержке, повстанцы окружили турецкую армию в ущелье Генджеван и разгромили ее⁴⁹.

Баба-паша вынужден был попросить подкрепления из Эрзурума. Известие о поражении Баба-паши сильно обеспокоило Порту. В октябре 1817 г. был издан султанский указ, согласно которому в распоряжение Баба-паши переходили все иррегулярные войска эялетов Эрзурум и Чылдыр⁵⁰. Восстание, вспыхнувшее зна-

чале только в санджаке Аджария, вскоре распространилось по всему эялету и продолжалось до 1818 г. Оно было утоплено в крови, но стоило Порте большого напряжения сил⁵¹.

Одним их главных событий 1816 г. был инцидент с Тузджу-оглу (Тузджу-оглу вакасы). Тузджу-оглу Мемиш был аяном города Ризе. Этой должности он добился благодаря своему солидному состоянию, накопленному в результате коммерческой и ростовщической деятельности. В отличие от дерееев этого округа, Мемиш-ага своих войск не имел, и сепаратистских устремлений у него тоже не было. Однако его огромное богатство привлекало внимание султанской администрации, испытывавшей хронические финансовые трудности.

Повод для похода против Мемиша-аги был очень незначительным. Вали Трабзона Хазнедар-оглу, бравший у него займы очень крупные суммы и не собиравшийся возвращать свой долг, обратился к Мемиш-аге с просьбой одолжить ему еще 250 тыс. курушей, но тот отказался⁵². «Обиженный» Сулейман-паша добился султанского фермана о казни Мемиша-аги. Ему же было поручено наказание «дерзкого аяна». Его поддерживали войска мутасаррыфа санджаков Болу и Кастамону Али-паши и военные корабли, специально отправленные из столицы в Ризе⁵³. В конце сентября 1816 г. в Ризе прибыли также войска Сулейман-бея из Ливаны (санджак в составе Чылдыра) и из Аджарии во главе с Хусейн-беем⁵⁴. Не имея возможности оказывать сопротивление, Мемиш-ага скрылся в городке Оф (близ Трабзона), но городская знать во главе с имамом, подкупленная Портой, выдала его Сулейман-паше, который немедленно расправился с ним. Все имущество Тузджу-оглу было разграблено⁵⁵.

В 1816 г. были схвачены и казнены также такие феодалы, как воевода Карахисара Ибрагим-ага, дереебей из Аданского пашалыка Кючюк Али-оглу Деде-бей, даян города Буланьк (санджак Мараш) Акча-бей, дереебей из Кюрт-дагы Эмми-оглу Баттал и Омер, из Диярбакыра—Курани Мустафа⁵⁶.

Крупнейшим событием этого периода было восстание Дервиш-паши в Ване в 1818 г. Будучи комендантом (мухафыз) ванского гарнизона и пользу-

ьясь отдаленностью своей провинции от столицы, Дервиш-паша вел самостоятельную политику и даже, согласно свидетельству султанского чиновника Саид-эфенди, посетившего по служебным делам Эрзурум, Муш и Ван, чеканил собственную монету⁵⁷.

Дервиш-паша имел личные счеты с мутасаррыфом Мушского санджака Селим-пашой и стремился расширить границы находившейся под его властью территории за счет владений последнего. В его распоряжении, кроме ванского гарнизона, находилась хорошо вооруженная кавалерия, состоявшая из курдов эялета Ван, а также некоторых племен иранских курдов. Эти войска, возглавляемые вождем племени Сыбеки (Субеки) Сулейманом Абдуллах-агой, в начале 1818 г. напали на казу Буланьк (санджак Муш) и ограбили население. В ответ на это войска мушского мутасаррыфа, тоже состоявшие из курдов, во главе с шейхом Чыплаком опустошали казу Адилджеваз (эялет Ван). В том же году отряды Дервиш-паши нарушили иранскую границу, что привело к ответному вторжению персов на территорию Османской империи. Иранские войска захватили крепость Седматеш и разрушили ее⁵⁸.

Во время военных действий войны Дервиш-паши почти поголовно истребляли местное население. Спасаясь от них, 4 тысячи семей из пограничных районов нашли убежище в Иране⁵⁹.

Известия о действиях Дервиш-паши вынудили султанское правительство принять экстренные меры. Вали Эрзурума Ахмет-паша получил приказ о смещении и казни Дервиш-паши. В ответном письме вали Ахмет-паша, в частности, писал: «Против него (Дервиш-паши.—М. Б.) можно использовать войско мушского мутасаррыфа Селим-паши, но его солдаты настоящие разбойники и, если местное население узнает, что они включены в кампанию, то может перейти на сторону Дервиш-паши, хотя он сам среди жителей эялета популярностью не пользуется. К Дервиш-паше враждебно настроены курдские беки Сорана, Бохтана, Хизана и Хаккяри. Необходимо заключить с ними военный союз, захватить все дороги и мосты, ведущие в Ван, и препятствовать снабжению

крепости продовольствием и водой. Нужно действовать без промедления, ибо племена, ненавидящие Дервиш-пашу сегодня, завтра могут перейти на его сторону»⁶⁰.

Получив письмо Ахмет-паши, в столице составили план действий по усмирению ванского паши. Карательные войска против него должны были возглавлять Ибрагим Емини-бей (силахтар Ыспанакчы-заде Мустафа-паши из эрзурумской знати) и силахтар эрзурумского вали Али-ага. Их должен был поддерживать своими действиями мутасаррыф Муша. На случай, если Дервиш-паша перейдет границу, наследнику персидского престола Аббасу Мирзе и эриванскому сардару были отправлены письменные просьбы отказать мятежному паше в убежище.

Внезапная смерть вали Эрзурума Ахмет-паши заставила центральное правительство отказаться от намеченного плана. Оно решило покончить с «инцидентом Дервиш-паши» путем перестановок в административном аппарате. Должность вали Эрзурума и звание сераскера Вана получал правитель Чылдыра Хафыз Али-паша, а должность коменданта ванского гарнизона переходила к Емини-бею. Дервиш-паше было предложено отказаться от своей должности и получить взамен пост правителя Кыршехира в центральной Анатолии. Тот, как будто, согласился с новым назначением и покинул Ван, но отправился не в Кыршехир, а в Хой, расположенный недалеко от Вана. Свое поведение он мотивировал тем, что «доходы от санджака Кыршехир вряд ли покроют расходы его дома»⁶¹.

В это же время Емини-бей прибыл в Ван и принял командование местным гарнизоном. Но Дервиш-паша не собирался так легко уступить. Его агенты настраивали население города против новой администрации и, когда через некоторое время Дервиш-паша штурмом овладел городом и крепостью, жители Вана его приняли радушно. Емини-бей, попавший в окружение, покончил с собой⁶².

Действия Дервиш-пеши вызвали панику в султанском дворце. Хафыз Али-паша получил инструкцию расправиться с мятежным пашой любой ценой.

В Эрзурум из столицы были отправлены подкрепления с артиллерийскими орудиями. Против Дервиш-паши получили приказ действовать вали Чылдыра Али-паша, мутасаррыфы Баязеда и Алашкерта, все деревен эялета Эрзурум, вали Трабзона Хюсрев-паша (в будущем—ренс-эфенди и сераскер османской армии), мутасаррыф Бозока Нуруллах-паша, вали Мараша Хусейн-паша, вали Ракки (Урфа) и Диярбакыра Бехрам-паша, вали Сиваса Лютфи-паша. Новым комендантом ванского гарнизона был назначен мутасаррыф Ичэла Серт Махмут-паша.

Фактически, против Дервиш-паши действовали все вооруженные силы северо-восточного, восточного и юго-восточного военных округов, и его судьба была предрешена. Осада крепости Ван, где укрылся Дервиш-паша, продолжалась недолго. Убедившись в бесполезности сопротивления, Дервиш-паша попытался было бежать, но был задержан и казнен на месте⁶³.

В течение этих лет были казнены или подчинены центральному правительству такие известные деревен, как Текели-оглу, Дагдевирен-оглу, Исмаил-бей Серезли и Чапан-оглу⁶⁴. В течение 20-х гг. правительство Махмуда II насильственным путем сменило также правителей Урфы, Диярбакыра, Мосула, Багдада и Мардина, подчинило себе династию Караосман-оглу⁶⁵.

Подавлением восстания в эялете Ван завершается первый этап борьбы центральной власти за подчинение феодалов-сепаратистов. В последующие годы Порты была занята греческим восстанием 1821 г., решением янычарской проблемы, русско-турецкой войной 1828—1829 гг. и египетским вопросом, так что окончательное подчинение анатолийских феодалов было отложено на будущие времена.

Что же дал правительству первый этап борьбы с сепаратизмом анатолийских феодалов? Подведем некоторые итоги.

Во втором десятилетии XIX в. резко возросло число открытых выступлений анатолийских феодалов против центрального правительства. Этот факт, несомненно, связан с проводившейся султанским правительством политикой централизации административного управления.

начатой при Селиме III и еще более активизировавшейся в годы правления Махмуда II. Выступить более решительно против сепаратистских действий анатолийских феодалов султанское правительство было неспособно, поскольку в эти же годы оно вело борьбу против освободительного движения в Сербии и Боснии, против египетских мамлюков и национально-религиозного движения ваххабитов в Аравии. Поэтому в борьбе против анатолийских феодалов оно использовало все методы и средства. В одних случаях, когда выступления феодалов сопровождались восстанием местного населения, недовольного политикой султанской администрации, как это было в эялете Чылдыр и, отчасти, в Ване, против них снаряжались крупные карательные экспедиции. В других случаях, феодалов, отказывавшихся подчиняться правительству, устраняли путем обмана, отравления либо при помощи специально подосланных к ним убийц⁶⁶. Наконец, правительство пользовалось еще одним испытанным приемом: назначало анатолийских феодалов правителями областей в Румелии, а деребеев восточной Анатолии перемещало в западную Анатолию или Румелию⁶⁷.

2. ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОЛИТИКИ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ. БОРЬБА ЗА УСМИРЕНИЕ ФЕОДАЛОВ КУРДИСТАНА

В годы турецко-египетского конфликта 1831—1841 гг. воспользовавшись ослаблением Порты в результате военных действий, вновь активизировались антиправительственные силы, зачастую получавшие поддержку от египетского паши Мехмеда Али⁶⁸. Самыми значительными выступлениями этого периода были события, связанные с именами Казы-кырана и Тахмисчи-оглу⁶⁹.

В начале 1833 г. отряд башибузуков во главе с неким Казы-кыраном⁷⁰ овладел городом Йозгат и обложил население города данью. Направленные против него правительственные войска легко преодолели сопротивление Казы-кырана и тот отступил к Эрзуруму. Поскольку он продолжал свои разбойничьи набеги, вали Эрзурума Эсат-паша был направлен против него. Казы-кыран вместе со своим отрядом отступил в Грузию и

нашел убежище в русском карантинном отделении города Тифлиса. Губернатор города, не желая портить отношения с Портой, отправил Казы-кырана и его людей под усиленным конвоем обратно в Турцию и сдал Эсат-паше. За исполнение служебного долга вали Эсат-паша получил сан везира, а губернатор Тифлиса и находившиеся при нем русские офицеры получили в подарок породистых коней⁷¹.

Более серьезным выступлением этого периода был инцидент Тахмисчи-оглу в Кастамону в 1832—1833 гг. Согласно архивным материалам, извлеченным профессором И. Х. Узунчаршылы из Архива канцелярии премьер-министра (Башвекялет архиви), инцидент произошел в месяце джемазуль-эввель 1248 г. (сентябрь 1832 г.) и был организован наместником Египта Мехмедом Али-пашой⁷². Тахмисчи-оглу Хаджи Мустафа был десятником тимарнотской конницы в санджаке Кастамону. За преступление, совершенное во время пребывания в Стамбуле, он был арестован и заточен в Домрукскую тюрьму. После выхода из тюрьмы его уволили из армии. Тогда он, собрав отряд из бывших янычар, вместе со своим братом Кер-Хаджи Ахметом, прибывшим из Египта в составе армии Ибрагим-паши, напал на город Кастамону и захватил особняк местного мютеселлима. Свое поведение Тахмисчи-оглу мотивировал тем, что мютеселлим города Мехмет Эмин-ага злоупотребляет доверием жителей, требуя с них незаконный налог, расходовавшийся якобы на содержание матросов—«бедел-и кальонджу». Затем его люди в составе 40—50 человек явились на городской рынок и приказали лавочникам запереть магазины и присоединиться к ним. Увидев, что население города сочувствует Тахмисчи-оглу, мютеселлим Мехмед Эмин-ага, местный кадий и остальные представители городского управления в спешном порядке покинули Кастамону.

Когда об этом стало известно в столице, каймакампаша (заместитель великого везира; сам великий везир в это время находился в штабе турецкой армии под Кютахьей) составил для султана докладную записку, где описывал ход событий в Кастамону. В записке говорилось, что в Кастамону возник какой-то инцидент, что вынудило местного мютеселлима и членов городского

управления удалиться из города. Каймакам сообщал далее, что, поскольку в адрес Эмин-аги поступили жалобы от населения, он решил послать в Кастамону комиссию во главе Месут-аги для выявления причин недовольства местного населения. Впоследствии Месут-ага должен был занять должность мютеселлима Кастамону, поскольку, согласно традиции, бывший мютеселлим, покинувший свой пост и обратившийся перед лицом врага в бегство, не может оставаться на своей должности⁷³.

В ответ на эту записку был издан следующий султанский хатт: «Каймакам-паша! Я ознакомился с делом и приложенными к нему документами. Подобное незаконие имеет место потому, что остатки янычар все еще питают какие-то надежды. В тот день, когда разбойники-янычары полностью будут истреблены, возможность повторения подобных инцидентов исчезнет. Посоветуйтесь с сераскер-пашой и доложите мне о принятых мерах»⁷⁴.

Получив инструкцию султана, каймакам-паша решил действовать. Против Тахмисчи-оглу был отправлен уже упомянутый нами Хаджи Месут-ага—брат вали Эрзурума Эсат-паши. В битве близ ушелья Араджин-кая, состоявшейся в феврале 1833 г., правительственные войска во главе с Месут-агой разгромили мятежников. Затем они окружили укрепленный дом Тахмисчи-оглу и уничтожили остатки его отряда. Дальнейшая судьба самого Тахмисчи-оглу неизвестна. Есть предположения, что он успел скрыться и примкнул к армии Ибрагим-паши⁷⁵.

После этого инцидента открытых выступлений против власти султана в Анатолии, за исключением Курдистана, уже не было. На востоке и юго-востоке же туркменские и курдские деревни, «отчасти подстрекаемые египетскими агентами, отчасти рассчитывающие на совершенный маразм вещей в столице, везде в гористых местах издевались над повелениями султана и своими разбойничьими набегами распространяли далеко за пределы своих жилищ ужас и опустошение»⁷⁶.

До включения в состав Османской империи в юго-восточной Анатолии существовало несколько независимых курдских хюкюметликов. Согласно сообщению Эвлия

Челеби, в 1514 г. между турецким правительством и курдскими эмирами был заключен договор о союзе и дружбе⁷⁷. Вслед за этим по инициативе султана Селима I (Явуза), многие племена иранских курдов переселились в район Диярбакыра⁷⁸, где было сформировано восемь санджаков, управлявшихся курдскими вождями, так называемых «экрад бейликлери». Пять курдских хюкюметликов сохранили свои наследственные династии⁷⁹.

Османские власти занялись курдами всерьез во второй половине XVI в. Султан Сулейман Кануни учредил пост генерал-губернатора Диярбакыра, который должен был стать посредником между Портой и курдскими феодалами. Земли, заселенные курдами, были преобразованы в турецкие провинции, а вожди племен сохранили самостоятельность лишь в вопросах внутренней политики⁸⁰. Приблизительно с конца XVI в. начинается заселение курдами территории Западной Армении. Передвижение курдов в армянские земли было задумано султанской администрацией⁸¹ и проводилось под руководством курдского феодала Идриса Битлиси⁸². Османское правительство в дальнейшем охотно назначало на административные должности курдских феодалов, которые одновременно оставались вождями независимых кочевых племен, и иногда жаловало им звание пашы⁸³.

Часто должность пашы у них становилась наследственной и способствовала образованию новых, более крупных, феодальных династий. Их главари жили в укрепленных замках. Все свои финансовые и торговые дела они доверяли представителям местной армянской знати. Если курдский феодал добивался должности пашы, то его казначеем неизменно становился армянин⁸⁴. В курдском феодале соединялись атрибуты феодальной власти с атрибутами власти патриархальной, военно-бюрократической и духовной. Он часто выступал перед эксплуатируемым им райя одновременно как крупный землевладелец—деребей, как духовный жрец—глава какого-нибудь дервишского ордена, повелитель приверженцев мюридов, как чиновник, уполномоченный центральным правительством творить суд и расправу над населением, собирать налоги в пользу казны своего рода там, где еще сохранялись родо-племенные связи и т. д.⁸⁵

Курдские племена не только платили налоги и несли другие обязательства перед своими феодалами, но по приказу последних составляли воинские отряды, которые являлись мощным фактором внеэкономического принуждения местного оседлого населения, состоявшего в основном из армян и айсоров⁸⁶. Курдские феодалы называли подвластных им христиан «зирхирли», т. е. «купленные золотом», поскольку их покупали и продавали вместе с землей, на которой они проживали. Христиане платили курдским деревням налог, так называемый «араб-хава», чтобы заручиться их «покровительством». По мере того, как состояние их «покровителей» умножалось, они превращались в нищих и уже не могли платить налог регулярно; тогда они становились собственностью деревни и переходили из рук в руки вместе со всем своим имуществом⁸⁷. Согласно сообщению очевидца, в Дерсиме и Чарсанджаке «земли, воды и всякое имущество являлись собственностью деревни. Деревей мог поступать с нами так, как он хотел. Нас (армян) он мог убить или оставить в живых исключительно по своему усмотрению»⁸⁸. Собственностью деревни считались также рядовые курды, не имевшие никогда больше двух-трех голов мелкого скота, тогда как сам деревей владел громадными стадами мелкого и крупного рогатого скота и располагал очень дешевой рабочей силой⁸⁹.

Несмотря на большую раздробленность, среди курдов все же существовала феодальная иерархия. Господствующий класс курдов делился на: а) полунезависимые династии первой категории; б) феодалов второй категории, находящихся в вассальной зависимости от султана; в) феодалов третьей категории, куда входили менее влиятельные племенные вожди; г) правителей Битлиса⁹⁰. Среди феодальных династий Б. Никитин, основываясь на Шерефнаме, выделяет правителей Арделана, Хаккяри (Шенбо), Амадни (Бахтинан), Джезиры (Азизан, Гургил, Финек), Хасан-кейфа. Эти феодалы чеканили свои монеты и заставляли подвластное им население произносить во время молитвы их собственные имена, а не имя турецкого султана⁹¹. Среди курдских династий сильнейшей была династия Шерефов в Битлисе. «В течение столетий,—писал историк К. Басмадж-

ян,—эмиры Битлиса основали самостоятельное правитель-
тельство; сами они жили в непреступных крепостях.
Они, несомненно, чеканили свои монеты. Я лично видел
монеты двух эмиров»⁹².

К началу XIX в. усиливаются сепаратистские тен-
денции среди курдских феодалов. Начинается борьба
за власть во всем Курдистане между наследственными
эмирами Сорана, Бабана, Бахтинана, Бохтана и Хак-
кяри. Среди них наибольшим влиянием пользовались
эмиры Сорана и Джезиры⁹³. В течение истории курды
не раз восставали против турецкого владычества, но
эти восстания были стихийными и преследовали за-
щиту корыстных интересов какого-нибудь деревца. К
восстаниям такого рода относятся, например, выступле-
ние Абдурахман-паши—основателя города Сулейма-
ние (в современном Ираке) в 1786 г., восстания курдов
баязедского и ванского округов в 1815 г., восстание
бильбасов в 1818 г. Курдские восстания происходили
также в 1820 и 1822 гг.⁹⁴. Самые серьезные выступления
курдов произошли в 30—начале 40 гг. XIX в. Выступ-
ления эти связаны с именами эмиров Мир Мухаммеда
из Ревандуза (Ревандузлу кёр Мехмет) и Бедирхан-бе-
ка из Джезиры, которые, один за другим, пытались
объединить под своей властью всю округу, населенную
курдами. Усиление курдского сепаратизма связано с
политикой централизации Махмуда II, который сделал
попытку окончательно подчинить курдские эмираты
центральному правительству.

Начало операции по усмирению курдских деревцев
связано с именем бывшего садразама Мехмета Решит-
паши, назначенного правителем Сиваса после освобож-
дения из египетского плена⁹⁵. В султанском хатте, про-
возглашенном по этому поводу, Махмуд II выражал на-
дежду, что «с божьей помощью беспорядки в Анатолии
и Аравии⁹⁶ в скором времени будут устранены, и мои
подданные получат возможность жить в мире и благо-
получии»⁹⁷. По прибытию в Сивас Решит-паша получил
султанский указ, в котором ему повелевали «навсегда
подчинить Порте турецких, туркменских и курдских де-
ребегов»⁹⁸, многие из которых активно помогали египет-
ской армии в 1830—1834 гг.⁹⁹. После пополнения своей
армии и составления плана операции, Решит-паша «со-

образил свои действия с предприятиями храброго трапезундского пашы, Османа Газнедар-оглу¹⁰⁰, и весной 1834 г. выступил в поход. С целью очистить от курдских разбойничьих отрядов торговую дорогу, ведущую от Черного моря в Персию, он переправился через Тавры, вступил в Трабзон, оттуда в Эрзурум и Баязет, уничтожив по пути ряд курдских отрядов. В то время как «Осман принудил дикие племена своего пашалыка (Трабзона) к безусловному повиновению, Решит-паша очистил высоты Армении от вторгшихся туда курдских аширетов¹⁰¹, и тем самым завоевал симпатии армянских торговцев и ремесленников¹⁰². Затем Решит-паша договорился о совместных действиях с правителями Мосула и Багдада против своего основного соперника—Мир-Мухаммеда. Последний был правителем эмирата Соран с 1813 г. и жил в Ревандузе. Постепенно он присоединил к своим владениям соседние курдские земли вплоть до Низбина (Нусайбин) и Мардина. В 1826 г. он провозгласил себя независимым и начал чеканить собственную монету. Сразу после этого Мир Мухаммед установил контакты с Ираном и Египтом, надеясь на их поддержку в случае возможного конфликта между ним и Портой. К моменту столкновения с армией Решит-пашы в его распоряжении находилась 30-тысячная, хорошо вооруженная армия¹⁰³.

В середине 30-х гг. армия Решит-пашы окружила Ревандуз. Несмотря на яростное сопротивление курдских аширетов, армия Решит-пашы одержала решительную победу и взяла в плен самого Мир-Мухаммеда. Однако остальные курдские деревни продолжали сопротивление. В 1836 г. армия Решит-пашы дала кровопролитный бой курдам близ Харберда. Курдский деревей Чоталзаде Хаджи-хан во главе своего многочисленного войска более двух месяцев оказывал упорное сопротивление турецкой армии. Местное армянское население активно поддерживало Решит-пашу. Благодаря их помощи турецкая армия переправилась через Евфрат и заняла город Харберд¹⁰⁴.

Весной 1837 г. Решит-паша внезапно умер. Пост сераскера восточной армии и должность вали эялетов Ракка, Сивас и Диярбакыр занял Черкес Хафыз-паша. В штабе его армии, в качестве советников, находилось

несколько прусских офицеров, в том числе знаменитый Гельмут фон Мольтке. С их помощью Хафыз-паша реорганизовал армию, пополняя ее ряды насильственно рекрутированными курдами¹⁰⁵, затем подчинив некоторых курдских вождей, хозяйничавших в Малой Армении, вернулся в Малатью. Во время экспедиции командование турецкой армии отбирало у курдских феодалов тимары и зеаметы, лишая их политических и административных прав, назначая на их место турецких чиновников, прибывших из столицы¹⁰⁶.

В 1838 г. вновь обострились отношения Порты с губернатором Египта Мехмедом Али-пашой. Но она не решалась начинать военные действия против своего непокорного вассала, не обезопасив себя со стороны тыла, где турецкой армии угрожали деребей Битлиса, Вана, Хаккяри и Джебзире. С этой целью Порта осуществила дипломатический маневр: на восток была направлена делегация, состоявшая из улемов, которые определяли границы владений каждого деребея и давали им гарантию, что султан признает законность их власти в пределах закрепленных за ними владений. Деревей получили ферманы, подтверждавшие их права¹⁰⁷. Правители Битлиса, Хаккяри, Вана, Бохтана, Баязеда, Мокса и Шатаха по-прежнему пользовались традиционными привилегиями. Однако этот маневр не избавил Порту от курдских выступлений. В мае 1839 г., воспользовавшись поражением турецкой армии под Низибом, восстал Махмут-паша (Хан Махмут) из Сулеймание, но это восстание было легко подавлено. Сам Хан Махмут нашел убежище в Персии¹⁰⁸.

После разрешения турецко-египетского конфликта 1839—1841 гг. правительство продолжило политику подчинения непокорных курдских феодалов, большинство которых отказалось проводить в своих владениях реформы, провозглашенные танзиматским «хатт-ы шерифом»¹⁰⁹. Среди курдских феодалов в начале 40-х гг. XIX в. сильнейшим был Бедирхан-бек из Джебзире, власть которого распространялась над всей южной Арменией. Владения Бедирхан-бека были, по сути дела, самостоятельным государством в государстве. Отбирая по сто боеспособных мужчин из каждого аширета, он создал самую настоящую армию, так называемую «хас

са» (отборные войска) во главе с командующим Хамид-агой. Административными вопросами занимался специально созданный совет во главе с шейх-уль-исламом Абдул Кюдусом. Финансами ведал Эфенди-ага. В течение 30-х гг. Бедирхан-бек был занят подчинением окрестных курдских дербеев и послушно выполнял все указы центрального правительства. Когда возник второй турецко-египетский конфликт (1839—1841), он послал в распоряжение сераскера турецкой армии крупный отряд. Согласно утверждению исследователя истории Бедирхан-бека Лютфи, под Низибом погибло более 30 тысяч курдских добровольцев¹¹⁰. После Низибского сражения Бедирхан-бек «был морально подавлен», но продолжал борьбу за подчинение остальных курдских аширетов. В течение 1840 г. его верховную власть признало большинство курдских вождей, в том числе известные своей непокорностью феодалы из курдского племени Сенджар, или Синджар¹¹¹. После этого Бедирхан-бек почувствовал себя хозяином положения и начал игнорировать власть турецкого султана. За стенами своего сильно укрепленного замка он чувствовал себя в полной безопасности и вынашивал планы создания независимого курдского государства. В вопросах религии он был фанатиком и вел политику насильственного обращения в ислам местного христианского населения¹¹².

В 1843 г. орды Бедирхан-бека и правителя Хаккяри Нуруллах-бека напали на округ Тиари и организовали массовую резню айсоров. Было истреблено более 10 тысяч мирных жителей. Через два года, в 1845 г., подняли восстание воинские отряды Ван-кулу во главе с Темурзаде Мустафа-беем. Против них султан Абдул Меджит отправил армию под командованием Сырры-паши. Восстание Ван-кулу поддержали Бедирхан-бек, Хан Махмуд и шестеро его братьев¹¹³. Армия Сырры-паши потерпела поражение. Как видно из протокола заседания «Меджлис-и вала-и ахкям-ы адлийе»¹¹⁴, посвященного событиям на востоке страны, правительство было сильно озадачено положением в этом районе. «Беспорядки в Ване,—говорилось в протоколе,—мешают осуществлению Танзимата на востоке страны: большинство чиновников восточных вилайетов не понимают значения осуществляемых преобразований, поэтому там

часто возникают недоразумения»¹¹⁵. Из этого же документа видно, что к восстанию примкнул также вернувшийся из Египта сын бывшего вали Чылдыра Селимпаша Кёр Хусейн, который призывал к восстанию население Карса и Аджарии¹¹⁶.

Султанское правительство долго не решалось начать боевые действия против Бедирхан-бека, что объяснялось ослаблением армии в боях против Мехмеда Али. Такое решение было принято лишь после второго погрома айсоров в 1846 г., и то под давлением европейских держав. В верховьях реки Большой Заб и в округах Тиари и Тхоми жили общины халдейских христиан—айсоры, называвшие себя потомками ассирийцев. Айсорские общины, возглавлявшиеся несторианским патриархом из рода Мар-шимун, пользовались фактической автономией и платили дань лишь курдским эмирам¹¹⁷.

В 30-х гг. XIX в. из Месопотамии в Курдистан начинают проникать английские миссионеры, которые обещают айсорам покровительство Великобритании. Деятельность миссионеров среди айсоров была использована курдскими вождями как предлог для резни. Как сообщает А. Карцов, Бедирхан-бек, «давно зарившийся на зажиточных айсоров», воспользовавшись тем, что айсоры отказались поставлять в его армию воинов и перестали платить дань, «немедленно собрал большое полчище курдов и под предлогом защиты ислама в 1843 г. страшно разорил Тиарийский округ, причем вырезал около половины населения. Через три года, в 1846 г., он в союзе с Нурудлах-беком напал на округ Тхоми и почти поголовно истребил остатки айсоров»¹¹⁸. В дело вмешались европейские державы, настойчиво требовавшие от турецкого правительства покончить с беспорядками в восточных вилайетах. Поскольку речь шла о новом вмешательстве держав во внутренние дела империи и боясь, что в руках Бедирхан-бека может оказаться вся восточная Анатолия, Порты отказалась от политики выжидания и решила приступить к решительным действиям¹¹⁹.

В 1847 г. курдские повстанцы приняли решение завоевать эялеты Ван, Битлис и Диярбакыр, отделиться от Турции и создать независимое курдское государство

под руководством Бедирхан-бека и под покровительством Персии.

Летом 1847 г. в Западную Армению прибыла турецкая армия под командованием Осман-паши. К ней примкнули армянские отряды, которые были полны решимости избавиться от ига курдских феодалов. Против повстанцев двинули свои войска также паши Мосула, Диярбакыра, Эрзурума и Вана¹²⁰. В специальной инструкции говорилось, что правителем территории, находящейся под властью Бедирхан-бека, после ее подчинения должен стать кто-нибудь из анатолийских фериков (генералов)¹²¹. В битве близ Вана армянские добровольцы взяли в плен Хана Махмута и передали его Осман-паше. Основные силы Бедирхан-бека у реки Зейтун разгромили турецкую армию, но им не удалось развить этот успех. Используя межплеменные и межнациональные распри, Осман-паша изолировал своего противника. Его армия постоянно пополнялась добровольцами из числа армян, айсоров, а также курдов-езидов¹²². В этой обстановке Бедирхан-бек отступил в Джезире и скрылся в крепости Орак. После 17-дневной осады он прекратил сопротивление и сдался на милость победителя¹²³. Вместе со своими сыновьями под усиленным конвоем он был доставлен в Стамбул, а затем сослан на остров Крит (Кандия).

Отдельные курдские деревни продолжали сопротивление вплоть до 1849 г., когда турецкие войска взяли последнее их убежище—Битлис. Все главнейшие города этого региона были заняты турецкими гарнизонами, и власть на востоке империи полностью перешла в руки турецкой администрации. Подчинением курдских деревень завершилась борьба за централизацию административного управления в Азиатской Турции. Победа правительственных войск была полной. Были ликвидированы деревейлики, юртлуки-оджаклыки и хюкюметлики. Диярбакырский эялет полностью перешел в подчинение вали Эсат-паши¹²⁵.

Централизованное административное управление, по сравнению с феодальной раздробленностью Анатолии, было шагом вперед, и при других обстоятельствах могло бы способствовать экономическому и культурно-

му развитию страны в целом. Однако этого не произошло потому, что правящая верхушка империи прежде всего пыталась восстановить абсолютную власть султана-монарха и путем централизации остановить процесс распада империи. Экономические и политические возможности, которые давала стране государственная централизация, полностью использованы не были.

ГЛАВА III

РЕФОРМЫ 20-х ГОДОВ XIX ВЕКА

Начало 20-х гг. ознаменовалось подъемом освободительного движения на Балканском полуострове. Вслед за сербами, борьба которых против турецкой тирании началась еще в 1804 г., на борьбу поднялся греческий народ. Освободительная война греков, начавшаяся в апреле 1821 г., осложнила международное положение Османской империи и вызвала обострение восточного вопроса. К тому же Порте к этому времени еще не удалось окончательно подчинить анатолийских феодалов, антиправительственные выступления которых продолжались.

В апреле и мае 1821 г. по всей стране прокатилась волна жесточайших репрессий против греков. В столице и других городах, где имелось греческое население, были убиты десятки тысяч человек, а население острова Хиос было полностью уничтожено или продано в рабство¹.

В конце апреля 1821 г. состоялось заседание Дивана, после которого был опубликован султанский хатт-ы шериф, призывавший всех правоверных мусульман к «джихату» (священной войне) против восставших христиан².

Первые преобразования Махмуда II начались именно в разгар греческой революции.

Одним из первых нововведений, осуществленных в те годы, было создание Бюро переводчиков (Терджуман одасы). Сами турки мало интересовались жизнью других народов, иностранных языков не изучали, а при

сношениях с представителями других стран в качестве переводчиков использовали своих подданных-христиан, в частности греков. Однако восстание в Греции вынудило Порту отказаться от услуг греков. В 1821 г. при канцелярии реис-уль кютаба было создано Бюро переводчиков, в задачу которого входила подготовка переводчиков-мусульман, а также перевод лучших европейских (главным образом французских) трактатов по военному делу⁴.

Первым заведующим или главным переводчиком (баш терджюман) Бюро стал грек Яхья-эфенди, принявший ислам. В свое время Яхья-эфенди был преподавателем в военно-инженерной школе—«Мюхендисхане»—и занимался переводом учебников с французского и итальянского языков. Немусульманского происхождения был также Ходжа Исхак-эфенди (еврей), занявший пост заведующего Бюро переводчиков в 1823 г. Исхак-эфенди был образованным человеком, владел арабским, персидским, греческим, французским, итальянским языками и латынью. В 1831—1832 гг. был издан его четырехтомный капитальный труд «Улюм-и рийазийе» («Свод математических наук»)⁵, где он впервые в турецком языке использовал такие европейские технические термины, как «механика» и «электричество» и сделал попытку перевести на турецкий язык многие научные термины с арабского⁶.

Сам по себе факт создания Бюро переводчиков, казалось бы, не является значительным событием в жизни империи. Однако заслуга этого бюро в том, что оно стало школой для подготовки национальных кадров, владеющих иностранными языками и, как справедливо заметил хронист Эсад-эфенди, способствовало становлению новой турецкой интеллигенции и новой национальной литературы⁷.

В реформаторской деятельности Махмуда II и его окружения в 20-х гг. особое место занимает отношение к просвещению и открытие первых светских школ⁸. В Османской империи, как и во всех мусульманских странах, дети получали начальное образование в так называемых «сыбян мектеблери»—религиозных школах. В течение XVIII и начале XIX вв. было создано несколько светских школ, преимущественно для подготовки воен-

ных кадров. В школах типа «сыбян», где преподавали исключительно мусульманские священники, учащиеся зубрили коран, а также основы мусульманского права и правила поведения мусульманина. Следует отметить, что термин «начальное образование» к школам такого типа следует относить с большими оговорками, поскольку в них дети никакого образования, кроме религиозного, не получали, и даже после их окончания они с трудом умели читать и писать. Однако они воспитывали подрастающее поколение в духе покорности и смирения и правительство было заинтересовано в их сохранении. В то время как создавались военно-медицинское, военно-инженерное и т. п. училища, о создании начальных школ светского характера никто не заботился. Несмотря на усилия правительства, численность учащихся религиозных мектебов постепенно сокращалась. В 1824 г. был издан султанский хатт-ы шериф, который наглядно показывал отношение Махмуда II к вопросу просвещения. В нем султан сетовал на то, что многие родители предпочитают отдавать своих детей в учение к мастерам. По этой причине число «джахилов» (необразованных) растет с каждым днем. Везде в мусульманском мире интересы религии выше интересов светских, поэтому все правоверные обязаны отдавать своих детей в мектебы, где их обучат «грамоте». В указе султан обязывал всех служителей культа строго следить за тем, чтобы ни один ребенок не оставался вне мектебов?

Последний пункт хатта создает впечатление, будто в нем выражается озабоченность султана по поводу уменьшения численности учащихся детей. Но султан имел в виду учащихся религиозных школ, а не светских. В этих мектебах детей воспитывали в духе религиозных традиций, а сами «учителя», по современным понятиям, были неграмотны. Употребление в тексте указа слова «джахил», которое, за неимением соответствующего эквивалента в русском языке, переведено нами как «необразованный», отнюдь не значит, что султан призывал к борьбе против неграмотности. В то время «джахилами» называли людей, не знавших основных догм корана. Инициатива издания подобных хаттов исходила от духовенства и поддерживалась правительством, которое было обеспокоено тем, что число учащихся религиозных

мектебов постепенно сокращалось. О позиции Махмуда II в этом вопросе говорит тот факт, что в 1838 г., когда стали появляться первые светские школы типа «рюштийе» (преимущественно средние), он велел передать все вопросы, касающиеся начального обучения детей, в ведение канцелярии шейх-уль-ислама, на которую преобразования не распространялись¹⁰.

Среди реформ 20-х гг. важное место занимала ликвидация янычарского корпуса и создание новых войск, обученных по европейскому образцу. Османская империя была военно-деспотической державой, и само ее существование зависело от состояния боеспособности армии. Естественно, разложение корпуса янычар, составлявшего ядро османской армии, не могло не беспокоить правительство. Именно этим объясняется тот факт, что первые попытки «европеизации», «вестернизации» или, как принято говорить в последнее время, «модернизации» Османской империи прежде всего охватили армию. Военная реформа прошла три этапа: а) попытки восстановления былой мощи и дисциплины среди янычар и сипахи (вторая половина XVIII в.); б) создание, наряду с янычарами, войск нового образца («низам-ы джедит») при Селиме III; в) политика замены янычарского корпуса регулярными войсками европейского типа (при Махмуде II). На первых двух этапах ликвидация янычаров не могла быть осуществлена потому, что, несмотря на все свои недостатки, они были единственной реальной силой, на которую опиралось государство в борьбе против как внешних, так и внутренних врагов—наследственных феодалов-сепаратистов (сипахийская конница к этому времени потеряла значение в военном отношении). По-видимому, это хорошо понимал султан Махмуд, который сначала использовал янычар в борьбе против анатолийских феодалов (1808—1821), а когда те перестали быть реальной угрозой для правительства, решил покончить с янычарами.

Янычарское войско было создано при первых султанах из детей христиан, насильственно отобранных у родителей и обращенных в ислам. При Сулеймане Кануни был составлен устав, согласно которому янычарам могли стать исключительно дети христианского населения завоеванных областей. Они обязаны были жит

в казармах и получить воспитание в духе мусульманского фанатизма. Повышение по службе зависело от стажа—«кыдем». Никто, кроме непосредственных начальников, не имел права наказывать янычар. Они должны были заниматься только военными занятиями и могли жениться лишь после ухода на пенсию и т. п.¹¹. Корпус янычар делился на три «оджака» (подразделение) и состоял из 196 «орта» (рот). Хотя общее число «орта» оставалось неизменным вплоть до ликвидации корпуса в 1926 г., численность каждого «орта» в разные времена колебалась от 60—70 до двух-трех тысяч человек¹².

При Мехмете II Фатихе личный состав всего корпуса составлял 10—12 тысяч человек¹³. Если принять во внимание, что государство платило янычарам в среднем 20—25 акче в сутки, то уже в XV в. их содержание обходилось слишком дорого¹⁴. Эти расходы значительно увеличились в первые десятилетия XIX в., когда личный состав корпуса был доведен до 110 тыс. человек, и чистое жалованье их составляло более 20 млн. франков в год¹⁵. Это было непосильное бремя для государства, которое постоянно испытывало финансовые затруднения¹⁶. Расслоение, происходившее среди янычар, приводило к тому, что ее верхушка, офицерство феодализировались и выступали в качестве жесточайших эксплуататоров народных масс. Одновременно янычарские низы подвергались обнищанию и смыкались с городской чернью¹⁷. Эксплуататорский, паразитический характер янычарского войска привел к непрерывным столкновениям янычар с различными социальными группами, вызывая резкое недовольство среди населения¹⁸.

В 20-х гг. XIX в. среди значительной части правящих кругов все яснее осознается необходимость обуздания сепаратистских устремлений отдельных феодалов. Они приходят также к выводу о необходимости заменить старую феодальную армию регулярной армией современного образца, с помощью которой османский феодальный класс надеялся сохранить свое классовое господство.

Однако ликвидацию янычарского корпуса не так легко можно было осуществить. Институт янычар пустил глубокие корни в разных слоях общества. Помимо своих основных обязанностей, янычары несли также по-

лицейскую службу в городах и отвечали за общественный порядок, за безопасность жителей и их имущества¹⁹. Но самое главное, к началу XIX в. этот корпус уже не представлял собой монолитной силы, состоявшей исключительно из обученных солдат. В его ряды проникли разного рода ремесленники—лодочники, грузчики, сапожники и т. д., которые, в целях обеспечения безопасности личности и имущества от правительственных агентов, а также для избавления от налогов, окольными путями приобретали янычарские карточки и зачислялись в янычары, хотя, фактически, продолжали жить в своих домах и заниматься своим ремеслом. Поэтому попытки султана Селима создать регулярные войска «низам-ы джедит» были встречены в штыки не только янычарами, которые не без оснований подозревали, что всякие новшества в армии, в конечном счете, направлены против них, но и рядом других, связанных с ними слоев османского общества. После кровавых событий 1808 г. новый султан Махмуд II на время отказался от идеи ликвидации янычар, всецело отдав себя борьбе против феодальной смуты в провинции²⁰.

Военные действия в Морее против восставших греков еще раз доказали слабость и недисциплинированность янычарского корпуса. В эти годы правительство Махмуда II серьезно начало думать о проведении военной реформы, но для этого прежде необходимо было покончить с открытыми противниками военной реформы—янычарами²¹. В необходимости военной реформы убеждал и опыт Египта, где Мехмед Али сумел создать армию нового европейского типа. Вызванные из Египта регулярные войска Ибрагим-паши за несколько недель подавили восстание в Морее, чего янычары не сумели сделать в течение четырех лет²².

Прежде чем приступить к ликвидации янычар, османское правительство заручилось поддержкой духовенства. Путем подкупов и прямых угроз большинство улемов, а также высшее командование янычар дали свое согласие не препятствовать проведению военной реформы.

29 мая 1826 г. в присутствии высших военных и гражданских чинов, а также улемов был зачитан указ Махмуда II о создании нового войскового соединения

под названием «эшкинджи»²³. Согласно указу, янычарские войска оставались неприкосновенными, однако, помимо них, создавались новые войска, для которых костью должны были служить столичные янычары. Каждая «орта» для комплектования новой пехоты обязана была выделить до 150 солдат. Для обучения и инструкторов этих войск было решено пригласить египетских офицеров. Чтобы получить одобрение духовенства, при каждой роте («бёлюк») учреждалась должность одного имама²⁴. Хотя правительство пыталось убедить янычар, что новшество им ничем не грозит, но оно отдавало себе отчет в том, что те могут поднять бунт в любую минуту, и принимало контрмеры. Были приведены в боевую готовность верные правительству подразделения—артиллеристы (топчу и кумбараджи), а также гарнизоны босфорских крепостей. В целях личной безопасности члены правительства ночевали в своих особняках, расположенных на побережье Босфора²⁵.

12 июня 1826 г. Махмуд II приказал новым войскам приступить к строевым занятиям. А через три дня, 15 июня, вспыхнул янычарский бунт²⁶. Мятежники окружили дома великого везира Селим-паши и главнокомандующего янычарским корпусом Ага Хусейн-паши, мандующего янычарским корпусом Ага Хусейн-паши, но того и другого дома не оказалось. На следующее утро янычары собрались перед своими казармами, расположенными недалеко от площади Ат мейданы, и начали призывать население города к восстанию. В это время в султанском дворце собрались садразам Селим-паша, Ага Хусейн-паша, шейх-уль ислам, казаскеры, преподаватели медресе и прочая знать, чтобы обсудить создавшееся положение.

Командующие артиллерией Джехеннем Ибрагим-ага и бомбардирами—Деде-ага²⁷ получили приказ медленно отправиться к своим частям и готовиться к дежурству янычарских казарм. В своих воспоминаниях Деде-ага рассказывает о событиях этого дня: «Хотя офицеры артиллеристов и бомбардиров дали нам гарантию, что в случае возникновения бунта янычар они поддержат правительство, но мы все же опасались, что они будут на стороне мятежников. Когда бунт начался, я немедленно отправился в Хаскёй в казарму бомбардиров. Перед воротами собрались офицеры и обсуждали

какие-то вопросы. «Господа,—обратился я к ним,—вам, вероятно, уже известно о бунте, Что будем делать?» Они ответили, что из-за их пассивности и нерешительности их прежний благодетель султан Селим III лишился трона и жизни. Теперь, чтобы смыть с себя пятно позора, они готовы помочь султану Махмуду. Тогда я приказал им следовать за мной. С поразительной быстротой и организованностью они сели в свои лодки и переправились на тот берег»²⁸.

К бомбардирам и артиллеристам примкнули также гарнизоны босфорских крепостей, учащиеся медресе и некоторые слои населения. Они окружили казармы янычар и приступили к их массовому истреблению. Русский посланник граф А. И. Рибопьер, который был очевидцем этих событий, писал: «Янычары бежали в свою казарму. Казарму атаковали и их там уничтожили: очень многих убили, некоторые разбежались по разным областям империи, где запрещено было даже называть их по имени... Это был первый шаг на той стезе реформ и преобразований, по коей мечтал идти Махмуд»²⁹. В течение двух дней в столице продолжалась резня янычар. Корпус янычар практически был ликвидирован³⁰.

15 июня 1826 г. был издан указ Махмуда II, извещавший о полном и окончательном уничтожении корпуса янычар и создании «Муаллим-и асакир-и мансуре-и мухаммедийе» (регулярное мусульманское войско, покровительствуемое Мухаммедом)³¹. В указе, в частности, говорилось: «Преступность и неповиновение янычар толкали их к самоуправству и агрессивности, и они причиняли огромный ущерб государству. В результате нам пришлось восстановить упраздненную ранее вредную систему «мюсадере» (конфискация имущества опальных сановников), чтобы покрыть расходы, идущие на содержание янычар. Теперь они ликвидированы, и как Баб-ы Али (Порта), так и благочестивые мусульмане избавлены от их бесчинств. Положен конец расхищению государственного имущества и его бесцельному транжированию. С этого дня система «мюсадере» вновь упраздняется и не будет применена впредь ни к мусульманам, ни к раи́я. Имущество умерших будет распределено между их наследниками»³². В указе султан зат-

рагивал один из самых болезненных вопросов османской действительности—систему казни опальных сановников и конфискации их имущества, широко практиковавшуюся с середины XVII в³³. До этого даже существовала специальная канцелярия по конфискациям, которая была упразднена хатт-ы шерифом султана от 30 июня 1826 г³⁴. Хотя эта система была внедрена с целью увеличения доходов государственной казны, на самом деле получалось наоборот. Состоятельные люди, уверенные, что богатство, наверняка, станет причиной их гибели, и что их наследникам ничего от них не достанется, передавали свое имущество вакфам, оставаясь его фактическими владельцами. Поскольку государство не могло взимать налоги с церковных земель, то оно лишалось важной статьи дохода³⁵.

Надо полагать что упразднение системы «мюсаде-ре» преследовало не гуманистические, а экономические цели. Вместе с тем она продолжала применяться после своего формального упразднения. Например, в 1828 г. по ложному обвинению было сослано из столицы во внутренние районы Анатолии около 1000 состоятельных армян, а их имущество было конфисковано в пользу казны³⁶. О существовании этой системы и в дальнейшем говорит тот факт, что в период Танзимата реформаторы вновь поставили вопрос об ее упразднении.

После кровавых событий июньских дней казармы янычар были превращены в развалины; мечети, таверны и кофейни, которые они обычно посещали, были разрушены. Согласно свидетельству Д. Г. Розена, были разбиты даже мраморные надгробные памятники на многочисленных могилах, принятые за янычарские по изображенной на них войлочной шапке, похожей на рукав³⁷.

Вслед за столицей, были без особых усилий ликвидированы также янычарские «орта» в вилайетах Румели и Анадолу. Последним убежищем янычар стал Алжир, деи (правители) которого отказались от проведения военной реформы. В 1830 г., когда французы захватили Алжир, против них воевали последние остатки янычар³⁸.

Правителям всех провинций, городов и крепостей были посланы инструкции по созданию на месте войс-

ковых единиц путем набора рекрутов с привлечением как можно большего числа рекрутов³⁹. Вслед за этим последовали указы, упразднившие сипахийскую конницу⁴⁰. Остальные виды войск—«джебеджи», «бостанджи», «топчу», «кумбараджи», «лагымджи» и т. д. —были реорганизованы на европейский лад⁴¹. Таким образом, «искоренение янычар, отменение конных полков, называвшихся сипагами (сипахи), селигдарами (силахтар) и улuffedжиями (род провинциальной конницы), вскоре за тем последовавшие, дозволили наконец Махмуду явно вступить на поприще преобразований»⁴².

17 июня 1826 г. был издан «Закон о победоносном войске» (Асакир-и мансуре кануннамеси), который, согласно мнению современников, был скопирован у французской армии. Основные положения этого закона легли в основу нового военного устава⁴³. Согласно закону, все мусульманское население мужского пола от 25 до 40 лет объявлялось военнообязанным. На первых порах численность новой пехоты, именовавшейся «орду», должна была составлять 12 тысяч человек. «Орду» делилась на восемь «тертибов», каждый из которых состоял из 1526 человек и, в свою очередь, делился на «сафы»—по 100 человек. Главнокомандующим «орду» являлся сераскер-паша, а «тертибами» командовали «бинбаши». Каждый «тертиб» делился на левое и правое крыло—«сол-кол» и «саг-кол,—которыми командовали соответственно командир левого крыла—«ага-и есар» и командир правого крыла—«ага-и емин». «Сафами» командовали сотники—«юзбаши». В законе подробно перечислены названия и функции низших чинов, а также вспомогательные службы: «сер-и тыбби» (главный лекарь), имам, «трампотчу» (трубач), «даблзен» (барбанщик) и т. д.; отдельно приведены размеры жалований для каждого звания и должности. Например, жалование «бинбаши» составляло 750 курушей, командир левого и правого крыльев—по 400 курушей, «юзбаши»—180 курушей и т. д. Два «тертиба из восьми дислоцировались в самой столице, а остальные шесть—в пригородах столицы, в районах Давут-паша и Ускюдар. Гарнизон Давут-паши отвечал за оборону крепостей на европейском побережье Босфора, а гарнизон Ускюдара—на азиатском. Далее в законе приводились перечень и

Списание формы одежды командного состава и рядовых⁴⁴. Первым сераскер-пашой новых войск стал бывший начальник янычарского корпуса Ага Хусейн-паша⁴⁵, который одновременно был назначен мухафизом (комендантом) санджаков Коджаэли и Хюдавендигяр, а также крепостей черноморского и румелийского побережий Стамбула⁴⁶.

Предполагалось, что новая армия будет состоять из двух частей—«асакир-и хасса» и «асакир-и мансуре». Основное ядро новой пехоты должны были составлять войска «мансуре», срок службы в которых не был определен, но, согласно свидетельству современников, составлял около 15 лет⁴⁷. Войска «хасса» должны были расквартироваться в Стамбуле и выполнять роль султанской гвардии. Если войска «мансуре» комплектовались путем набора рекрутов, то в «хасса» могли быть приняты исключительно представители привилегированного класса. Первый батальон «хасса» состоял из выпускников придворной школы Эндерун, так называемых «эндерун-агалары»⁴⁸.

Проведение военной реформы было связано с большими трудностями, но главная заключалась в нехватке офицерских кадров. На службу в турецкую армию были приглашены австрийские, французские, пьемонтские и сардинские офицеры. Главным инструктором по вооружению и обучению войск был француз Гейяр, регулярную кавалерию, созданную вслед за пехотой, опекали французы Бюра и Калоссо. Оружейные мастера Руссер и Рива наблюдали за изготовлением пороха, пушек и ружей. Пьемонтцы инструктировали турецких артиллеристов, а сардинец Боло содействовал разработке тактических планов военных действий⁴⁹. Одновременно для подготовки турецких офицеров намечалось учреждение Высшей военной школы (Мектеб-и харбийе), но ее открытие состоялось лишь в 1835 г⁵⁰.

Сераскер Османской армии Хюсрев-паша, которому было поручено создание корпуса регулярной пехоты, считал, что на подготовку офицеров из представителей народа ушло бы много времени, да и нельзя доверять таким офицерам. По его мнению, самыми верными офицерами могли стать только рабы⁵¹. Следует отметить, что для офицеров-рабов, получивших воспитание у го-

сударственных сановников, служба в армии была скорее всего источником обогащения и карьеры. Неспособность таких офицеров командовать войсками полностью проявилась во время греческой освободительной войны, а также в боях против египетской армии в начале 30-х гг. Многие высшие сановники, в том числе сам Хюсрев-паша и великий везир Мехмет Решит-паша, по происхождению тоже были рабами⁵².

В дальнейшем новые войска были разделены на дивизии (тюмен), батальоны (табур) и роты (бёлюк). Тюмен состоял из трех или четырех табуров. Для султана была создана отборная гвардия (падишах тюмени). Солдаты и офицеры получили в вооружение винтовки и штыки. Они носили китель, широкие брюки на выпуск, ботинки, а на голову надевали фески⁵³.

В 1826 г., сразу после ликвидации янычар, правительство занялось вопросом религиозного ордена «бекташи». К началу XIX в. дервиши из этого ордена превратились в грозную политическую силу, в духовных покровителей янычар и многих деребеев. Они активно участвовали во всех антиправительственных заговорах дворцовых интригах, лично возглавляли бунты янычар⁵⁴. Идейными противниками «бекташи» были дервиши из ордена «мевлеви», к которому принадлежали почти все улемы и высшее духовенство. Борьба между двумя орденами накладывала отпечаток на политику правительства. В годы правления Махмуда II орден «мевлеви» взял верх над всеми остальными религиозными течениями⁵⁵.

После ликвидации янычар в дворцовой мечети был собран «меджлис-и мешверет» (совещательный совет), которому предстояло решить дальнейшую судьбу ордена «бекташи». На совещании присутствовали: великий везир, настоящий и бывший шейх-уль ислама, а также шейхи религиозных сект «накшбенди», «кадирийе», «хальветие», «садийе». Основной вопрос состоял в том, следует ли наказывать бекташийских дервишей в отдельности или можно вынести приговор всему ордену разом. От имени присутствующих выступил бывший шейх-уль ислам Эс-сеид Абдул Вахаб, известный под прозвищем «Ясинджи-заде» (вторично он занимал пост шейх-уль ислама в 1827—1832 гг.), который выразил

мнение, что нет необходимости доказывать вину каждого дервиша отдельно, что шарнат позволяет в данном случае наказывать весь орден в целом, вплоть до физического уничтожения всех его приверженцев⁵⁶. На совещании были приняты и санкционированы фетвами следующие решения: передать все бекташийские «такке» (обитель), находящиеся в Ускударе и Эюбе и в районе Румели-хисара, другим сектам; конфисковать все книги, а также вакфы бекташей; превратить их обители в казармы для войск «асакир-и мансуре»⁵⁷.

После совещания было казнено несколько наиболее известных главарей этого ордена⁵⁸, а их головы «в назидание» были выставлены с грамотами, обвинявшими их в пьянстве. Около двухсот дервишей были высланы в Малую Азию, но как только они очутились за стенами столицы, где пользовались поддержкой и уважением господской черни, все до единого были задушены⁵⁹. Одной из жертв политики преследования бекташей стал видный османский философ и врач XIX в., автор груда «Шани-заде тарихи» («Хроника Шани-заде») Шани-заде Атауллах-эфенди. По подозрению в связях с орденом «бекташи» он был сослан во внутренние районы Анатолии. Вскоре Шани-заде был реабилитирован, но приняв грамоту о реабилитации за смертный приговор умер от инфаркта сердца⁶⁰.

Создание новой армии и подготовка для нее офицерских кадров диктовали необходимость открытия новых школ. В начале 1827 г. было принято решение о реконструкции единственной в то время школы по подготовке технических кадров—«Мюхендисхане»⁶¹. Число учащихся с 40 было увеличено до 100 человек. Обучение проводилось на турецком языке с использованием французских учебников. После создания батальонов «асакир-и мансуре» из-за нехватки офицеров курсанты старших классов «Мюхендисхане» были назначены командирами рот в этих батальонах. Эти офицеры известны в истории под названием «мансуре мюхендислер» (военные инженеры)⁶². В 1827 г. было заложено основание Военно-медицинского училища—«Тыбхане-и амуре», в 1828—1829 гг.—школы по подготовке хирургов—«Джерраххане». В 1839 г. все они были объединены в единое Военно-медицинское училище⁶³.

Османская империя была военно-теократической монархией, и вся государственная структура была организована по-военному. Великий везир одновременно являлся главой правительства и главнокомандующим армией. Военные функции выполняли также остальные чиновники как в центре, так и в провинции. Изменения в армии, подготовка профессиональных военных кадров должны были повлечь за собой отделение военных функций от гражданских, что одновременно привело бы к сосредоточению правительственных постов в руках штатских. Политика централизации, проводившаяся Махмудом II, требовала сосредоточения всей власти в центре, а это было невозможно при старом государственном и административном устройстве, которое зиждилось на изживших себя феодальных институтах, в частности на военно-ленной системе. Не удивительно потому, что вслед за военной реформой правительство Махмуда II приступило к реорганизации государственных учреждений.

Чтобы лучше понять сущность реформ, задуманных и частично осуществленных в 1826—1839 гг., следует вкратце ознакомиться со структурой государственного устройства при Махмуде II. Это поможет нагляднее видеть те перемены, которые произошли в Османской империи во второй половине 20-х и в 30-х гг., более объективно оценить значение реформ рассматриваемого периода.

Для управления государственными делами существовали два дивана: 1) «Диван-ы хумаюн»—Султанский или имперский совет, куда входили великий везир, казаскеры Румелии и Анатолии, кадий Стамбула—«Истамбул эфендиси», ага янычар, нишанджи, дефтердар, а также капудан-паша или капитан-ы дерья. Для ведения протокола при султанском совете существовали писцы, так называемые «хаваджигян»; 2) Совет великого везира, известный в истории под названием «Баб-ы али», «Баб-ы эсафи», «Sublime Porte», или «Высокая Порта». Первый из этих диванов создан в XV, а второй—в XVII в. Фактически, все государственные дела обсуждались в «Баб-ы али», во дворце великого везира, именовавшемся «Паша-капысы», или просто «садарет». В Совет великого везира входили: сам великий везир, или сад-

Разам; первый заместитель садразама—«садарет кетхудасы»; реис уль кютаб, или реис-эфенди; глава финансового ведомства—«баш дефтердар», «дефтердары» и «нишанджи» (хранитель султанской печати)⁶⁴.

Вопросами религии ведал шейх-уль ислам, которому подчинялись казаскеры Румелии и Анатолии, кадий Стамбула, а также все остальные кадии и наибы (судейское сословие)⁶⁵.

Духовенство во главе с шейх-уль исламом занимало привилегированное положение. Формально два высших авторитета государства—садразам и шейх-уль ислам—пользовались одинаковой властью, фактически же второй занимал более привилегированное положение, поскольку без его фетвы (санкции) ни правительство, ни даже сам султан не могли осуществлять ни одного важного мероприятия⁶⁶.

Государственные чиновники Османской империи условно⁶⁷ делились на административных (мюлькие мемулары), «людей пера» (калем мемулары), военных (асакирийе) и на служителей культа (улема). «Люди пера» делились на три группы: 1) секретариат Дивана (Диван-ы хумаюн калеми); 2) ведомство по учету земельных владений (дефтер-и хакани); 3) финансовое ведомство (хазине-и умера). Эти три группы соответственно возглавляли: реис уль кютаб, нишанджи и баш дефтердар, которые являлись полноправными членами Дивана⁶⁸. К категории улемов относились упомянутые нами казаскеры, а также все кадии и наибы.

Таков был состав государственного аппарата Османской империи в конце 20-х гг. XIX в., когда центральное правительство во главе с султаном Махмудом II приступило к осуществлению политики реформ. На совещании, где был зачитан указ султана об упразднении системы «мюсадере» (сентябрь 1826 г.), Махмуд II приказал присутствующим изложить свои соображения относительно предполагаемых преобразований и обещал содействовать им во всех вопросах⁶⁹.

В 1827 г. хранитель священных городов Мекки и Медины (харемейн мукатаасы назыры) Кечеджизаде Иззет молла⁷⁰ составил и представил султану лийиху (докладную записку) о преобразованиях. Султан, как уже

говорилось, пользовался известной поддержкой духовенства в деле истребления янычар и проведении военной реформы. Однако реформы светского характера живо затрагивали интересы не только определенных слоев правящей верхушки, но и духовенства. Их надо было убедить, что политика реформ ничем не грозит ни их авторитету, ни их имуществу. Об этом свидетельствует первая часть ляйихи Иззета Моллы, где он пытается доказать, что задуманные реформы не противоречат догмам шариата: «Тем, кто утверждает, что нет смысла наводить порядок в стране, поскольку день явления Мехди (пророка) близок, мы ответим: если Мехди должен явиться завтра, мы должны восстановить справедливость и порядок сегодня же, чтобы встретить его достойно... Глупо отказаться от новшеств только потому, что должен явиться Мехди»⁷¹. В ляйихе далее говорилось о необходимости искоренения взяточничества, о создании «новых порядков», «о спасении налога «джизье» (подушный налог с христиан) от внутренних грабителей. Интересны размышления Иззета моллы относительно экономических мер. Он предлагал серьезно обратить внимание на эксплуатацию рудников, поощрять торговлю и заставлять мусульман заниматься ею, бороться против таких социальных бедствий, как нищета и бродяжничество. В ляйихе нашли место также предложения об уточнении функций и обязанностей шейх-уль ислама, казаскеров, а также преподавателей медресе, о пересмотре принципов судопроизводства в столичных судах и т. д.⁷².

Реакция дворца на ляйиху Иззета моллы неизвестна, но примечательно, что сразу после ее получения султан повелел приступить к созданию меджлисов, которые занялись бы подготовкой программы реформ. Согласно свидетельству историографа А. Лютфи, все вопросы, касающиеся взаимоотношений государства с населением, должны были рассматриваться этими меджлисами, которые компетентны были выносить окончательные решения по любому вопросу⁷³. Дело создания меджлисов было поручено сераскеру Хюсрев-паше и начальнику интендантской службы Давут-паше. Оба эти сановника выполняли свои обязанности довольно вяло. Их деятельность в основном ограничивалась приобретением лите-

ратуры на европейских языках, что, по их мнению, подсказало бы им методы создания нового государственного аппарата⁷⁴.

В это же время Махмуд II приступил к реорганизации государственного аппарата. В первую очередь, перемены коснулись садарета и ведомства шейх-уль-ислама. Как уже говорилось, при старом режиме садразам и шейх-уль-ислам имели довольно широкие полномочия и при случае могли ограничивать даже самодержавную власть султана. Как показали события начала XIX в., нередко они выступали против новшеств и переходили на сторону реакции. В отличие от своих предшественников, Махмуд II с самого начала борьбы против феодальной смуты в Анатолии свел садразама до послушного исполнителя своей воли. Садразама периода его правления не отличались особой активностью. В 1818 г. петербургский «Дух журналов» по этому поводу писал: «Он (Махмуд II.—М. Б.) ведал, что сия подлая страсть министров (имеется в виду склонность к взяточничеству) стоила предшественнику выбрать визиря III престола и жизни; сие побудило его почти ничем человека простого, недалёковидного и почти ничтожного; зато он сам управляет Диваном, и держит всех министров в узде; а визирю оставил только тень власти. Он один производит все государственные дела... Имея везде тайных агентов, он знает обо всем вернее и скорее, нежели его министры, и часто принимает свои меры прежде, нежели визирь успеет доложить ему о каком деле»⁷⁵. О власти султана над духовенством, предводителем которого был шейх-уль-ислам, говорилось по поводу ликвидации корпуса янычар, когда шейх-уль-ислам Мехмет тахир Кады-заде по требованию султана дал фетву на создание новых войск.

В связи с началом русско-турецкой войны 1828—1829 гг. и первым турецко-египетским конфликтом начала 30-х гг. политика реформ в стране была приоткрыта. Однако и в эти годы был осуществлен ряд важных мероприятий, о которых речь пойдет в главе IV.

ГЛАВА IV

РЕФОРМЫ 30-х ГОДОВ XIX ВЕКА

1. СТОРОННИКИ И ПРОТИВНИКИ РЕФОРМ. БОРЬБА МЕЖДУ НИМИ

Конец 20-х—начало 30-х гг. ознаменовались дальнейшим осложнением международного положения Османской империи. Война против России, спровоцированная наиболее реакционными кругами Порты в 1828 г., окончилась полным военным и политическим поражением Османской империи и заключением в 1829 г. Адрианопольского мирного договора, благодаря которому Греция стала независимой. Новый толчок получила борьба покоренных империей народов за свое освобождение. 1830 г. принес Османской империи новые территориальные потери. На этот раз она лишилась одной из отдаленных провинций в Африке—Алжира, который в будущем превратился в крупнейшую французскую колонию в Африке. В 1831 г. возник первый турецко-египетский конфликт¹, который вызвал новое обострение восточного вопроса и вновь дал повод великим европейским державам для вмешательства во внутренние дела Османской империи. В решающем сражении под Кютахьей египтяне во главе с сыном правителя Египта Мехмеда Али Ибрагим-пашой нанесли сокрушительное поражение армии великого везира Мехмета Решит-пашы и двинулись на столицу империи. Вмешательство России, высадка русских войск в районе Хункяр-искелеси и решение Петербурга любой ценой не допустить вторжения египетских войск в район проливов вынудили египетского пашу остановить наступление и заключить Портой Кютахийский мир.

Военные неудачи не помешали султану и сторонникам реформ продолжить политику преобразований, начатую после ликвидации янычарского корпуса, по-прежнему уделяя основное внимание армии. В начале 30-х гг. в среде значительной части правящих кругов все чаще и настойчивее проявляются стремления к централизации государственного управления. Почти всех государственных деятелей объединяло мнение, что для вывода империи из тупика и приспособления ее к современным условиям, необходимо проводить некоторые реформы. Но не все они одинаково относились к сути политики реформ. Консервативное крыло, возглавляемое сераскером Хюсрев-пашой и начальником «амеди», или «амедчилик одесы», Акифом-эфенди (позже—министр внутренних дел Акиф-паша), считало, что преобразования должны охватывать исключительно армию. Во всех остальных вопросах, в частности в вопросе переустройства государственного аппарата, их взгляды были консервативными. Поэтому, когда во второй половине 30-х гг. реформы охватили многие стороны государственного и административного устройства, представители этого крыла стали открытыми их противниками.

Наиболее видным представителем умеренного крыла был реис-эфенди Пертев-паша. Политическую карьеру он начал в годы русско-турецкой войны 1806-1812 гг. в качестве личного переписчика великого везира. После войны стал составителем политических актов Порты. Когда вспыхнуло греческое восстание, он был назначен на должность реиса-эфенди³. Современники о нем отзывались весьма положительно, называя его «последним настоящим турком»⁴. Он хотел обновить государственное устройство империи, оставляя при этом неизменным его основы⁵.

Будучи сторонником умеренных реформ, Пертев-паша считал, что страну можно спасти не с помощью слепого подражания Европе, а путем распространения среди населения просвещения и использования достижений науки⁶. Поэтому он поощрял подготовку молодых кадров, знакомых с общественным строем и современным положением стран Европы и сам лично покровительствовал таким. Среди его подопечных находился Муста-

фа Решит-бей (в будущем паша), одна из центральных фигур периода Танзимата⁷

Мустафа Решит родился 31 декабря 1798 г. в семье надзирателя вакуфов мечети Беязыт (Стамбул) Мустафы-эфенди. Читать и писать он научился у своего отца, которого потерял в десятилетнем возрасте. Завоевав благосклонность своего зятя Сеида Али-паши, он стал его «мюхюрдаром» (хранителем печати). В 1821 г. когда Сеид Али-паша был назначен сераскером Морен и должен был отправиться в Грецию для подавления восстания, недавно там вспыхнувшего, он взял с собой Мустафу Решита⁸. После смещения Сеид-паши с поста сераскера Морей, Решит-эфенди временно должен был уйти с политической арены, но вскоре приятель его зятя Кёсе Акиф-эфенди выхлопотал для него должность писаря при Порте («Баб-ы али мектубу калеми»)⁹, откуда он был переведен в «Амедчилик одасы». Здесь он отличился своими способностями и привлек к себе внимание начальства, которое ему доверило ведение секретной переписки. После объявления войны России (1828 г.) он был назначен личным переписчиком садразама Мехмета Селим-паши и отправился вместе с ним в Шумлу. Оттуда он писал донесения о состоянии армии. Красивый почерк и простота изложения привлекли внимание султана Махмуда II, тот приказал назначить Решит-бею жалование в размере 1500 курушей¹⁰. В годы правления садразама Мехмета Решит-паши Мустафа Решит стал секретарем «Амедчилик одасы»¹¹. По возвращении из Румелии в Стамбул он завоевал расположение ренса-эфенди Пертев-паши и сопровождал его во время поездки в Египет в начале 1830 г. по случаю передачи острова Крит в распоряжение египетского паши¹².

Для исследователей Турции особый интерес представляют личность и политические убеждения самого Махмуда II. Махмуд II, сын султана Абдул-Хамида I, родился 20 июля 1785 г. После свержения султана Мустафы IV 11 августа 1808 г. он был провозглашен султаном¹³. Современники о нем отзывались довольно противоречиво. Некоторые авторы его подвергали резкой критике, другие—превозносили до небес. «Султану Махмуду не хватало интеллекта,—писал Э. Энгельгардт,—чтобы заменить разрушенные им институты новыми. По-

литика централизации административного управления, проводившаяся вслепую, вызвала путаницу и беспорядки в стране, и было ясно, что настанет день, когда инициатор этих новшеств погибнет под развалинами возведенного им здания»¹⁴. «Султан Махмуд,—писал д'Обиньоск,—ликвидировал бывшую опору своей короны (янычар.—М. Б.), ставшую грозной и опасной, но ему не удалось найти ей подходящей замены»¹⁵. В отличие от своих коллег, французский исследователь Убичини довольно лестно отзывался о личности Махмуда II. «Невозможно, изменяя нравы, институты и администрацию, оставлять неизменной религию. Махмуд был первым среди повелителей ислама, кто понял эту истину и принялся за переустройство своей империи в более широких масштабах, используя Коран в качестве орудия своей политики. В тексте Корана он ничего не изменил, но приспособил свою политику к нему... Он направлял оружие своих противников против них самих. «Поражайте неверных их собственным оружием!», «Найдите свет хоть в Китае!». Подобными лозунгами он призывал своих соотечественников перенимать все достижения западных стран в области науки и просвещения»¹⁶.

К сожалению, как в источниках, так и в литературе не отражены взгляды и политические убеждения Махмуда II. Однако можно предположить, что они у него были довольно прогрессивными, поскольку он не только активно поддерживал политику реформ, но часто сам лично выступал в качестве инициатора проведения реформ. Об этом свидетельствует и тот факт, что сторонники реформ пользовались его покровительством (правда, в отдельные моменты, как это было в случае с Пертев-пашой, он ограничивал пыл реформаторов).

Когда Пертев-паша и Решит-бей вернулись из Египта, в столице была в разгаре борьба между сторонниками и противниками реформ. Заведующий «Амедчилик одасы» Акиф-эфенди уговорил султана сместить Пертев-пашу с должности реиса-эфенди, утверждая, что тот явился виновником поражения турецкой армии в русско-турецкой войне и потери острова Крит. 9 февраля 1830 г. был издан султанский хатт, в котором Пертев-паша обвинялся в том, якобы вводил в заблуждение

султана относительно событий в Греции и своими советами втянул страну в войну против России. Пост реиса-эфенди султан вновь передал Хамид-бею, который занимал его до 1821 г.¹⁷ Пертев-паша вместе со своим братом и зятем был сослан в Эдирне, где его подвергли жесточайшим пыткам. Не удовлетворившись этим, Акиф-эфенди написал султану донесение, требуя казни Пертев-паши. В этом донесении он сетовал на то, что в столице кое-кто не доволен ссылкой Пертев-паши и распространяются слухи о возможности его возвращения. В акции против Пертев-паши обвиняют самого Акифа-эфенди, чем настраивают против него общественное мнение. «Хотя это обвинение,—писал Акиф-эфенди,—мне ни в чем не может повредить, но не хотелось бы в глазах публики слыть обыкновенным доносчиком. Вам известно, что бывший реис-эфенди злоупотреблял своей властью, и, если его оправдать, то он может продолжать свои злодеяния. Чтобы предупредить это, нужно немедленно покончить с ним. Смертный приговор нужно привести в исполнение так, чтобы об этом узнало как можно меньше людей»¹⁸. Хотя султан в общем-то разделял мнение Акифа-эфенди, но долго не решался отдать приказ о казни одного из виднейших государственных деятелей своего времени. Пертев-паша был все же тайно казнен, но произошло это лишь семь лет спустя—в 1837 г.¹⁹

Смещение и наказание Пертев-паши не отразились на карьере Мустафы Решит-бея. В 1831 г., когда Акиф-эфенди по служебным делам находился в Румелии, он был назначен заведующим «Амедчилик одасы». Акиф-эфенди же вскоре занял пост реиса-эфенди с присвоением ему звания паши²⁰. Акиф-эфенди не был намерен спокойно наблюдать за тем, как повышается по служебной лестнице ученик Пертева-паши. В 1833 г., когда Мустафа Решит в качестве заведующего «Амедчилик одасы» вел переговоры с вторгшимся в Анатолию Ибрагим-пашой, он обратился к султану с докладом о ходе переговоров, где оклеветал Решит-бея, утверждая будто тот хотел уступить Ибрагим-паше Аданский округ, и добивался его казни. От гибели Решит-бея спасло вмешательство заведующего монетного двора (дарб

хане назыры) Али Рыза-эфенди, который втайне симпатизировал реформаторам²¹.

В 1834 г. Мустафа Решит-бей в качестве чрезвычайного посла Османской империи был направлен в Париж. Целью этой поездки, как утверждают современники, было изменение общественного мнения Европы в пользу турецкого султана и разрешение египетского кризиса²². Его сопровождали в качестве секретаря посылства Нури-эфенди и переводчик Рухиддин-эфенди²³. Через год он вернулся, оставив на своем месте Рухиддина-эфенди (Нури-бей в это время был назначен чрезвычайным послом империи в Лондоне). Махмуд II встретил его любезно и назначил постоянным послом в Париже. Решит-бей составил докладную записку о своем пребывании в Европе и о своих наблюдениях, затем временно вернулся в Париж²⁴.

В июне 1837 г. скончался первый министр иностранных дел Османской империи Мехмед Хулюси-паша. На пост министра иностранных дел был назначен Мустафа Решит-бей, занимавший в это время должности турецкого посла в Лондоне и одновременно советника министерства иностранных дел. Акиф-паша, бывший в то время министром внутренних дел, не смог оставаться равнодушным к этому назначению. Он сделал все от него зависящее, чтобы удалить Решит-бея из столицы²⁵. Однако Махмуд II думал, что в такой ответственный момент, когда в стране назревала необходимость проведения преобразований, Решит-бей был бы более полезен в Стамбуле, чем в Париже. Таким образом, тот остался в столице и приступил к своим обязанностям.

Став министром иностранных дел, Решит-бей, вскоре получивший титул паши, занялся подготовкой программы реформ и, согласно свидетельству источников, уговаривал султана провозгласить Танзимат еще в 1838 г., но тут вновь не обошлось без вмешательства Акиф-паши. Тот предупредил султана, что этот шаг ограничил бы его власть, и озадаченный Махмуд II решил помириться с ее провозглашением²⁶.

В начале мухаррема 1254 г. (середина марта 1838), благодаря усилиям Решит-паши, Акиф-паша был смещен с должности министра внутренних дел. Ему была назначена пенсия, и он должен был остаток своей жизни

ни провести в своем особняке²⁷. Однако впоследствии Акиф-паша был назначен мюширом (военным комендантом) Коджаэли. Но уличенный во взяточничестве и вымогательстве, он был отозван и сослан в Эдирне²⁸.

После нейтрализации Акиф-паши главным лидером оппозиции реформам вновь стал бывший сераскер Хюсрев-паша, но он до смерти Махмуда II был лишен политической власти и вынужден был удовлетворяться скромной ролью советника (без голоса) Высшего юридического совета, созданного в последние годы жизни Махмуда II.

Итак, уже во второй половине 30-х гг. сторонники реформ взяли верх над консерваторами и приступили к осуществлению реформ. Однако следует отметить, что реформаторская деятельность в стране продолжалась даже в те тяжелые для империи годы, когда противники реформ были довольно сильны и страна, только что вышедшая из войны с Россией, переживала острый финансово-экономический кризис.

2. АДМИНИСТРАТИВНЫЕ И ДРУГИЕ РЕФОРМЫ

Несмотря на внешние и внутренние трудности, после окончания русско-турецкой войны 1828—1829 гг. султанское правительство продолжало политику реформ, заботясь о создании регулярных войск европейского типа. Если к началу численность вновь созданной пехоты, так называемой «асакир-и мансуре», составляла приблизительно 35 тысяч человек²⁹, то в годы войны она резко увеличилась и составила более 50 тыс. человек. Это обстоятельство расценивалось в правящих кругах как «подъем народного воодушевления». На самом же деле, по свидетельству русских военных агентов, многие вступали в регулярные части только для того, чтобы получить продовольственный паек и спастись от голодной смерти³⁰. Однако в дальнейшем комплектование новых частей сталкивалось с трудностями, порожденными плохой организацией набора рекрутов и отсутствием дорог.

Первые пополнения в армию состояли из детей 12—17-летнего возраста, но многие из них не могли пере-

носить тягот военной службы и гибели. Султан вынужден был приказать правителям эялетов, которые осуществляли набор рекрутов среди населения, «впредь пополнять армию из числа выносливых молодых людей, преимущественно неженатых и еще не избравших себе постоянных занятий»³¹. Последнее замечание, видимо, было сделано с явным расчетом. В первые десятилетия XIX в. происходило интенсивное обезземеливание крестьян. Многие крестьяне, особенно молодежь, отправлялись в поисках куска хлеба в большие города, преимущественно в Стамбул, Измир и Адану, пополняя армию городских люмпенов. Привлечение таких людей к военной службе позволило бы правительству разрешить сразу несколько наиболее важных вопросов: могло бы остановить поток в крупные города «не избравших себе постоянных занятий» молодых крестьян и тем самым предупредить участвовавшие продовольственные кризисы; превратить не связанных с землей ни экономическими, ни семейными узами новобранцев в искусных, профессиональных солдат. Дело организации набора рекрутов было поручено правителям провинций, которые, в надежде угодить правительству, действовали столь усердно, что численность набранных ими рекрутов порой намного превышало ту, что государство было в состоянии содержать³².

Несмотря на некоторые успехи, военная реформа в целом проводилась неорганизованно и ее результаты не оправдывали надежды правительства. «Различные попытки ее (турецкой армии.—М. Б.) реорганизации,— писал Ф. Энгельс по этому поводу,—и преобразования после восшествия на престол Махмуда, янычарской резни и особенно после Адрианопольского мира (1829 г.—М. Б.) были объединены и приведены в систему. Первое и самое большое препятствие—независимое положение пашей, командующих отдаленными провинциями, было в значительной степени устранено; в целом они стали подчиняться дисциплине в такой же мере, в какой, примерно, подчиняются и командующие европейскими округами»³³. Эти правители, как справедливо заметил Энгельс, пользовались своим новым положением, чтобы накапливать богатства путем вымогатель-

ств, взяток и бессовестного хищения государственных средств. «Само собой разумеется, что при таком положении дел организация армии в значительной мере существует лишь на бумаге»³⁴.

После Адрианопольского мира правящие круги решили поставить военное дело на более серьезную основу. Для выявления людских ресурсов страны было решено провести перепись населения. Центральная власть пошла на этот шаг для того, чтобы получить хотя бы приблизительное представление о численности населения мужского пола, а заодно и об источниках государственных доходов.

Для подготовки и проведения переписи населения, а также для подведения ее итогов в Стамбуле была создана специальная комиссия—«джериде незарети»³⁵. Данные об этой переписи долгое время были недоступны для исследователей и были опубликованы лишь в 1943 г. историком, бывшим председателем Турецкого исторического общества (Тюрк тарих куруму) Энвером Зия Каралом³⁶. К сожалению, переписные листы сохранились не по всем вилайетам, поэтому установить точную численность населения Османской империи в начале 30-х гг. XIX в. не представляется возможным. Всего через 13 лет—в 1844 г., была проведена вторая перепись населения. Поскольку за истекшее время Османская империя новых территориальных потерь не имела и население ее могло измениться лишь незначительно, можно предположить, что результаты второй переписи с небольшими отклонениями применимы также к первой. Хотя в проведении переписи 1844 г. принимали участие также европейские специалисты, однако ее данные далеко не объективны, поскольку собранный материал не был сконцентрирован в Центральной статистической канцелярии, и часто посланные из вилайетов известия не доходили до центра, а некоторые цифровые данные были подвергнуты самовольным изменениям³⁷. Тем не менее установлено, что население Османской империи в то время составляло примерно 35,5 млн. человек. Из них 15,5 млн., или около 44%, проживали в европейской части империи, а 16 млн. 50 тыс. человек, или около 45%,—в азиатских владениях. Население африкан-

ских областей составляло около 4 млн. человек, или 11%³⁸.

Османская империя была многонациональным государством. Господствующая нация—турки—составляла 13 млн. человек, славяне (сербы, хорваты, болгары и т. д.)—свыше 6 млн., арабы—4,7 млн., румыны—4 млн., армяне—2,4 млн., греки—2 млн., албанцы (арнауты)—1,5 млн., курды—около 1 млн. человек. Остальные народности—татары, ассирийцы, или халдейцы (айсоры), друзы, евреи, туркмены и цыгане—все вместе составляли около 750 тыс. человек³⁹.

К числу важных новшеств начала 30-х гг. относится основание первой газеты на турецком языке «Таквим-и векаи» («Календарь событий») в 1831 г. В Османской империи первые газеты издавались еще в конце XVIII в. при посольствах европейских стран. Газетное дело получило широкое развитие в 20-х гг. в связи с греческим восстанием и обострением восточного вопроса. В эти годы было налажено издательство таких газет, как «Spectateur Oriental» («Восточный наблюдатель»), «Courrier de Smyrne» («Измирский курьер»), «Moniteur Ottoman» («Османский наставник») и т. д. Однако все эти газеты выходили на иностранных, преимущественно на французском языках и были недоступны большинству османских государственных чиновников, т. е. тем, кому они предназначались⁴⁰. В 1824 г. в Египте начала выходить газета «Века-и Мысрийе» («Египетские события») на турецком, а затем и на арабском языках, выражавшая интересы Мехмеда Али.

Реформаторская деятельность правящих кругов охватывала многие стороны политической и общественной жизни страны, но она служила интересам исключительно господствующего класса и была оторвана от народных масс, которые не понимали истинного смысла политики правительства и, подстрекаемые реакцией, враждебно относились ко всяким новшествам. Между тем газета на турецком языке, при условии расширения сети вновь создаваемых светских школ и хотя бы частичной ликвидации безграмотности, могла бы растолковывать общественному мнению страны цель и сущность задуманных реформ и привлечь его на сторону реформаторов. По-видимому, исходя из этих соображений, прави-

тельство начало издавать газету «Таквим-и векаи», первый номер которой вышел в свет 1 ноября 1831 г. В программном заявлении, напечатанном в первом номере газеты, говорилось, что, согласно установленной в былые времена традиции, при дворце султана живут хронисты—«векаинювисы», которые описывают события, происшедшие в империи за последние 20—30 лет. Вместе с тем в последнее время о событиях, происходивших в стране, ничего не пишется, и самые обыкновенные мероприятия государства, равно как и перемены, осуществляемые в структуре государственного устройства, приобретают в умах непосвященных какой-то таинственный смысл. А это дает повод для нападок и клеветы в адрес правительства. Чтобы предупредить подобные вещи, нужно постоянно держать население в курсе всех дел, которые происходят вокруг. А это можно сделать только путем издания газеты⁴¹.

«Таквим-и векаи» была задумана как официоз и в ней не велось никаких дискуссий, в первую очередь—политических⁴². Начиная с 1832 г., эта газета выходила также на армянском и греческом языках⁴³. Первое время она пользовалась известным успехом, преимущественно среди читателей-нетурок. Но скоро она стала приходить в упадок, что объяснялось разными причинами. Во-первых, она выходила под редакцией официального историографа дворца Мехмеда Эсад-эфенди и улемов, язык которых был насыщен арабо-персидской лексикой и оборотами, совершенно чуждыми и непонятными туркам, не прошедшим специальной выучки⁴⁴. Во-вторых, она выходила довольно нерегулярно: иногда раз в неделю, иногда раз в месяц или в два месяца, поэтому «новости», которые она собиралась сообщить населению, уже давно становились достоянием гласности⁴⁵. Вот почему «Таквим-и векаи» не оправдала надежд правительства, тем не менее она сыграла определенную положительную роль, дав новый толчок к развитию печатного дела на турецком языке.

Другим важным мероприятием начала 30-х гг. стало учреждение регулярной почтовой службы в 1832 г. В султанском хатте, изданном по этому поводу, говорилось: «Ввиду того, что письма, отправляемые из столицы в провинцию и обратно, зачастую не доставляют-

ся адресатам, а попадают в чужие руки, я приказываю учредить соответствующий центр почтовой службы, который будет осуществлять доставку почты во все уголки империи при помощи своих курьеров. Отныне ни мусульмане, ни реая (здесь—христиане.—М. Б.) и ни франки (европейцы, проживавшие в Турции.—М. Б.) не должны доверять свои письма случайным людям, а сдавать их почтовому надзирателю, который регистрирует все полученные письма в специальном журнале и через своих курьеров-татар доставит их адресатам»⁴⁶. Однако служба почты была поставлена весьма посредственно, и лишь с сентября 1840 г. она была урегулирована—разделена на Сухопутную службу почты (Кара посталары) и Службу морских поставок (Дениз посталары).

Сухопутная служба обслуживалась наездниками-курьерами. Центром почтовых перевозок являлся Стамбул, откуда начинались все почтовые маршруты. По пути, на расстоянии 6—7-часовой езды друг от друга, располагались перевалочные пункты. От конечного пункта почтовых линий письма и другие виды посылок доставляли адресатам курьеры, находящиеся на частной службе. Население тех районов, которые находились вдали от этих линий, держало своих частных курьеров, так называемых «сюрюдю», которые ездили за почтой в ближайший перевалочный пункт. Кроме того, состоятельные люди нанимали за определенную плату одного или несколько курьеров для своих хозяйств. Расценка за обыкновенный перевоз почты была 1 пара (сороковая часть куруша) за каждый час езды курьера. Согласно этой расценке, за доставку письма из Стамбула, например, в Эдирне нужно было платить 1 куруш 4 пара (44 часа езды), что примерно равнялось 25 сантимам. По почте перевозились также газеты и книги⁴⁷. Уже в середине XIX в. в империи существовало 15 основных почтовых линий общей протяженностью 2103 часа езды (из них 859 в Европе, а 1244—в Азии)⁴⁸. Одновременно с учреждением почтовой службы в 1832 г. был введен паспортный режим. Для выезда за границу впредь нужно было обращаться в министерство иностранных дел за паспортом, а для перемещений внутри страны необходимо было получить специальное

разрешение, так называемое «меврид тезкереси». До введения паспортного режима лица, выезжавшие за границу, в том числе турецкие дипломаты, обращались за паспортом в посольство той страны, куда они выезжали⁴⁹.

Значительным событием в жизни страны стало введение нового административного деления империи в 1834 г. Наиболее подробные сведения об административном делении Османской империи предшествующего периода относятся к концу XVI в. Сведения эти содержатся в сборнике «Султанские послания», составленном видным государственным деятелем при султанах Мураде III Феридун-беем. Трудно сказать, к какому периоду относятся приведенные им данные, так как в его сборнике помещены разные ферманы, официальные послания султанов, садразамов, везиров и т. д., составленные, начиная с возникновения Османского государства, примерно с 1300 г. до последней четверти XVI в. По сборнику Феридун-бея империя делилась на 34 эялета, состоявших из 242 лив. Кроме эялетов, было 11 хюкюметликов, одно эмирство, 2 воеводства, один шерифлик и одно ханство⁵⁰. При султанах Мураде III размеры эялетов, как административных единиц, значительно были уменьшены, и правителей эялетов впервые стали называть «вали»⁵¹.

В начале XVII в. Османская империя делилась на 23 эялета: Румели, Караман, Анатолия, Шам (Дамаск), Сивас, Эрзурум, Диярбакыр, Ван, Будин, Джезаир (острова греческого архипелага), Халеп, Мараш, Кипр, Босния, Траблус-Шам (Триполитания), Багдад, Чылдыр, Трабзон, Ракка, Мосул, Шехризор, Темешвар и Карс⁵². Эялеты, в свою очередь, были разделены на 216 санджаков⁵³. Впоследствии административное деление было подвергнуто новым изменениям, отраженным в трактате (рисале) крупного деятеля дворца при султанах Мураде IV (1623—1640) и Ибрагиме (1640—1648) Кочибее. Согласно второй части этого трактата, численность эялетов была сведена до 22, а санджаков, или лив,—до 237⁵⁴. Но уже во второй половине века административное деление вновь изменилось, о чем свидетельствует рисале придворного чиновника Али Чавуша. Согласно

новому делению, империя состояла из 32 эялетов, разделенных на 247 санджаков⁵⁵.

Следующие данные об административном делении империи относятся уже к концу XVIII в. Составлены они сотрудником шведского посольства в Стамбуле, армянином по происхождению, д'Оссоном Мураджа. В это время в империи насчитывалось 26 эялетов, состоявших из 163 санджаков и 1800 каза⁵⁶. Эти 26 эялетов назывались «эялеты с хассами». Существовали также «эялеты с сальяне», откуда султанское правительство получало дань, держало в них гарнизоны войск капы-кулу. Там не было традиционного для Османской империи деления на тимары и зеаметы⁵⁷. Это деление просуществовало до 1834 г., когда Махмуд II вынес решение о введении нового административного деления, вызванное ликвидацией тимариотской системы и стремлением правительства к централизации административного управления. Кроме того, в конце 20-х гг. от Османской империи отошли Греция, Алжир, несколько крепостей на восточном побережье Черного моря, и изменения в административном делении были необходимы.

Указом от 1834 г. Османская империя была разделена на 36 вилайетов, состоявших из 125 санджаков и независимых воеводств и 1267 каза⁵⁸. 12 из 36 вилайетов находились в европейской части империи: Чирмен (Эдирне), Силистрия, Видин, Нисс, Янина, Салоники, Ускюп, Румелия, Босния, Джезаир, Кандия (Крит) и Белградский пашалык⁵⁹. Азиатская часть империи состояла из вилайетов: Хюдавендигяр (Бурса), Кастамону, Айдын, Караман, Адана, Бозок (Йозгат), Сивас, Трабзон, Эрзурум, Харпут (Харберд), Хaleb, Дамаск (вилайет-и Шам), Мосул, Сайда (совр. Ливан), Хабеш (западная Аравия с Эфиопией), Харем-и Небеви (Медина) и Багдадского пашалыка. Африканские владения состояли из Египта, Триполитании (совр. Ливия) и Туниса⁶⁰.

Наряду с названиями эялет, вилайет и санджак употреблялись также термины «пашалык» и «мютеселлимлик». Так, М. П. Вронченко, побывавший в Малой Азии в 30-х гг. XIX в., приводя данные об административном устройстве региона, употребляет термины «пашалык», «мюселлимлик» (точнее «мютеселлимлик»),

«войводалык» и «агалык». Самой крупной административной единицей был пашалык, затем шел «мюселлимлик», а следом шли войводалык, агалык и кадылык. Более распространенными были мюселлимлики (по-видимому, он имеет в виду новые вилайеты, которые были уменьшены в размерах), которые «бывали всякого размера, начиная от одного города, без деревень и почти без мест зависимых, до большой области, каковы: Брусский и Казакский. Мюселлимлик принимает название пашалык, когда управляется пашой; таковы Айдынский и Кесарийский пашалыки, ничем от других мюселлимликов не различающиеся»⁶¹. Величина областей менялась беспрестанно, смотря по влиянию, которым пользовалось то или другое лицо при дворе, и по множеству обстоятельств»⁶². Указанный Вронченко факт о частых изменениях в названии отдельных административных единиц, действительно, имел место, но это объяснялось, во-первых, введением нового административного деления (Вронченко находился в Малой Азии как раз в годы проведения этого мероприятия) и, во-вторых, финансовой политикой правительства. Порта предпочитала назначать правителями вновь создаваемых вилайетов и санджаков Анатолии не вали и мутасаррыфов (содержание которых обходилось слишком дорого, а мютеселлимов. Таким образом, она присваивала значительную часть средств, которые ушли бы на жалованье вали и мутасаррыфам, и расходовала эти средства для покрытия расходов новой армии⁶³. По этой причине многие санджаки и даже вилайеты управлялись мютеселлимами и в официальных документах назывались «мютеселлимлик», но это означало не административную единицу, а указывало на должность правителя, который управлял этим вилайетом или санджаком.

М. П. Вронченко в качестве административной единицы указывает также «войводалык». «Несколько агалыков, соединенных вместе, подчиняются воеводе, и в таком случае, обыкновенно, в этом уже большего объема округе бывает город... Аги уплачивают ему (воеводе.—М. Б.), по условию, доходы со своих округов (агалык), исполняют его повеления касательно всего, до общих форм управления касающегося, и пользуются правом распоряжаться частностями. Сверх агалыков вое-

Вода по большей части имеет деревни, зависящие от него, и в таких деревнях он действует как ага»⁶⁴. Следует отметить, что в данном случае речь идет опять-таки о должности (как в случае с пашалыком и мютеселлимом), а не об административной единице. Воеводой в Азиатской Турции называли наместников правителей провинций, выполнявших, как правило, военные функции, и словом «войводалык» обозначалась должность воеводы, а не округ.

Однако данные, приводимые Вронченко, указывают на один бесспорный факт: к 1834 г., когда правительство решило ввести новое административное деление страны, бывшие эялеты и санджаки претерпели как качественные, так и количественные изменения, уступив свое место более уменьшенным административным единицам. Это мероприятие правительства явилось узаконением фактически сложившихся административных единиц, за которыми сохранились старые названия: эялет, вилайет, санджак и каза.

Одной из мер, принятых правительством в середине 30-х гг., была ликвидация военно-ленной системы, о которой подробно говорилось в главе I. После ликвидации янычар сипахийские войска не упразднялись, но тоже должны были подвергнуться реорганизации. Несмотря на значительное сокращение численности тимаров и зеаметов, сипахийские войска в это время насчитывали 25—30 тысяч всадников. Согласно данным А. Александрияна, численность сипахийских войск в это время составляла: в Эрзуруме—11584, Ване—2392, Диярбакыре—1504, в Сивасе—6490 человек и т. д.⁶⁵ Не желая лишиться такой внушительной силы, правительство решило реорганизовать их в конные полки и включить в состав регулярной армии.

В 1844 г. тимориоты и займы были превращены в простых государственных служащих с довольно высоким жалованьем. В совокупности они получали около 200 тыс. кесе в год в качестве компенсации за отобранные государством земли. На такую сумму можно было содержать 25-тысячную хорошо снаряженную кавалерию. Учитывая это, в 1847 г. Порты решила навсегда покончить с сипахи. Военные лены, находившиеся еще в руках сипахи к моменту принятия этого решения, бы-

ли превращены в их пожизненные владения, а после их смерти должны были переходить государству⁶⁶. Это означало не только формальное, но и фактическое упразднение тимариотской системы.

В начале марта 1834 г. был издан султанский указ о реорганизации государственного аппарата, а 8 марта того же года (26 шабана 1249) текст этого указа был опубликован в газете «Таквим-и векаи»⁶⁷. Согласно указу, все должности были разделены на четыре класса, а чиновники каждого класса должны были носить отличительный знак. Тогда общее число чиновников Дивана составляло 45 человек.

Чиновниками первого класса считались кяхья-бей (министр внутренних дел), реис-эфенди (министр иностранных дел) и баш-дефтердар (управляющий финансами, или министр финансов).

Ко второму классу относились: чавуш-башы (главнокомандующий армией), нишанджибашы (статс-секретарь), эвкаф-ы хумаюн (управляющий султанскими вакфами), дарбхане назыры (заведующий монетным двором), мукатаа назыры (управляющий по откупным делам), масарифат назыры (ответственный за государственные расходы), топхане ве кумбара назыры (управляющий заводом по производству пушек и снарядов), мухиммат-ы харбийе назыры (ответственный за производство боеприпасов), барутхане назыры (заведующий пороховыми складами), гюмрюк эмини (начальник таможни).

К третьему классу относились: векаинювис ве Таквим-и векаи назыры (историограф и редактор газеты «Таквим-и векаи»), бююк тезкереджи (первый приемщик челобитен), кючюк тезкереджи (второй приемщик челобитен), мектубчу (секретарь великого везира), тешрифатчы (церемониймейстер), амедчи (секретарь реис-эфенди), кяхья-бей кятиби (секретарь министра внутренних дел), Диван-ы хумаюн терджуманы (переводчик при Диване), Анадолу мухасебеджиси (начальник финансового ведомства Анатолии), асакир-и мансур кятиби (военный секретарь) и т. д.

Четвертый класс включал 9 должностей, в том числе: харемейн мукатаасы назыры (хранитель священных городов), башкапыкулу (чиновник канцелярии при ка

не), тютюю гюмрюк эмини (интендант по сбору за ввоз и вывоз табака), эзам мукатааджысы (начальник канцелярии частных откупов), мевкуфатчы (начальник таможни), малийе тезкереджиси (приемщик жалоб при конфискациях) и т. д.⁶⁸

Три главных министра—иностранных дел, внутренних дел и финансов—назывались «риджал», т. е. «избранные», или «эркян»—«столпы государства» все остальные чиновники при Диване назывались «хаджегян» (господа Дивана), но этот титул распространялся также на чиновников, не имевших должности при Диване.

Кроме вышеперечисленных государственных чиновников, было еще множество других, но «хаджегянами» их не называли. К числу таковых, например, относились: фес назыры (заведующий по изготовлению фесок, головных уборов, введенных при Махмуде II), су назыры (начальник службы по водоснабжению), богаз назыры (заведующий продовольственным отделом) и т. п.⁶⁹

Согласно указу, главнокомандующим всеми войсками являлся сераскер-паша. Непосредственным его заместителем был капитан султанской гвардии, который носил вновь созданный титул «мюшир-и асакир-и хасса» (командующий отборной гвардией).

В указе были приведены в систему результаты военной реформы. В 1834 г. Османская армия состояла из следующих родов войск: пияде (пехота), сувари (кавалерия), топчу (артиллерия), лагымджи (минеры), кумбараджы (бомбардиры) и балтаджи (охрана). Пехотные и кавалерийские дивизии назывались ферик, а полки—алай. Каждый полк состоял из четырех батальонов (табур) и находился под начальством миралая (полковник). Батальон делился на 8 рот (бёлюк), из которых четыре состояли из егерей; батальоном командовал бинбашы (майор). Бёлюк, состоявший под начальством юзбашы (капитан) делился на восемь взводов каждый в десять человек под начальством онбашы (капрал)⁷⁰.

Хотя в русском переводе указа были употреблены такие термины, как министерства иностранных, внутренних дел и финансов, на самом деле в 1834 г. таких учреждений в Османской империи еще не существовало. До этого вопросы внутренней и внешней политики ре-

шались в одной канцелярии, уже упомянутой нами «Амедчилик одасы», заведующим которой в 1831 г. стал Мустафа Решит-бей. Чиновники этой канцелярии одновременно занимались составлением официальных документов, вели протокол на заседаниях Дивана и занимались дипломатической перепиской. Естественно, что они, при всем желании, не могли эффективно выполнять все возложенные на них задачи, особенно в такое время, когда Порта начала придавать чрезвычайно большое значение дипломатической деятельности⁷¹.

Из письма, составленного секретарем султанского дворца Васи́фа-эфенди и направленного в адрес тогдашнего реиса-эфенди Акиф-паши, мы узнаем, что в 1835 г. султан серьезно намеревался создать министерства по европейскому образцу. «Как Вы помните из нашего недавнего разговора,—писал Васи́ф-эфенди,—наш повелитель приказал заменить некоторые должности новыми. Лично Вам, а также кетхуда-эфенди (или кяхья-бею.—М. Б.), и баш-дефтердару султан присваивает звание мюшира и желает, чтобы впредь вас называли министрами иностранных дел, внутренних дел и финансов. В дополнение к вашим доходам вам будет назначено единовременное жалованье по 15 тысяч курушей. Сегодня в садарет будет направлен соответствующий хатт-ы хумаюн. Желательно, чтобы Вы лично отправились туда и вместе с садразамом обдумали все необходимые меры для создания министерств»⁷².

Хатт-ы хумаюн, о котором упоминается в письме, был составлен значительно позже—в 1836 г., по возвращении из Парижа Мустафы Решит-бея, представившего султану докладную записку о своем пребывании в Европе. В хатте Махмуд II обращался к Решит-бею и Акиф-паше, требуя, чтобы они совместными усилиями составили лийиху об учреждении министерств. Известно, что эти два государственных деятеля возглавляли группы сторонников и противников реформ и, требуя от них сотрудничества в таком щекотливом вопросе, как создание министерств, султан, видимо, хотел помешать Решит-бею в реорганизации государственного устройства и одновременно намерен был привлечь на свою сторону противников реформ, доказав тем самым, что в своих намерениях он не собирается окончательно

порвать с традиционными государственными институтами. В хатте султан указывал на те трудности, с которыми сталкивались чиновники «Амедчилик одасы». «Внешние и внутренние дела,—говорил он,—есть тот фундамент, на котором строится государственное здание. Как покажет практика европейских государств, внешние и внутренние вопросы успешно могут быть решены только в том случае, если ими занимаются отдельные учреждения. Нам необходимо распустить «Амедчилик одасы» и вместо него создать два отдельных министерства внутренних и иностранных дел»⁷³. При министерстве иностранных дел предполагалось создание секретариата в составе председателя и 7—8 человек, которые должны были вести переписку с дипломатическими представителями иностранных государств. Первым министром иностранных дел был назначен Ахмет Хулюси-паша, а после его смерти, в 1837 г., этот пост занял тогда еще советник МИД и турецкий посол в Лондоне Мустафа Решит-бей. Бывший реис-эфенди Акиф-паша был назначен на пост министра внутренних дел. Одновременно чиновники министерства иностранных дел были отделены от чиновников внутренних дел. «Амедчилик одасы» был преобразован в секретариат иностранных дел—«маарузат-ы хариджие» и секретариат внутренних дел—«маарузат-ы дахилне». Заведующим секретариата МИД был назначен бывший секретарь «Амедчилик одасы», в прошлом надзиратель «Таквимхане», Махир-бей, а заведующим секретариата МВД—тоже один из бывших работников амеди Шекиб-эфенди. Первым секретарем МИД стал Энвери-эфенди, а первым секретарем МВД—Зюхтю-бей⁷⁴. Сотрудники Бюро переводчиков тоже были разделены и размещены в разных министерствах.

До середины 30-х гг. XIX в. финансовыми вопросами государства управляло существовавшее при Диване финансовое ведомство—дефтердарлык, возглавляемое баш-дефтердаром. К моменту ликвидации янычарского корпуса в этом ведомстве работало 32 чиновника. После 1826 г. оно было разделено на два отдела: государственных доходов—«мукатаат незарети» и государственных расходов—«масарифат незарети». В 1835 г. эти отделы были заменены Управлением государственной казны—«Хазине-и амире дефтердарлыгы» и Отделом по

финансированию войск «асакир-и мансуре»—«Асакир-и мансуре дефтердарлыгы». В 1837 г., в результате объединения этих учреждений, было создано министерство финансов, а первым министром финансов стал Нафиз-паша⁷⁵.

Таким образом, исполнительная власть, сосредоточенная до этого в руках великого везира, была распределена между отдельными министерствами, а сам великий везир перестал быть абсолютным заместителем султана довольствуясь ролью премьер-министра. Первым премьер-министром, правда, формальным, стал Мехмет Эмин Рауф-паша, занимавший пост садразама с 1832 г.⁷⁶.

Заняв должность министра иностранных дел, Мустафа Решит-бей, получивший вскоре титул паши, энергично приступил к подготовке программы реформ. Первым делом он создал комиссию по изучению экономических проблем, которая затем была превращена в Комитет общественно-полезных работ—«Меджлис-и умур-у нафия», председателем которого был назначен советник министерства иностранных дел Нури-эфенди⁷⁷. В состав комитета входило пять членов, разбиравшихся в вопросах сельского хозяйства, промышленности и торговли⁷⁸. Рабочая программа комитета была довольно насыщенной. Ему предстояло обсудить вопрос о возможности гарантирования неприкосновенности частной собственности и ее передачи по наследству, а также установить право на ее обмен и продажу; добиться введения права на приобретение движимого и недвижимого имущества для иностранцев в Османской империи; создать в стране сеть здравоохранения и т. д. О ходе своей работы и о принятых им решениях комитет должен был отчитываться перед Решит-пашой, а тот—перед султаном⁷⁹. Согласно свидетельству современников, создание Комитета общественно-полезных работ было чистой формальностью, поскольку его председатель Нури-эфенди одновременно продолжал свою работу в министерстве иностранных дел, и ему некогда было руководить деятельностью комитета. Кроме того, членами Комитета являлись люди, замешанные в финансовых махинациях, не внушавшие доверия турецким чиновникам и не пользовавшиеся чьим-либо покровительством во дворце⁸⁰. Комитет, не выполнив ни одной из возло-

женных на него задач, вскоре распался: его функции перешли к вновь созданному Высшему юридическому совету⁸¹.

Важнейшим мероприятием в последние годы правления Махмуда II, несомненно, было создание меджлисов. В первую очередь был создан Высший военный совет—«Дар-ы шура-и асакирие», в компетенцию которого входило определение положений о воинской повинности, изучение военного дела на примере европейских армий, выявление и принятие необходимых мер для усовершенствования турецкой армии и т. п.⁸².

В начале 1838 г. был создан также Высший правительственный совет—«Дар-ы шура-и Баб-ы али». В состав его вошли садразам Мехмед Эмин Рауф-паша, сераскер Румелии Халил-паша, министр финансов Нафиз-паша, морской министр Ахмет-паша, заведующий молетным двором Гасиб-паша, а также министр иностранных дел Мустафа Решит-паша. Для подготовки программы реформ два раза в неделю они должны были собираться в здании Порты. В остальные дни каждый из них должен был заниматься вопросами своего учреждения. В султанском указе, изданном по этому случаю, говорилось, что структура и функции Высшего правительственного совета полностью соответствуют советам министров, созданным в европейских странах, поэтому нет необходимости создания совета министров Османской империи. Остальных членов правительственного совета султан повелел избрать комиссии, куда входили Мустафа Решит-паша, Нафиз-паша и Фетхи-паша. В состав совета султан рекомендовал включить также бывшего сераскера Османской армии Хюсрев-пашу с условием, что тот не будет занимать в нем пост председателя⁸⁴.

Примечательно, что в последние годы жизни Махмуд II оказывал явную поспешность в деле осуществления задуманных реформ. Как отмечал петербургский журнал «Сын отечества» в 1838 г., «никогда еще султан не оказывал такой быстроты и деятельности в самых важнейших государственных реформах... Марта 2-го сего года обнародовано учреждение Государственного совета, который разделяется на два отдела: Совет правосудия (Меджлис-и вала-и ахкям-ы адлийе), предсе-

дателем которого назначен прежний сераскер Хюсрев-паша (?), и совет Порты (Дар-ы шура-и Баб-ы али), председателем коего будет Давут-паша. С учреждением сих советов звание великого везира теряет все прежнее значение»⁸⁵.

Султан и сторонники реформ самое большое значение, однако, придавали созданию Высшего юридического совета—«Меджлис-и вала-и ахкям-ы адлийе», который должен был стать законодательным органом государства. Прежде чем назначить членов этого совета султан поручил Мустафа Решит-паше составить его устав. Отсутствие фактов не позволяет определить, соблюдались ли положения проекта нового устава, но он интересен тем, что отражает взгляды Решит-паши на будущее государственное устройство империи. Поэтому мы сочли нужным привести полный перевод этого проекта, который был обнаружен турецким исследователем Решатом Кайнаром в турецких архивах.

Устав Решит-паши состоял из следующих 12 статей:

- 1) «Меджлис-и ахкям-ы адлийе» состоит из председателя и 14 постоянных членов;
- 2) членами меджлиса могут стать отставные везиры, высшие улемы, прочие государственные сановники, а при необходимости также военные;
- 3) независимо от размера доходов, получаемых членами меджлиса на своей основной должности, в качестве членов меджлиса они будут получать единовременное фиксированное жалованье в размере по 5 тыс. курушей каждый;
- 4) в состав меджлиса, с правом полного голоса, входят также секретари меджлиса и маарузата. Поэтому будет выделено жалованье также для них. Первому—11 тыс. курушей, второму—7500;
- 5) члены меджлиса избираются большинством голосов и утверждаются султаном;
- 6) секретари меджлиса и маарузата избираются членами меджлиса и утверждаются султаном;
- 7) за членами и секретарями меджлиса сохраняется право быть назначенными на другие

должности с тем, чтобы на их место немедленно были избраны другие;

- 8) члены меджлиса должны быть честными и преданными своему делу людьми и заниматься исключительно своей работой и защищать законы и порядок. Если кто-нибудь нарушит это положение, остальные члены могут его исключить из меджлиса большинством голосов. Для пресечения злоупотреблений должностью члены меджлиса должны переизбираться ежегодно в месяце мухаррем (март-апрель):
- 9) в начале каждого года (мусульманского) будет проведено голосование. Члены, которые не получают большинство голосов, будут исключены, на их место будут избраны новые:
- 10) голосование за каждую кандидатуру проводится только один раз. Кандидат, не получивший абсолютного большинства голосов, исключается из состава меджлиса без вторичного голосования;
- 11) в этой статье рассказывается о том, что такое принцип абсолютного большинства и как нужно проводить голосование по этому принципу;
- 12) если лицо, избранное очно или заочно членом меджлиса, отказывается от членства или, будучи членом, подает прошение об отставке, его просьбу надо удовлетворить⁸⁶.

Несмотря на то, что указ о создании «Меджлис-и вала-и ахьям-ы адлийе» был издан, Махмуд II колебался в вопросе выбора членов этого меджлиса. Оставалось неопределенным место монарха в новом государственном устройстве. Сам Мустафа Решит-паша был за то, чтобы власть султана стояла выше меджлиса. «Парламентарная система государственного правления. — говорил он, — практикующаяся в таких европейских странах, как Франция и Англия, для нас неприемлема, потому что государственный строй этих стран является конституционной монархией (хюкюмет-и мешрута). Нам более устраивает государственный режим Австрии и Пруссии, где господствует абсолютная монархия. В этих странах члены совещательных советов избираются и смещаются согласно воле их государей. Так должно быть и у

нас»⁸⁷. Слова Решит-паши показывают, что создавая эти меджлисы, реформаторы отнюдь не собирались ограничивать власть султана. Скорее всего, эти меджлисы стали бы послушными исполнителями воли султана — нечто вроде совещательных советов.

После долгих колебаний, наконец, Махмуд II утвердил состав членов высшего юридического совета. Председателем был назначен садразам Мехмет Эмин Рауф-паша. Членами меджлиса стали: Фетхи-паша, Абдулкадир-бей, Мелекпаша-заде Кадри-бей, Ариф Хикмет-бей, официальный придворный историограф Эсат-эфенди. Первым секретарем меджлиса был назначен Насыр-эфенди, вторым секретарем меджлиса — Мухсин-эфенди. Советниками стали: Хюсрев-паша, шейх-уль-ислам Асым-эфенди (Мекки-заде), сераскер Халиль-паша, министр торговли Саит-паша, советник монетного двора Али Неджип-паша, министр иностранных дел Мустафа Решит-паша, член Комитета общественно-полезных работ Черкешли Мехмет-эфенди. Кроме высших сановников, членами меджлиса считались также советник/садарета Саит Мухиб-эфенди, дефтердар султанской казны Хаджи Этхем-эфенди, дефтердар по откупным делам Муса Сафвет-эфенди, судебный надзиратель (дава назыры) Хаджи Саиб-эфенди, военный министр Неджип-эфенди, управляющий вакфами (эвакф назыры) Шевки-эфенди, советник «асакир-и мансуре» «Этхем-бей, советник МИД Рифат-бей, советник министерства торговли Ариф-бей, церемониймейстер Порты Зюхтю-бей, секретарь МВД Шахаб-эфенди, секретарь МИД Энвери-эфенди, переводчик Дивана Али-эфенди»⁸⁸.

Высший юридический совет был уполномочен решать вопросы общегосударственного масштаба. Приговоры провинциальных меджлисов, вынесенные в отношении убийц и прочих преступников, могли быть приведены в исполнение лишь после утверждения Высшего юридического совета, который как бы являлся кассационным судом⁸⁹.

Одним из мероприятий, организованных Высшим юридическим советом после его создания, было проведение описи имущества подданных империи. Опись имущества была одной из мер, которые были вызваны жизни в результате упразднения военно-ленной систе

ны, и она непосредственно преследовала цель упорядочения налоговой системы, устаревший как в материальном, так и в моральном отношении. Как известно, при старой системе сбор налогов осуществлялся самими держателями военных ленов, а позже—мюльтезлимами, мктеселлимами, воеводами, аянами и прочими представителями центральной и провинциальной администрации. Размеры налогов были установлены раз и навсегда, они взимались по системе круговой поруки без учета изменений численности и возможностей налогоплательщиков. Кроме того, подавляющая часть налогов взималась в натуральном виде, что затрудняло их доставку по месту назначения и приводило к уменьшению валового дохода государства из-за порчи продуктов в дороге.

Новая налоговая политика правительства была определена на заседаниях Высшего юридического совета и опубликована в газете «Таквим-и векаи» под заглавием «Тешеббюсат-ы адлийе» («Юридические мероприятия»). Вот некоторые выдержки из этой газеты: «В результате проверки приходных журналов выяснилось, что сведения о сборе налогов часто искажаются. Например, в некоторых каза население сильно уменьшилось, в ряде других оно увеличилось вдвое, тем не менее с них налоги взимаются в прежних размерах, что дает возможность воеводам и аянам наживаться на этом»⁹⁰. Здесь же приводится перечень задач, поставленных перед правительством в этой области. Планировалось определять и заносить в реестры размеры налогов, которые будут взиматься с каждого подданного на основе его имущественного состояния в рамках, установленных шариадом. Всем предполагалось выдать сенеды с указанием размера требуемого с них налога. Кроме этого, никого нельзя обкладывать никакими другими налогами. Обложению налогами подлежали: недвижимая собственность, земля и торговля. Налоги решено было собирать в два приема. Устанавливался финансовый год, началом которого становился месяц март.

Для проведения описи имущества было решено во все концы империи послать правительственных агентов, которые, кроме выполнения своих прямых обязанностей, должны были следить также за тем, чтобы все

население зарегистрировало свое имущество в суде, получило сеныды с печатью. Для начала опись имущества планировалось провести в эялете Хюдавендигяр и санджаке Гелиболу. Заодно вновь поднимался вопрос об упразднении системы мюсадере и указывалось, что «впредь имущество любого подданного, будь он везиром, государственным чиновником, мютеселлимом, воеводой, аяном и пр., будь он беден или богат, не будет конфисковываться государством после его смерти»⁹¹. Несмотря на все эти подготовительные работы, опись имущества так и не была проведена, и спустя несколько месяцев последовал указ, оповещавший о том, что «ввиду возникших финансовых трудностей правительство временно отказалось от проведения описи имущества по всей стране, решив и в этом году собирать налоги по старой системе»⁹².

В конце 30-х гг. XIX в., когда проводились перечисленные правительственные мероприятия, взяточничество и коррупция в Османской империи были распространены повсеместно. Для предотвращения этих явлений, укоренившихся в административном аппарате, Решит-паша решил прибегнуть к насилию. В 1838 г. по его настоянию султан издал два уголовных закона, касающихся некоторых слоев духовенства и государственных служащих. Первый закон—«Тарик-и ильмие даир джеза кануну»—был принят для борьбы с взяточничеством среди кадиев и наибов⁹³, которые получили своей сан и должность при помощи взяток, и предусматривал меры наказания для них. Второй—«Мемурейне даир джеза кануну»—преследовал цель искоренения фактов коррупции и взяточничества среди государственных чиновников. Здесь имеется полный перечень «подарков», которые квалифицировались как взятка, и меры наказания для лиц, занимающихся взяточничеством⁹⁴.

Одним из нарушителей уголовного закона о государственных чиновниках стал Хюсрев-паша. Будучи садразамом, он получил от сераскера Мустафы Нури-паши взятку в сумме 125 тыс. курушей. Когда против него было возбуждено судебное дело, он сразу вернул полученную взятку, но все же был привлечен к ответственности. По этому поводу суд вынес следующий приговор: «Хюсрев-паша получил взятки и компрометировал

честное имя некоторых лиц⁹⁵. Согласно новому уголовному закону, это преступление наказывается очень строго, однако у паши имеются смягчающие вину аргументы, поскольку он получил взятку за 30 дней до обнаружения указанного закона. Тем не менее, ему было известно, что вопрос о взяточничестве и коррупции обсуждается меджлисом уже давно, и что за подобное нарушение предполагалось строгое наказание. Невзирая на это, он пренебрег работой меджлиса и совершил нарушение. Поэтому суд выносит следующий приговор: сместить Хюсрев-пашу с занимаемой им должности и выслать на два года из столицы без назначения пенсии, в которой он вовсе не нуждается⁹⁶. Хюсрев-паша был сослан на Текфур-даг (восточная Румелия), где должен был оставаться два года до особого распоряжения меджлиса⁹⁷.

Второй турецко-египетский конфликт 1839—1841 гг. и последовавшая за ним смерть султана Махмуда II временно прервали проведение реформ. Однако, почва для проведения более серьезных реформ, охватывающих широкие сферы общественно-политической и культурной жизни страны, уже была создана. Через несколько месяцев после восшествия на престол султана Абдул-Меджида был провозглашен «Гюльханейский хатт-ы ше-риф», который открывал долгий и мучительный период преобразований в Османской империи, известный в истории Турции как период Танзимата—«Танзимат дев-ри».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренный нами период, охватывавший 1808—1839 гг., представляет собой одну из интересных страниц истории Османской империи. Он был насыщен важными событиями как во внешнеполитической, так и во внутривосточной жизни страны. В эти годы во внутренней политике османского правительства намечались две основные линии: тенденция к централизации административного управления, преследовавшая цель установления в стране режима просвещенного абсолютизма, и реформаторская деятельность, направленная на сохранение территориальной целостности империи и на приспособление военно-феодальной государственной машины к современным условиям.

Общезвестно, что Османская империя была одним из сильнейших централизованных государств средневековья. Однако, к началу XIX в. эта централизованность была сведена почти на нет. В течение XVII—XVIII вв. в структуре османского феодализма произошли значительные изменения. Рост товарно-денежных отношений, которые, по выражению Ф. Энгельса, подорвали фундамент феодального строя «еще задолго до того, как стены рыцарских замков были пробиты ядрами новых орудий»¹, а в дальнейшем все более активное вовлечение страны в мировой капиталистический рынок наложили отпечаток на развитие феодального общества. Ускорение процесса разложения тимариотской системы способствовало появлению новой прослойки феодального класса в провинции—аянов, которые своим возвышением были обязаны не происхождению и правительственным грамотам, а денежному богатству, накопленному, как правило, в результате коммерческой и ростовщической деятельности, равно как и участию в откупах государственных налогов. Возрождались также

наследственные феодальные династии—деребейлики, представители которых добивались приобретения наследственного права на землю и известной самостоятельности в своих взаимоотношениях с Портой. Освободительная борьба покоренных народов в сочетании со стремлением новых феодалов к самостоятельности явилась именно той силой, которая подорвала основы централизованного государства и способствовала углублению кризиса османского феодального общества.

Вследствие разложения тимариотской системы сократилась численность тимаров и зеаметов, которые постепенно становились добычей столичной бюрократии, яянов и деребеев. В результате резко сократилась также численность сипахийской кавалерии. Для компенсации этой потери правящие круги, в свою очередь, увеличивали численность янычар, что привело к резкому ухудшению финансового состояния государства. В отличие от ленников-сипахи, источником дохода которых являлись тимары и зеаметы, содержание янычар полностью легло на плечи государства. Положенье усугублялось тем, что Порта далее не могла рассчитывать на грабеж соседних стран, обогнавших ее в социально-экономическом развитии и создавших современные армии, поэтому основным источником государственных доходов стали всевозможные налоги.

Корпус янычар, составлявший до XIX в. ядро турецкой армии, тоже был охвачен процессом разложения. Значительная часть янычар, в нарушение устава, вступала в брак и занималась торговлей и ремеслами, постепенно теряя свои боевые качества. С другой стороны, в ряды янычар вливались ремесленники и люди, не имевшие определенных занятий, надеявшиеся избавиться от налогов и обеспечить себе более терпимые жизненные условия. Они не были заинтересованы в участии в войнах, поэтому либо отказывались идти на поле сражения, либо дезертировали при первой же возможности. Конечно, с такой недисциплинированной армией, вооруженной к тому же весьма примитивно, рассчитывать на успех не приходилось. В войнах второй половины XVIII и начала XIX вв. Османская империя потеряла значительные территории.

Налоговая политика правительства, беспощадно эксплуатировавшего трудящиеся массы города и деревни с целью получения средств для содержания государственного аппарата и армии, бесчисленные поборы со стороны правительственных агентов—вали, мутасаррыфов, мютеселлимов, мюльтезимов и пр., а также наследственных провинциальных феодалов разрушали экономическую жизнь страны. Экономике страны наносил также чувствительный удар ввоз европейских фабричных изделий, которые в первой половине XIX в. постепенно завоевывали турецкий рынок. На этой почве развернулась борьба между крупными европейскими державами вокруг дележа «османского наследства», что составило основную суть восточного вопроса.

Нависшая в начале XIX в. над империей угроза раздела побудила часть турецких феодалов к поиску путей выхода из кризиса. Они пришли к выводу о необходимости заменить старую феодальную армию регулярной армией более современного образца, с помощью которой они смогут обеспечить себе классовое господство, помешать планам раздела империи. При султанах Селиме III (1789—1807) была декретирована и частично проведена в жизнь серия реформ, известных под названием «низам-ы джедит» (новая система), была сделана попытка создания регулярного войска. Поражение и крах политики Селима III показали, что в тогдашних условиях, когда власть центрального правительства была довольно шаткой, проведение политики реформ было нереальным.

Определяющей линией внутренней политики правительства султана Махмуда II, взошедшего на престол в 1808 г., была тенденция к централизации государственного управления и попытка создания режима, подобного европейскому просвещенному абсолютизму. В течение 1810—1847 гг. Порте удалось подавить выступления крупных феодалов Анатолии и Курдистана, отказывавшихся подчиняться центру, и покончить с их политической самостоятельностью и сепаратистскими устремлениями. Однако тенденция к централизации, являвшаяся для своего времени прогрессивной, вступила в непримиримое противоречие с национально-освободительным движением в стране, которое, безусловно, но-

сило прогрессивный характер. Политические и культурные мероприятия Порты не подкреплялись, однако, экономическими. В стране не сложился еще внутренний рынок—одно из важнейших условий для создания централизованного государства.

С политикой централизации непосредственно связаны и другие преобразования Махмуда II, в особенности административные, военные и культурно-просветительские реформы 30-х гг. Как уже говорилось, султан Махмуд II и часть феодалов, поддерживавшая его политику, считали, что смогут, не затрагивая социально-экономических основ государства, при помощи военной реформы и некоторого переустройства государственно-правовой структуры предотвратить гибель феодального государства. В своей деятельности они не понимали действительных проблем и нужд страны.

Широкие народные массы относились к реформам скептически, а порой и враждебно, поскольку для финансирования своих мероприятий правительство увеличивало налоговый гнет. В начале 30-х гг. имели место стихийные народные выступления. Одним из подобных выступлений этого периода был так называемый «инцидент Тахмисчи-оглу» в городе Кастамону в 1833 г. Бывший десятник янычарской конницы, воспользовавшись недовольством населения города введением новых налогов, захватил власть в городе. При этом жители оказали ему действительную помощь. Однако восстание было подавлено. Выступление Тахмисчи-оглу, будучи, бесспорно, противозаконным, пользовалось тем не менее поддержкой населения и свидетельствовало об усилении антиправительственных настроений среди народных масс.

Какие стороны общественно-политической жизни охватила реформаторская деятельность правительства и какие реформы были проведены в годы правления Махмуда II? Первой из них была военная реформа, которой Порты придавала исключительное значение. В середине 20-х гг., после ликвидации корпуса янычар, она приступила к созданию новой регулярной армии. Однако военная реформа проводилась довольно неорганизованно, и даже спустя 10 лет, к началу второго турецко-египетского конфликта, численность регулярных войск

не превышала 50 тыс. человек; в военное время государство по-прежнему вынуждено было обращаться к услугам иррегулярных войск. Затянувшаяся военная реформа свидетельствовала о том, что государство не располагает финансово-экономической базой для комплектования, снаряжения и вооружения современной армии, а также офицерскими кадрами. В результате на все ключевые должности были назначены офицеры старой армии, многие из которых отличались реакционными взглядами.

В 1831 г. с целью выявления людских ресурсов страны была проведена перепись населения. В том же году было налажено издание первой газеты на турецком языке. В 1834 г. была упразднена военно-ленная система, изменено административное деление страны. В 1835—1837 гг. обновилась государственно-правовая система: исполнительная власть, сосредоточенная ранее целиком в руках великого везира, была распределена между вновь созданными министерствами иностранных, внутренних дел и финансов. Военные функции были отделены от гражданских и переданы в компетенцию Высшего военного совета—«Дар-ы шура-и асакирие». В 1838 г. при султанском дворце и при Порте были созданы Высший юридический совет—«Меджлис-и вала-и ахьям-ы адлийе» и Высший правительственный совет—«Дар-ы шура-и Баб-ы али», которые в первые годы своего существования скорее всего представляли собой комиссии по подготовке и проведению реформ.

В эти же годы был принят ряд мер, способствовавших дальнейшему прогрессу страны. К их числу относятся: учреждение почтовой службы, введение паспортного режима, создание карантинного отдела, открытие светских школ для подготовки государственных служащих (мектеб-и маариф и адлийе), офицерских кадров (мектеб-и харбие) и медицинских работников (мектеб-и тыббие).

К началу 30-х гг., в связи с намечавшимися реформами, в правящих кругах образовались два лагеря—сторонников и противников реформ. Сторонники реформ во главе с Мустафой Решит-пашой, только начинавшим свою политическую карьеру, полагали, что единственным путем спасения империи от раздела является пол-

ная замена отживших свой век государственных и административных органов учреждениями европейского типа, при неизменности государственного режима. Османская империя должна была оставаться феодально-абсолютистской монархией, только в ней должны были внедряться некоторые буржуазные принципы, такие как неприкосновенность жизни, чести и имущества, равноправие всех подданных перед законом, независимо от национальной и религиозной принадлежности, право передачи движимого и недвижимого имущества по наследству и т. д. Противники реформ, к которым относились видные политические деятели эпохи Махмуда II Люсрев-паша и Акиф-паша, действовали осторожно, ибо султан одобрял действия реформаторов и сам принимал активное участие в подготовке и проведении реформ. Внешне они даже как будто сочувствовали реформам, на деле же всячески пытались препятствовать их осуществлению и вели скрытую борьбу против сторонников реформ. Однако в рассматриваемый период позиции сторонников реформ оказались более прочными, что и позволило им проводить свою политику.

Как видно, в годы правления Махмуда II правительством была запланирована большая серия реформ, из которых только часть была проведена в жизнь. Иначе быть и не могло, поскольку этот период был лишь подготовительным этапом, расчищавшим путь для дальнейших реформ, носивших уже буржуазный характер. Несмотря на то, что реформы Махмуда II в целом были положительными, они имели ряд серьезных недостатков. Ни одна из реформ не затрагивала феодальных проблем страны. Стараясь укреплять феодальную структуру, государство не принимало мер для стимулирования экономического прогресса в стране. Одной из грубых ошибок реформаторов было стремление во всем подражать западным странам, не учитывая специфические условия империи и не понимая, что причины превосходства Западной над Османской империей скрывались в их социально-экономической структуре, и что никакие версущечные реформы не могли преодолеть отсталость Османской империи. Наконец, в деле проведения реформ турецкие правители рассчитывали на поддержку запад-

ных стран, в первую очередь Англии и Франции, наивно рассматривая их как своих друзей. Этой недальновидностью сторонников реформ в будущем воспользовались иностранные державы, которые направили реформаторскую деятельность в Турции по удобному им руслу, навязывая ей целую серию реформ, которые в своей основе были направлены на ее превращение в полуколонию.

Сама идея укрепления военно-феодальной системы Османской империи при помощи верхушечных реформ была нереальной и утопичной, доказательством чего послужило то, что все попытки турецкого правительства «стать на путь цивилизации» при помощи реформ потерпели, по словам К. Маркса, «жалкое крушение»².

ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

- 1 К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 22, с. 33.
- 2 В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 19, с. 8.
- 3 К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, с. 254—256.
- 4 В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 15, с. 107.
- 5 К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, с. 410.
- 6 Там же, т. 3, с. 52—53.

ГЛАВА I

- 1 О. Г. Инджикян, Буржуазия Османской империи, Ереван, 1977, с. 26.
- 2 Там же.
- 3 К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 28, с. 221.
- 4 Сипахи—воин-кавалерист, участник феодального ополчения, получивший за свою службу военный лен—тимар или зеамет, и соответственно называвшийся тимариотом или занмом.
- 5 А. Hamit, M. Muhsin, Türkiye Tarihi. Istanbulun Fethinden Zamanımlıza Kadar, Istanbul, 1926, s. 496.
- 6 Aşkpaşazade, Tevarih-i Ali Osman, Istanbul, 1949, s. 16.
- 7 А. Ф. Миллер, Мустафа-паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX в., М.—Л., 1947, с. 29.
- 8 А. Hamit, M. Muhsin, указ. соч., с. 462.
- 9 Ayni Ali Efendi, Taksimat-ı der Liva-i Ali Osman, Ankara, 1964, s. 41.
- 10 Ayni Ali Efendi, Kanunname-i Ali Osman, Ankara, 1962, s. 4—16.
- 11 Ц. Цепрешкич, *История, Философия*, 1961, № 21.
- 12 В. Гордлевский, Государство сельджукидов Малой Азии, с. 73.
- 13 А. С. Тверитинова, Проблемы средневековой и новой истории в трудах болгарских ученых, М., 1955, с. 174.

- 14 *Ayni Ali Efendi*, Kanunname-i Ali Osman, s. 16—24.
- 15 *A. Hamit, M. Muhsin*, указ. соч., с. 492.
- 16 Точнее, тимаром считался лен с максимальным доходом 19999 акче. Лен с доходностью 20000 акче уже назывался зеаметом.
- 17 *Ayni Ali Efendi*, Kanunname-i Ali Osman, s. 25—26.
- 18 *Ayni Ali Efendi*, Taksimat-ı der Liva-ı Ali Osman, s. 41.
- 19 В современном турецком языке термин «хюкюмет» имеет значение «правительство».
- 20 Ղ. Իճճիճեանց. Աշխարհադրութիւն շորից մասանց աշխարհի, Մ. Ա հատ. Ա, Վենետիկ, 1806.
- 21 Там же, с. 349.
- 22 *I. H. Uzunçarşılı*, Osmanlı Tarihi, с. 2, s. 580.
- 23 Там же. См. также: *Ayni Ali Efendi*, Kanunname-i..., s. 40. Юртлуки и оджаклыки встречались также в некоторых районах европейской части империи, например в Боснии.
- 24 *М. Х. Сванидзе*, О юртлуках и оджаклыках как одной из форм землевладения на примере Чылдырского эялета, М., 1961, с. 2—5; В Курдистане к категории «юртлук-оджаклык» относились санджаки Сокман, Кулуб, Терджиш, Михрани, Итах, Перпек и Чермик. См.: *I. H. Uzunçarşılı*, указ. соч., с. 581.
- 25 Там же.
- 26 Հայ ժողովրդի պատմութիւն, հատ. 5, Երևան, 1974, էջ 70—75.
- 27 *I. H. Uzunçarşılı*, Osmanlı İmparatorluğu Teşkilatı, Ankara 1965, s. 34—35.
- 28 *В. П. Мутафчиева*, К вопросу о феодальной иерархии в османской военно-ленной системе (XV—XVI вв.). В кн.: «О генезисе капитализма в странах Востока (XV—XIX вв.)», М., 1962, с. 322. См. также: *Х. Хацибегич*, Канун-нама султана Сулеймана Законодавца, «Гласник Земальског Музеја у Сараеву», IV—V, 1949/50, с. 346.
- 29 От слова «чифт»—пара. Крестьяне получали в надел столько земли, сколько можно было обрабатывать при помощи пары волов.
- 30 *Ö. L. Barkan*, Türk Toprak Hukuku Tarihinde Tanzimat ve 1274 (1858) tarihli Arazi Kanunnamesi,-Tanzimat, I, İstanbul, 1940, s. 324.
- 31 Там же.
- 32 *Ö. L. Barkan*, 14. ve 15. asırlarda Osmanlı İmparatorlugunda Ziraî Ekonominin Hukukî ve Malî Esasları, İUEFY, İstanbul, 1945, s. 59.

- 33 Там же, с. 46.
- 34 Koçi Bey Risalesi, İstanbul, 1939, s. 41—42.
- 35 Удостоверение янычар, по которому они получали пособие и продовольственный паек.
- 36 „Koçi Bey Risalesi“, s. 41—42.
- 37 X. Хаџибегич, указ, соч., с. 320—321.
- 38 В. Гордлевский, указ, соч., с. 78.
- 39 В. Гордлевский, Избр. соч., т. 3, М., 1962, с. 21—25.
- 40 А. Ф. Миллер, указ, соч.
- 41 А. Suçeska, Poriyeklo i mjesto ajana u društveno-političkom sistemu turska države,—„Pregled“, Sarajevo, 1960, N. 12, s. 103—104.
- 42 М. Z. Pakalın, Tarih Deyimleri ve Terimleri Sözlüğü, İstanbul, 1946—1953, с. I, madde „Ayan“.
- 43 А. Suçeska, указ, соч., с. 53.
- 44 С. Uluçay, 18. ve 19. yüzyıllarda Saruhanda Eşkiyalık ve Halk Hareketleri, İstanbul, 1955, s. 53.
- 45 Н. Inalcik, The Nature of Traditional Society (Political modernisation in Japan and Turkey), Princeton University Presse, 1964, p. 48.
- 46 М. Z. Pakalın, указ, соч.
- 47 Там же.
- 48 Там же.
- 49 С. Uluçay, указ, соч., с. 2.
- 50 М. Z. Pakalın, указ, соч.
- 51 I. H. Uzunçarşılı, Meşhur Rumeli Ayanlarından Tırsinikli İsmail, Yılık oğlu Süleyman ağalar ve Alemdar Mustafa Paşa, İstanbul, 1942, s. 2.
- 52 М. Z. Pakalın, указ, соч.
- 53 Там же.
- 54 Полный текст указа см.: М. Z. Pakalın, указ, соч.
- 55 Там же.
- 56 Об этом пакте см. в главе II.
- 57 В-ий (К. Васильевский), К аграрным отношениям в Курдистане. Анализ курдского дере-бейлика, «Аграрные проблемы», 1932, кн. 1—2, с. 115—131.
- 58 В. Гордлевский, Избр. соч., т. 3, М., 1962, с. 21.
- 59 М. А. Ubicini, Lettres sur la Turquie, Paris, 1853, p. 5.
- 60 М. С. Мейер, указ, соч., с. 57.
- 61 N. Berkes, Türkiyede Çağdaşlaşma, İstanbul, 1973, s. 506.

- 62 *B. S. Baykal*, Tarih Terimleri Sözlüğü, madde „Derebey“.
- 63 До 1834 г. существовала административная единица «эялет Анадолу», куда входили санджаки Хюдавендигяр, Кастамону, Айдын, Бозок, Сивас и Трабзон.
- 64 *N. Berkes*, указ. соч. с. 506.
- 65 *В. Гордлевский*, Государство сельджукидов Малой Азии, с. 78.
- 66 *D. Avcioglu*, Türklerin Tarihi, с. 1, Istanbul, 1978, s. 100.
- 67 *M. Sencer*, Osmanlı Toplum Yapısı. Devrim Stratejisi Açısından, Istanbul, 1969, 2. basım, 1973, s. 293.
- 68 *C. Uluçay*, указ. соч., 36.
- 69 Там же.
- 70 *M. Sencer*, указ. соч., с. 292—295.
- 71 *Z. Karamürsel*, Osmanlı Mali Tarihi Hakkında Tetkikler, Ankara, 1940, s. 202.
- 72 Türk Ziraat Tarihine Bir Bakış, Istanbul, 1939, s. 68—69.
- 73 *A. Hamit, M. Muhsin*, указ. соч. с. 496.
- 74 „Koçî Bey Risalesi“. s. 38—40.
- 75 *A. Hamit, M. Muhsin*, указ. соч. с. 496.
- 76 *M. A. Ubicini*, Lettres sur la Turquie, p. 288.
- 77 *M. Belin*, Türkiye İktisadi Tarihi Hakkında Tetkikler, Ankara, 1931, s. 172—174.
- 78 *M. Aktepe*, Patrona İsyanı, Istanbul, 1958, s. 3.
- 79 *C. Uluçay*, указ. соч., с. 10.
- 80 *L. P. B. d'Aubignosc*, La Turquie nouvelle jugée au point où l'ont amenées les réformes du Sultan Mahmud, t. 2, Paris, 1839, p. 198.
- 81 *F. E. Balley*, British Policy and the Turkish reform movement. A study in Anglo-Turkish relations 1826—1852, London, 1942, p. 36.
- 82 *M. Belin*, указ. соч., с. 190.
- 83 Там же.
- 84 *M. Aktepe*, указ. соч. с. 4—5.
- 85 *М. П. Вронченко*, Обзорение Малой Азии в нынешнем ее состоянии, СПб., 1838, ч. I, с. 269.
- 86 Походные записки артиллериста в Азии полковника Радожицкого, — «Военный журнал», 1857, январь-февраль, с. 89.
- 87 *К. М. Базили*, Босфор и новые очерки Константинополя, ч. 2. СПб., 1836, с. 76—83.
- 88 *М. П. Вронченко*, указ. соч., ч. I, с. 284.
- 89 *M. Michaud et M. Poujoulat*, Correspondences d'Orient. 1830—1831, Paris, 1833, p. 173—175.

- 90 C. F. Volney, Voyage en Syrie et en Egypte pendant les années 1783, 1784 et 1785, Paris, 1787, p. 367—368.
- 91 C. Tankut, Köylerimiz, Istanbul, 1939, s. 65.
- 92 Յ. Սեբաստացի, Պատմութիւն Աերաստիոյ, Երևան 1974, էջ 103-108.
- 93 Հայ ժողովրդի պատմութիւն, հատ. 5, էջ 83—85.
- 94 Там же, с. 86.
- 95 Христианские общины, проживавшие в районах Тнари и Тхони на турецко-иранской границе.
- 96 Խ. Սրովյան, Երկերի լիակատար ժողովածու, հ. 8, Երևան, 1958, էջ 248.
- 97 И. И. Вешняков, В. И. Вешняков, М. Л. Новиков, Путевые записки во святыи град Иерусалим и в окрестности оногo... в 1804 и 1805 гг., М., 1813, с. 20—21.
- 98 М. П. Вронченко, указ. соч., ч. I, с. 273—275.
- 99 Я. С. Проскуряков, Заметки о Турции, ЗКОИРГО, Тифлис, 1905, кн. XXV, с. 38—39.
- 100 Там же.
- 101 И. И. Голобородько, Старая и новая Турция, М., 1908, с. 221.
- 102 Հայ ժողովրդի պատմութիւն, հ. 5, էջ 96—97; Գ. Իճնիճեան, Աշխարհագրութիւն, Ժ. Ա, էջ 290.
- 103 М. П. Вронченко, указ. соч., ч. I, с. 278—279.
- 104 M. L. Shaw, The Ottoman Empire from 1700 to 1734 as Revealed in the Despatches of the Venetian Balli. Urbana, 1944, p. 64.
- 105 Traian Stolanovich, Pour une modèle du commerce du Levant, -AIESSÉ Bulletin, XVII, 2, Bucarest, 1974, p. 94—95.
- 106 Paul Masson, Histoire du commerce français dans le Levant au XVIII siècle, Paris, 1911, p. 377—378.
- 107 А. Ф. Миллер, указ. соч., с. 41.
- 108 J. von Hammer, Histoire de l'Empire Ottoman, v. XVII, Paris, 1835—1843, p. XLI—XLII.
- 109 М. К. Базили, указ. соч., ч. 2, с. 9—10.
- 110 Там же.
- 111 К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., т. 9, с. 12.
- 112 М. П. Вронченко, указ. соч., ч. 2, с. 287.
- 113 К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 9, с. 12.
- 114 М. П. Вронченко, указ. соч., ч. 2, с. 28.
- 115 А. Ф. Миллер, указ. соч., с. 55.
- 116 Там же, с. 355.
- 117 Там же, с. 356.

ГЛАВА II

- 1 О событиях, предшествовавших провозглашению Махмуда II султаном, см.: *А. Ф. Миллер*, указ. соч., с. 269—321.
- 2 «Султан Махмуд»,—«Вестник Европы», январь и февраль 1830 г. М., с. 161.
- 3 О личности и политических убеждениях султана Махмуда II см. в главе IV, в разделе «Сторонники и противники реформ. Борьба между ними».
- 4 Об истории румелийских аянов и Мехмеда Али-паши см.: *А. Д. Новичев*, История Турции, т. 2, ч. 1 и 2; *А. Ф. Миллер*, указ. соч.; *Н. А. Дулина*, Османская империя в международных отношениях (30—40-е годы XIX в.), М., 1980; *I. H. Uzunçarşılı*, Meşhur Rumeli Ayanlarından..; Ch. Pouthas. Histoire de l'Égypte, Paris, 1948.
- 5 Journal d'un voyage dans la Turquie d'Asie et la Perse, fait en 1807 et 1808, Paris, 1809, p. 23.
- 6 *А. Севдет*, Tarih-i Sevdet, tertib-i Cedid, с. 1, Der-i Saadet, 1891, s. 243.
- 7 İslam Ansiklopedisi, с. 3, cüz 27, s. 540.
- 8 Например, жители деревни Хаджи-кёй платили / древесной и соломой. См. Journal d'un voyage.., p. 10—12.
- 9 Там же.
- 10 Там же.
- 11 *А. Ф. Миллер*, указ. соч., с. 114, 194.
- 12 İslam Ansiklopedisi, с. 3, cüz 11, s. 540.
- 13 *М. А. Убичини*, указ. соч. p. 4—5.
- 14 *С. Улуçау*, указ. соч., с. 3.
- 15 Там же.
- 16 *А. Ф. Миллер*, указ. соч., с. 194.
- 17 О выступлении Тайяра Махмуд-паши против Порты, см.: *А. Ф. Миллер*, указ. соч., с. 109—111.
- 18 İslam Ansiklopedisi, с. 3, s. 540.
- 19 Об Ахмете Джебзаре см.: *Е. Lockroy*, Ahmed le Boucher, Paris, 1898.
- 20 *L. P. V. d'Aubignosc*, указ. соч. с. 128.
- 21 *I. H. Uzunçarşılı*, Meşhur Rumeli Ayanlarından.., s. 6.
- 22 Там же, с. 3.
- 23 *Дж. Джалил*, Курды Османской империи в первой половине XIX века, М., 1967, с. 49.
- 24 Из румелийских феодалов на зов Порты откликнулся один Исманл-паша Серезли.

- 25 Среди приглашенных, но не явившихся был вали Коньи, один из убежденных сторонников реформ Селима III Кадри Абдурахман-паша.
- 26 *A. Cevdet, Tarih-i Cevdet*, с. 9, с. 3.
- 27 Там же, с. 4. «Сенед-и иттифак» подписали Караосман-оглу, мугасаррыф Чирмена, Джеббар-заде Сулейман-бей и Исмаил-паша Серезли.
- 28 Полный текст «Сенед-и иттифак» см.: *A. Cevdet*, указ. соч., с. 278—283.
- 29 *A. Cevdet*, указ. соч., с. 280.
- 30 От слова «оджак». Так назывались войсковые соединения янычар. В официальных документах часто вместо слова «янычары» употребляли термин «оджаклы».
- 31 Слово «беззаконное» здесь употреблено неспроста. Взятничество в Османской империи в то время не считалось преступлением. Одно время при дворе даже существовала канцелярия по взяткам.
- 32 Мехмед Саид Халет-эфенди (1761—1823)—сын Кадри Хусейна-эфенди из Крыма, крупный государственный деятель и дипломат. При Селиме III возглавлял турецкое посольство во Франции (1802—1807 гг.). При султанине Мустафе IV занимал должность реиса-эфенди, но был смещен и сослан в Анатолию. В 1810 г. был возвращен в столицу и стал фаворитом Махмуда II. При активном вмешательстве Халета-эфенди были смещены с поста садразама Мехмед Эмин Рауф-паша (1814—1817), Али-паша Бендерли (1820) и Хаджи Салих-паша (1820—1822). После смещения Салих-паша имел долгую беседу с султаном и доказал ему, что деятельность Халета-эфенди наносит государству большой ущерб. В том же году (1823) Халет-эфенди по приказу султана был сослан в Конью, а через некоторое время—задушен. О нем см.: *R. Kaynar, Mustafa Reşit Paşa ve Tanzimat*, с. 23—28, 190; *I. H. Danişmend, Osmanlı Tarihi Kronolojisi*, с. IV, Istanbul, 1961, с. 102—103, 106—107.
- 33 От арабского слова «мютегалиб»—победитель. В османском языке это слово приобрело значение «деспот, узурпатор».
- 34 *A. Şeref, Tarih-i Devlet-i Osmaniye*, с. 2, Istanbul, 1897, с. 23.
- 35 Правитель Багдада Хасан-паша, получивший известность в войне против Ирана (при Дамаде Ибрагим-паше), и его сын Ахмед-паша основали в Багдаде институт «кёлеменов» (от слова «кёле»—раб), личную гвардию, состоявшую, как и янычары и египетские мамлюки, из детей христиан. В дальнейшем власть

в Багдаде полностью прибрали к рукам высшие сановники, выходцы из кёлеменов. В 1810 г. Порта направила Халета-эфенди в качестве мухассыла (сборщика налогов) в Ирак, поручив ему собрать дань, причитающуюся с этого пашалыка (примерно 2000 кесе в год). Тогдашний правитель Багдада Сулейман-паша отказался уплатить требуемую сумму. Тогда Халет-эфенди, обеспечив себе поддержку эмира Бабана и вали Муша, напал на Багдад и, казнив Сулеймана-пашу, назначил правителем города другого представителя кёлеменов—Абдуллахагу. После его отъезда тот был низложен бывшим рабом Сулейман-паши Давут-пашой. Тем не менее, заслуги Халета-эфенди были высоко оценены султаном. См.: R. Каунар, указ. соч., с. 23.

- 36 Р. Кайнар утверждает, что под видом борьбы против дербеев Халет-эфенди отвлекал внимание султана от проблемы янычар и его жертвами становились не только провинившиеся перед правительством феодалы, но и те, кто вел себя вполне послушно, но не имел достаточной силы, чтобы оказывать сопротивление правительственным войскам. См.: R. Каунар, указ. соч. с. 23
- 37 *A. Şanizade, Şanizade Tarihi*, с. 2, Istanbul, 1872, s. 131—134.
- 38 Там же.
- 39 Там же, с. 133.
- 40 Там же; *A. Cevdet*, указ. соч. т. 10, с. 88.
- 41 Там же, с. 89.
- 42 *C. Ulucay*, указ. соч. с. 19
- 43 *A. Cevdet*, указ. соч., т. 10, с. 196.
- 44 Там же.
- 45 *A. Şanizade, Şanizade Tarihi*, т. 2. с. 296.
- 46 Пехливан-паша (1760—1820)—польский ренегат, один из атаманов кирджалиев, по прозвищу Баба-ага; позже, с присвоением звания мирмирана, получил прозвище Баба-паша. В русско-турецкой войне 1806—1812 гг. был начальником гарнизона Изманла, в 1810 г. попал в плен к русским. После заключения мира был возвращен в Турцию и назначен на пост вали Чылдыра.
- 47 Хазнедар-оглу Сулейман-паша был одним из сторонников Тайяра Махмуда. После побега последнего в Россию был назначен правительством мухассылом Джаника.
- 48 *A. Şanizade, Şanizade Tarihi*, т. 2, с. 296.
- 49 Там же, с. 296—298.
- 50 Там же, с. 297.
- 51 *A. Cevdet*, указ. соч. т. 11, с. 22.

- 52 Там же, с. 11.
- 53 А. Sanizade, указ. соч., с. 304.
- 54 Там же, с. 340.
- 55 Там же.
- 56 Там же. См. также: А. Cevdet, указ. соч., т. 10, с. 218.
- 57 Там же, с. 208—220.
- 58 Там же, т. 11, с. 20.
- 59 А. Sanizade, указ. соч., т. 3, с. 5.
- 60 А. Cevdet, указ. соч., т. 11, с. 21.
- 61 По прибытии к месту назначения правители санджаков и эя-летов, получившие свою должность, как правило, благодаря откупной системе, подражая султану и его вельможам, строили дворцы, окружали себя многочисленной свитой, создавали нечто наподобие совета, куда входили два советника и два бостанджи, формировали вооруженный отряд для несения полицейской службы. Факт существования совета должен был указывать на справедливость принимаемых правителем решений, хотя на самом деле его члены действовали исключительно по указанию санджакбеев и бейлербеев. См.: L. P. B. d'Aubignose, указ. соч., с. 110.
- 62 А. Cevdet, указ. соч., т. 11, с. 22.
- 63 Там же.
- 64 А. Şeref, указ. соч., с. 287.
- 65 *Şah Şehinşah'ın şimşirleri 5. 5, 52 62.*
- 66 «Султан Махмуд и министры его»,—«Сын Отечества», т. 3, ч. 5, СПб., 1838, с. 97.
- 67 М. А. Ubicini, *Letters sur la Turquie*, Paris, 1853, p. 5.
- 68 О турецко-египетском конфликте 1831—1841 гг. см.: А. Д. Новичев, указ. соч.; Н. А. Дулина, указ. соч.
- 69 Е. Z. Karal, *Osmanlı Tarihi*, с. 5, Ankara, 1962, s. 157.
- 70 О личности Казы-кырапа в источниках никаких сведений нет. Свое прозвище он, вероятно, получил за жестокое обращение с кадиями, или казы (дословно «казы-кырап»—бич кадиев).
- 71 А. Lütflî, *Tarih-i Lütflî*, с. 4, Der-i Saadet, 1862, s. 109.
- 72 I. H. Uzunçarşılı, *Kastamonuda Tahmîsçi oğlu vakası-Tarih Semineri Dergisi. Metinler ve vesikalar*, İstanbul, 1937, s. 140.
- 73 Там же, с. 140—141.
- 74 Там же.
- 75 Там же, с. 150.
- 76 Д. Г. Розен, *История Турции от победы реформы в 1826 г. до Парижского трактата 1856 г.*, ч. 1, СПб., 1872, с. 234.

- 77 *B. Nikitine*, *Les Kurdes. Etude historique et sociologique*, Paris, 1956, p. 185.
- 78 Հայ ժողովրդի պատմութիւն, հ. 5. Երևան, 1974, էջ 64.
- 79 *B. Nikitine*, указ. соч., с. 185.
- 80 Там же, с. 186.
- 81 *А. Карцов*, *Заметки о курдах*, Тифлис, 1896, с. 15. Согласно Карцову, турки, покорив Карсскую и Эриванскую области, переселили туда часть курдов как противовес шиитам в долине Аракса.
- 82 *В. Ф. Минорский*, *Курды. Заметки и впечатления*, Пг., 1915, с. 8.
- 83 *St. D. de Luchereau*, *Histoire de l'Empire Ottoman*, v. 1, p. 214
- 84 *B. Nikitine*, указ. соч., с. 74.
- 85 *В-ий (К. Васильевский)*, К аграрным отношениям в Курдистане, Анализ курдского дере-бейлика, «Аграрные проблемы», М., 1932, кн. 1—2, с. 115—131.
- 86 *B. Nikitine*, указ. соч., с. 74.
- 87 Там же, с. 141.
- 88 Անդրանիկ, Տերսիմ. Ճանապարհորդութիւն և տեղագրութիւն, Քիֆլիս, 1901, էջ 50—51:
- 89 *В-ий (К. Васильевский)*, указ. соч., с. 118.
- 90 К категории феодалов Битлиса относился автор знаменитого «Шерефнаме» Шереф-хан Битлиси.
- 91 *B. Nikitine*, указ. соч., с. 186.
- 92 Կ. Յ. Բասմաջյանի Հայկական ընդհանուր դրամագիտութիւն, Վեներիկ, 1936, էջ 119.
- 93 *B. Nikitine*, указ. соч., с. 187.
- 94 Там же, с. 191—192.
- 95 Решение о смещении Решида-паши с поста садразама было принято после поражения турецкой армии под Кютахьей, где тот попал в плен. После заключения Кютахийского мира Ибрагим-паша его освободил.
- 96 В это время происходило восстание арабов в Хиджазе.
- 97 *A. Lütfi*, указ. соч. т. 4, с. 78—79.
- 98 *Д. Г. Розен*, указ. соч., с. 234.
- 99 Հայ ժողովրդի պատմութիւն. հ. 5, էջ 275.
- 100 *Д. Г. Розен*, указ. соч., с. 16.
- 101 Там же.
- 102 Հայ ժողովրդի պատմութիւն, հ. 5, էջ 275.
- 103 *B. Nikitine*, указ. соч., с. 187.

- 104 Անդրանիկ, հշվ. աշխ., էջ 53.
- 105 *H. von Moltke*. Türkiyedeki Durum ve olaylar üzerine mektuplar, (1835—1839), Ankara. 1960, s. 277—279.
- 106 Հայ ժողովրդի պատմութիւն. հ. 5. էջ. 277.
- 107 Ն. Եանկազեանի Քիւրդո-հայ պատմութիւն, Կ. Պոլիս, 1911, էջ 64.
- 108 *B. Nikitine*, указ. соч., с. 193.
- 109 В 1839 г. в Стамбуле был провозглашен султанский рескрипт, так называемый «Танзиматский хатт-ы шериф», который предусматривал проведение ряда реформ.
- 110 *Lütfi*, Emir Bedir Han, Istanbul (без даты), s. 16.
- 111 Там же, с. 12—15.
- 112 *B. Nikitine*, указ. соч., с. 193.
- 113 Ա. Ալպոյանեան, Պատմական Հայաստանի սահմանները, Գահիրէ, 1950, էջ 451
- 114 Об этом меджлисе см. раздел: «Продолжение военной реформы. Административные и другие реформы».
- 115 Описываемые события произошли уже после провозглашения Танзимата. Хотя этот период выходит за рамки настоящего исследования, все же мы сочли необходимым изложить эти события, чтобы довести до конца борьбу Порты за централизацию административного управления в Анатолии. Согласно Березину, в провинциях Танзимат послужил лишь на потеху нашим, которые толковали его по-своему и пользовались им как верным орудием, когда хотели оставлять безнаказанным какое-нибудь преступление. «Так повелевает Танзимат,—говорили они». См.: *И. Н. Березин*, Современная Турция,—«Отечественные записки», т. 104, СПб., 1856, № 2, с. 31.
- 116 *A. Lütfi*, указ. соч., т. 8, с. 474.
- 117 *A. Карцов*, указ. соч., с. 16.
- 118 Там же. Дж. Джалил утверждает, якобы вся ответственность за резню айсоров лежит на английском империализме, который призывал айсоров не подчиняться курдам. Такой подход смягчает вину курдских феодалов, которые в своих корыстных интересах почти полностью истребили христианское население указанных округов.
- 119 *A. Lütfi*, указ. соч., т. 8, с. 476.
- 120 *A. Карцов*, указ. соч., с. 16.
- 121 *A. Lütfi*, указ. соч. т. 8, с. 475.
- 122 *П. И. Аверьянов*, Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия, Тифлис, 1900, с. 82.
- 123 О Бедирхан-беке подробнее см.: *Lütfi*, Emir Bedir Han; *A. Lütfi*, там же, т. 8, с. 474—507.

ГЛАВА III

- 1 *F. Pouqueville*, Histoire de la regeneration de la Grece, Paris, 1824.
- 2 Там же, а также: *В. Н. Шеремет*, Турция и Адрианопольский мир 1829 г., М., 1975, с. 9.
- 3 *М. Esad*, „Uss-ü zafer“, Der Saadet (без даты), с. 34.
- 4 *М. А. Ubicini*, Lettres sur la Turquie, р. 250—251.
- 5 *А. Cevdet*, указ. соч., т. II, с. 166; *М. Esad*, указ. соч., с. 34; *М. А. Ubicini*, указ. соч., с. 43.
- 6 *Н. Berkes*, Türkiyeде Çağdaşlaşma, Ankara, 1973, s. 206.
- 7 Выпускниками этого Бюро являлись также известные деятели периода Танзимата, как Али-паша и Фуат-паша, Ахмет Вефик, Намык, Эмин Муклис, Нуреддин-бей, ученый-философ Тахир Мюниб и др. *М. Esad*, указ. соч., с. 34.
- 8 О культурных мероприятиях Порты см.: *А. Д. Желтяков, Ю. А. Петросян*, История просвещения в Турции (конец XVIII—начало XX в.), М., 1965.
- 9 Полный текст упомянутого хатт-ы шерифа см.: *А. Cevdet*, указ. соч. т. 12, с. 277—279.
- 10 *Н. Berkes*, указ. соч. с. 159.
- 11 *А. Hamit, М. Muhsin*, Türkiye Tarihi, Istanbul, 1924, s. 476.
- 12 Там же.
- 13 Там же, с. 481.
- 14 *І. Н. Uzunçarşılı*, Osman'î Devlet Teşkilatında Kapıkulu ocakları, с. 1—2, Ankara, 1943.
- 15 Убичини утверждает, что численность янычар в 1776 г. составляла 113 тыс. 400 человек, и они получали от 7 до 39 акче-жалованья в день.
- 16 *Л. Р. В. d'Aubignosc*, указ. соч., с. 53, 58.
- 17 *Г. А. Клейнман*, Кризис военной системы феодальной Турции. К истории уничтожения янычарского корпуса.—Автореф. канд. дис., М., 1949, с. 8.
- 18 Там же, с. 11.
- 19 *Л. Р. В. d'Aubignosc*, указ. соч., с. 58.
- 20 *Р. Kaynar*, Mustafa Reşit Paşa ve Tanzimat, Istanbul, 1954, s. 51.
- 21 *А. Hamit, М. Muhsin*, указ. соч., с. 429.

- 22 Там же, с. 430.
- 23 Там же.
- 24 *F. E. Bailey*, *British Policy and the Ottoman reform movement*, London, 1942, p. 34.
- 25 *A. Hamit, M. Muhsin*, указ. соч., с. 430—432.
- 26 Там же.
- 27 В середине 30-х гг., когда был создан Карантинный отдел, Деде-ага был назначен его заведующим. В связи с этим он получил титул паши и изменил свое имя, став Хыфзы-пашой.
- 28 *M. Nuri*, *Netaic-ul vukuat*, с. 4, *Der Saadet*, 1327, s. 77.
- 29 «Записки графа Александра Ивановича Рибоьера»,—Русский архив, М., 1877, кн. 2, с. 32.
- 30 О ликвидации корпуса янычар см. также: *А. Д. Новичев*, *История Турции*, т. 2, ч. 1, с. 134—150; *А. Cevdet*, указ. соч., с. 12; *E. Z. Karal*, *Osmanlı Tarihi*, с. 5, s. 430—432.
- 31 *M. A. Ubicini*, указ. соч., с. 418.
- 32 *E. Engelhardt*, *Türkiye ve Tanzimat*, Istanbul. 1329, s. 123.
- 33 *А. Ф. Миллер*, указ. соч., с. 45.
- 34 *M. A. Ubicini*, указ. соч., с. 272.
- 35 Там же.
- 36 *Engelhardt*, указ. соч. с. 75.
- 37 *Д. Г. Розен*, указ. соч., с. 18.
- 38 *M. A. Ubicini*, указ. соч., с. 272.
- 39 *L. P. V. d'Aubignosc*, указ. соч., с. 48.
- 40 Здесь речь идет не о тимарнотах и занмах, а о кавалерии, существовавшей при дворе, которая, впрочем, тоже называлась сипахийской конницей.
- 41 *M. A. Ubicini*, указ. соч., с. 418.
- 42 «Султан Махмуд и министры его», с. 82.
- 43 Полный текст этого устава в русском переводе хранится в ЦГВИА, ф. 450, д. 11.
- 44 *A. Cevdet*, *Tarih-i Cevdet*, с. 12, s. 271—274. В военном уставе командный состав показан в следующей последовательности: миралай (полковник), каймакам (наместник миралая), бинбаши (майор), алай эмиши (священник полка), ага правого и левого крыльев, хазнедар (казначей), юзбаши (капитан), башчавуш (ст. сержант), чавуш (сержант), таким чавушу (командир взвода) и онбаши (десятник). См.: ЦГВИА, ф. 450, д. 11. «Военный устав султана Махмуда».

- 45 *A. Hamit, M. Muhsin*, указ. соч., с. 432.
- 46 *E. Z. Karal, Osmanlı Tarihi*, с. v. s. 150.
- 47 *H. von Moltke, Türkiyedeki Durum ve Olaylar Üzerine Mektuplar*, Ankara, 1960, s. 220—221.
- 48 *Mustafa Nuri*, „Netaic-ul vukuat“, s. 109.
- 49 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 996, ч. 1, л. 81; д. 4470, л. 72—74.
- 50 *N. Berkes, Türkiyede Çağdaşlaşma*, s. 171.
- 51 *Mustafa Nuri*, указ. соч., с. 109. Хюсрев-паша был одним из видных государственных деятелей периода правления Махмуда II и Танзимата; готовил офицеров и государственных чиновников из числа своих рабов. О нем см.: *H. Inalcik, Hüsrev Paşa* *Islam Ansiklopedisi*.
- 52 *N. Berkes*, указ. соч., с. 168—169.
- 53 Там же, с. 151.
- 54 Там же, с. 143.
- 55 Обряд опоясывания Махмуда II был произведен шейхом из ордена Мевлеви. Многие государственные деятели его эпохи также принадлежали к этому ордену.
- 56 *A. Cevdet* указ. соч. т. 12, с. 212.
- 57 Там же.
- 58 Согласно шариату, личность и имущество служителей культа были неприкосновенными. Сами они не подлежали смертной казни, а их имущество—конфискации. Казнь дервишей из ордена Бекташи стала исключением из этого правила.
- 59 *D. G. Розен*, указ. соч., с. 20. Согласно другому источнику, число сосланных дервишей составляло около 20 тыс. чел., см.: *A. de Lamartine, Histoire de la Turquie* t. 8, Paris, 1855, p. 378.
- 60 Там же, с. 144.
- 61 «Мюхендисхане»—военно-инженерная школа, основанная в первой половине XVIII в. В конце века здесь преподавали военную историю, топографию, тригонометрию, астрономию, высшую математику и другие предметы. Несмотря на свое название (военно-инженерная), эта школа готовила только военные кадры. См.: *M. Esad, Mühendishane*, s. 46—47, 51—58.
- 62 İÜFTD, sayı 11, s. 89—96
- 63 Там же.
- 64 *E. Z. Karal, Osmanlı Tarihi*, с. V, s. 35.
- 65 Там же.
- 66 *Z. Polar. Osmanlı İmparatorlugunun Çöküş Sebepleri*, s. 16.
- 67 Это деление условно потому, что чиновники административного управления одновременно являлись военачальниками своих областей, иногда даже носили духовный сан кадия.

- 68 А. Hamit, М. Muhsin, указ. соч., с. 465.
- 69 Д. Г. Розен, указ. соч., с. 23.
- 70 Кечеджизаде Иззет молла—известный турецкий ученый и поэт. В годы русско-турецкой войны 1806—1812 гг. он выступал за мир с Россией и был за это сослан. В первый период правления Махмуда II был приближенным фаворита султана Халета-эфенди. После казни последнего в 1823 г. снова был сослан и вернулся в столицу лишь в начале 1826 г.; в феврале того же года был назначен хранителем священных городов. За составление записки, где он выступал за предоставление Греции автономии и за заключение мира с Россией, в начале 1829 г. был сослан в Сивас, где был умерщвлен по приказу султана.
- 71 Н. Veldet, Kanunlaştırma Hareketleri ve Tanzimat, s. 170.
- 72 Там же, с. 169—170.
- 73 R. Kaynar, указ., соч., с. 101.
- 74 Engelhardt, указ. соч., с. 17.
- 75 «Изображение ныне царствующего турецкого султана Махмуда II»,—«Дух журналов», СПб., 1818. кн. 35—38, с. 166.

ГЛАВА IV

- 1 За помощь, оказанную Порте против греческих повстанцев в середине 20-х гг., султан обещал Мехмеду Али уступить остров Крит и Сирию. После провозглашения независимости Греции египетские войска оккупировали Крит, затем Мехмед Али потребовал от султана должность правителя Сирии. На этой почве возник конфликт, который известен в истории как турецко-египетский конфликт 1831—1841 гг.
- 2 Секретариат при Диване, сотрудники которого занимались составлением политических и дипломатических актов и вели протоколы на заседаниях.
- 3 «Султан Махмуд и министры его», с. 94.
- 4 A. S. Slade, Turkey and the Crimean War, London, 1867, p. 16.
- 5 Там же.
- 6 R. Kaynar, Mustafa Reşit Paşa ve Tanzimat, s. 82.
- 7 Точная дата рождения Мустафы Решит-паши не известна. Исследования сходятся в том, что он, очевидно, родился в 1798 г.
- 8 С. Baysun, Tanzimat, I., İstanbul, 1940, s. 723—724.
- 9 Salahaddin, Bir Türk Diplomatının Evrak-ı siyasiyesi, İstanbul, 1306, s. 11.

- 10 *C. Baysun*, указ. соч., с. 724.
- 11 *Salahaddin*, указ. соч., с. 13.
- 12 Хотя восстание в Греции не удалось подавить, все же за помощь в подавлении восстания Мехмед Али присоединил к своим владениям Крит.
- 13 «Султан Махмуд»,—«Вестник Европы», январь-февраль 1830 г., М., с. 153—161; «Султан Махмуд и Министры его», там же, с. 71.
- 14 *E. Engelhardt*, указ. соч., с. 17.
- 15 *L. P. B. d'Aubignosc*, указ. соч., с. 48.
- 16 *M. A. Ubicini*, указ. соч., с. 273.
- 17 ЦГАДА, разряд XV, д. 301, ч. 2, л. 21.
- 18 *R. Kaynar*, указ. соч., с. 31—33.
- 19 Там же; *A. Lütfi*, *Tarih-i Lütfi*, с. 5. *Der-i Saadet*, 1862, s. 99.
- 20 *Salahaddin*, указ. соч., с. 14.
- 21 *R. Kaynar*, указ. соч., с. 61.
- 22 *Salahaddin*, указ. соч., с. 18—19.
- 23 *C. Baysun*, указ. соч., с. 724.
- 24 Там же, с. 728.
- 25 *Salahaddin*, указ. соч., 18—19.
- 26 *A. Lütfi*, указ. соч., т. 8, с. 390; Подробнее об этом периоде деятельности Мустафы Решит-паша см.: *Н. А. Дулина*, указ. соч.
- 27 Там же; *R. Kaynar*, указ. соч., с. 111.
- 28 „*Takvim-i veka*“, п. 213, 20 sevval, 1256.
- 29 ЦГВИА, ф. 450, д. 7, л. 88—89.
- 30 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4720, л. 28—35; д. 4470, л. 1—2 об. «Записка о числе войск в Турецкой империи». Послана Дибичем Витгенштейну 28 июня 1828 г.
- 31 ЦГВИА, ф. 450, д. 20, л. 16.
- 32 Там же.
- 33 *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 11, с. 487.
- 34 Там же.
- 35 *E. Z. Karal*, *Osmanlı Tarihi*, с. v, s. 155.
- 36 *E. Z. Karal*, *Osmanlı İmparatorluğunda ilk Nüfus sayımı, 1831. Başvekalet İstanbul Um. Müd., Ankara, 1943; Belleten, N. 60, 1951, s. 617—628.*
- 37 *Ե. Խարանխյան, Հայոց թիվը, Պոստոն, 1965.*
- 38 *M. A. Ubicini*, указ. соч., с. 21.
- 39 Там же, с. 21—22.

- 10 Подробно о зарождении газетного дела в Османской империи см.: А. Д. Желтяков, Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции, М., 1972, с. 56—67.
- 41 Там же, а также: S. Nüzhet, Türk Gazeteciliği, İstanbul, 1931.
- 42 К. Akyüz, La littérature moderne de Turquie.—Philologie turcicae fundamenta, t. 2, Wiesbaden, 1964.
- 43 М. А. Ubicini, указ. соч., с. 260—261.
- 44 А. Д. Желтяков, указ. соч., с. 58—59.
- 45 Н. Р. Ertug. Basın ve Yayın Hareketleri Tarihi, İstanbul, 1949, s. 142—147.
- 46 Е. Z. Karal, Osmanlı Tarihi, с. 5, s. 157. Издавна гонцов, доставлявших письма, называли татарами. После учреждения почтовой службы курьеров по старинке продолжали называть татарами.
- 47 А. Е. Yalman, Türk Basın Tarihinin başlangıç devrine bir bakış, s. 1.
- 48 М. А. Ubicini, указ. соч., с. 283—285. Тут же приведена таблица, где указаны начальные и конечные пункты почтовых линий.
- 49 Е. Z. Karal, Osmanlı Tarihi, с. 5, s. 157.
- 50 Е. К. Саркисян, Административная и демографическая политика Османского правительства в Западной Армении,—«Страны и народы Ближнего и Среднего Востока», т. V, Турция, Ереван, 1970, с. 357.
- 51 М. А. Ubicini, указ. соч., с. 44—45.
- 52 Ayni Ali efendi, Kapıkkame-i All Osman, s. 4.
- 53 Там же, с. 4—8.
- 54 А. С. Тверитинова, Второй трактет Кочибя,—Уч. зап. ИВ АН СССР, т. 6, с. 240—241.
- 55 А. С. Тверитинова, Аграрный строй Османской империи в XV—XVII вв. Документы и материалы, М., 1963, с. 13—15.
- 56 М. А. Ubicini, указ. соч., с. 44.
- 57 Там же, а также: С. Ф. Орешкова. Некоторые вопросы эволюции феодального землевладения в Османской империи (вторая половина XVII—XVIII вв.).—«Проблемы новой и новейшей истории стран Запада и Востока», М., 1975, с. 122.
- 58 Убичини и П. де Куртейль, Современное состояние Османской империи, СПб., 1877, с. 79.
- 59 М. А. Ubicini, указ. соч., с. 17.
- 60 Там же.
- 61 М. П. Вронченко, указ. соч., с. 249—250.

62 Там же.

63 М. Nuri. „Netaic-ul vukuat“, с. 4, Der Saadet, 327, s. 114.

64 М. П. Вронченко, указ. соч.

65 Ա. Աղբրաւորեան, Պատմութիւն ականաւոր թաղաքին Սեբաստիոյ և ասմանաց նորա կամ արքեպիսկոպոսութիւն նորին, Վենետիկ, 1911, էջ 220.

66 М. Nuri указ. соч., с. 110—111.

67 Нами использован русский перевод указа, помещенный в журнале «Московский наблюдатель» (1835, ч. 1, с. 480—487), под заглавием: «Обозрение важнейших государственных перемен, произведенных в Турции ныне царствующим султаном Махмудом».

68 Там же, с. 481—484.

69 Там же, с. 487.

70 Там же, с. 488.

71 R. Kaunar, указ соч., с. 107.

72 Там же, с. 109.

73 Там же, с. 107.

74 Энвер-эфенди был одним из составителей известных ляйих о преобразованиях при Селиме III. Он вместе с Зюхтю-беем входил в число секретарей «Амеди одасы». Позже, при создании Высшего юридического совета, оба они вошли в состав этого совета.

75 Нафиз-паша принадлежал к числу поклонников Акифа-паши и отличался крайне реакционными взглядами. После провозглашения Танзимата был обвинен в коррупции и удален с поста министра финансов и назначен вали Эдирне. Однако он продолжал злоупотреблять своей властью и на этой должности, поэтому был отозван и сослан в Кютахью. См.: R. S. Suvla Tanzimat, 1, с. 268.

76 E. Z. Karal. Osmanlı Tarihi, с. 5, s. 152 Мехмед Эми Рауф-паша был человеком слабовольным, сочувствовал сторонникам реформ, но действительной помощи им не оказал. До провозглашения Танзимата он занимал пост садразама дважды—в 1814—1817 и 1823—1839 гг. После смерти Махмуда II бывший сераскер Хюсрев-паша насильно сместил его и сам занял пост садразама.

77 В 1828—1829 гг. Нури-эфенди был «бейликчи киседары» и вместе с Решит-беем побывал в лагере русской армии для ведения мирных переговоров. В июне 1834 г., когда Решит-бей был назначен турецким послом в Париже, он взял с собой

в качестве секретаря своего шурина Нури-эфенди, который позже занимал должность турецкого посла в Лондоне, а затем в Париже. После назначения Решит-бея министром иностранных дел он занял пост советника МИД и в 1838 г. участвовал в составлении и подписании англо-турецкого торгового договора.

78 *L. P. B. d'Aubignosc*, указ. соч., с. 24.

79 Там же р. 25; *R. Kaunar*, указ. соч., с. 99.

80 *L. P. B. d'Aubignosc* указ. соч., с. 23—24.

81 Там же, с. 25.

82 *E. Z. Karal. Osmanlı Tarihi*, с. 5, s. 153

83 *R. Kaunar*, указ. соч., с. 102—103; *A. Lütfl. Tarih-i Lütfl*, с. 5, s. 106.

Фетхи-паша был турецким послом в Париже, принимал активное участие в создании упомянутых меджлисов и сам был избран членом Высшего юридического совета. В первые годы Танзимата стал министром торговли, но в 1841 г. был смещен с этой должности.

84 *R. Kaunar*, указ. соч., с. 198.

85 «Летопись событий. Турция»,—«Сын Отечества», т. 3, ч. V, СПб., 1838, с. 23.

86 *R. Kaunar* указ. соч., с. 199—200.

87 Там же, с. 104—106.

88 *R. Kaunar*, указ. соч., с. 223.

89 „Takvim-i veka!“, п. 214.

90 *R. Kaunar*, указ. соч., с. 116.

91 *E. Z. Karal. Osmanlı Tarihi*, с. 5.

92 *R. Kaunar*, указ. соч., с. 119.

93 Представители духовенства, выполнявшие обязанности судьи до создания светских судов.

94 *R. Kaunar* указ. соч., с. 119.

95 Хюсрев-паша утверждал, что часть взятки предназначалась для Мустафы Решит-паши и Фетхи-паши.

96 *R. Kaunar*, указ. соч., с. 119.

97 Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1 *K. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. 21, с. 408.

2 Там же, т. 9, с. 374.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Аба—накидка из грубого шерстяного сукна.

Авариз-акчеси—чрезвычайные налоги, взимавшиеся с населения (первоначально) в военное время. С конца XVI в. многие из этих налогов стали постоянными и взимались ежегодно.

Ага—господин, хозяин; титул, добавлявшийся к собственному имени; во второй половине XIX—XX вв. относился к феодалам-помещикам.

Акче—турецкая серебряная монета, основная денежная единица в Османской империи до XIX в.

Амеди—канцелярия при Порте, с середины XVII в. чиновники которой занимались составлением официальных документов, вели дипломатическую переписку, а также протоколы на заседаниях Дивана. В 1837 г., в связи с созданием министерств иностранных и внутренних дел, эта канцелярия была упразднена, а ее служащие были распределены в министерствах.

Амедчилик-одасы—см. амеди.

Ашар—десятинный налог, взимавшийся с урожая. В разных областях империи он колебался в пределах 10—50% урожая.

Аширет—туркменские и курдские племена, ведущие кочевой или полукочевой образ жизни. В аширетах, как правило, господствовали родо-племенные отношения, и их члены признавали власть только своих вождей.

Аян—новое сословие феодального класса, образовавшееся в Османской империи во второй половине XVII—XVIII вв.

Баб-ы али—турецкое название канцелярии великого везира («Высокая Порта» или просто «Порта», выполнявшая функции правительства Османской империи).

Баш-дефтердар—управляющий финансового ведомства, главный казначей Османской империи до 1837 г. После создания министерства финансов стал выполнять функции министра финансов.

Бей—см. ага, а также правитель, глава и т. д. В современной Турции—обращение типа господин, месье.

- Бейлербей—правитель крупного административного дестанья—эялета (например, бейлербей Анатолу и Румели). После создания вилайетов эта должность была упразднена, но правителей областей—вали—кое-где продолжали называть бейлербеями.
- Бейлик—княжество. С усилением централизованной государственной власти все бейлики потеряли свою независимость и превратились либо в вассалов Порты, либо получили статус санджаков.
- Бейликчи—заведующий канцелярией бейликчи калеми, которая вела учет решений Порты и оформляла исходящие от султана документы.
- Бекташи—религиозный орден, распространившийся в Османской империи в середине века. В конце XVIII в. шейхи ордена пользовались большой популярностью среди янычар, дербеев и аянов, поощряли антиправительственные выступления и покровительствовали их организаторам.
- Берат—грамота, жалованная султаном и, в некоторых случаях, великим везиром.
- Буйрулду—грамота, дающая право занимать какую-нибудь должность.
- Вақф, или вакуф—пятая часть завоеванных земель и другого имущества, дарованная султаном на религиозные и благотворительные цели. В дальнейшем статус вакуфа получили также земли и имущество состоятельных граждан, пожертвованные на религиозные и благотворительные цели при условии, что часть доходов с них идет жертвователю и его наследникам.
- Вали—правитель вилайета, губернатор.
- Везир—высокопоставленный государственный сановник, член Порты.
- Веканшювис—официальный придворный историограф, находившийся на службе у правительства.
- Векиль—заместитель, полномочный представитель. В республиканской Турции члены правительства (министры) до 50-х гг. назывались векилами.
- Великий везир—глава Порты, абсолютный заместитель султана, олицетворявший исполнительную власть в стране и являвшийся одновременно главнокомандующим Османской армии. В 1837 г., в связи с созданием министерств, великий везир формально стал именоваться премьер-министром (баш-векиль).
- Вилайет—провинция, область, основная административная единица в Османской империи после введения в 1834 г. нового административного деления.

- Войвода, или воевода—заместитель правителя вилайета по военной части, ведавший также вопросами управления населением несвободных ленов и хассов.
- Гюльханейский хатт-ы шериф—султанский хатт, изданный 3 ноября 1839 г. перед султанским дворцом в парке Гюльхане и ознаменовавший начало реформ периода Танзимата.
- Дамат—зять. Этот титул носили зятья султана.
- Дарбхане—монетный двор.
- Деребей—представитель наследственного феодального рода, пользовавшийся политической и экономической самостоятельностью.
- Дефтер—журнал для записей, кадастр, реестр.
- Дефтердар—казначей, работник финансового ведомства.
- Джахил—человек, незнакомый с основными догмами и правилами Корана. В совр. Турции—неграмотный.
- Джебели—всадник, облаченный в кольчугу. Так назывались войны феодальной кавалерии, комплектовавшейся владельцами тимаров и зеаметов.
- Джизье, или джизие—подушный налог с немусульман.
- Диван—совет, верховный совет. В Османской империи существовали два дивана—султанский совет—диван-ы хумаюн, канцелярия великого везира—баб-ы али. В 1837 г. вновь созданный совет министров по-прежнему именовался диваном.
- Ильтизам—откупная система сбора налогов. Впервые стала практиковаться во второй половине XVI в., когда часть государственных земель в качестве годичных откупов была предоставлена частным лицам за определенную сумму.
- Кадий—представитель духовенства, выполнявший в округах функции судьи до создания светских судов.
- Каза—административно-территориальная единица, входившая в состав санджака.
- Казаскер—высший духовный сан, следующий сразу после шейх-уль-ислама и выполнявший функции войскового судьи. В Османской империи было два казаскера—румелийский и азиатский.
- Каймакам-паша—заместитель великого везира.
- Каптан-ы дерья, или капудан-паша—адмирал турецкого флота.
- Кесе—денежная единица, равная 500 курушам.
- Кетхуда—в середине века—управляющий города. В конце XVIII в. эта должность временно была восстановлена, но через некоторое время вновь упразднена.
- Кѣлсмен—личная гвардия, созданная правителями Багдада в конце XVIII в. из числа рабов—христиан. В дальнейшем некото-

- рые кѣлемены продвинулись по службе и прибрали к рукам должность правителя Багдада.
- Кѣшк—небольшой дворец, особняк, летние резиденции турецких султанов и государственных сановников.
- Куруш—серебряная монета, равная 40 пара.
- Кылыч хаккы—право на держание тимара или зеамета. Так назывались первые 5000 акче, взимавшихся держателем лена с населения; часть тимара или зеамета, передаваемая по наследству.
- Кяхья-бей—член Порты, выполнявший обязанности министра внутренних дел, один из главных помощников великого везира. В 1837 г. был переименован в министра внутренних дел.
- Лива—административная единица, входившая в состав эялета. Позже стал называться санджаком.
- Ляйиха—докладная записка, проект или предложение, составленные по указанию верховной власти по какому-либо вопросу.
- Маликяне—поместье, владение. До реформ 30-х гг. XIX в. так назывались пожизненные откупы, которые позже превратились в наследственные владения откупщиков.
- Меват—пустующие земли.
- Метруке—земли, отведенные для общественных нужд.
- Мевлевн—религиозный орден, пользовавшийся большим авторитетом среди османских сановников начиная с середины XVII в.
- Меджлис—высшие государственные советы, созданные при Махмуде II в конце 30-х гг. В Османской империи меджлисами назывались также различные специализированные советы при Порте, суды, а также административные советы, созданные в провинциях.
- Медресе—мусульманское духовное училище.
- Мектеб—духовная школа при мечетях.
- Муаджеле—наличные деньги, выплачиваемые государству откупщиком для получения откупного права на сбор налогов.
- Мукатаа—участок, надел. В XVII—XVIII вв. так назывались территории, откупное право на которые продавалось на один год или на несколько лет.
- Мутасаррыф—правитель санджака.
- Мутлак векиль—абсолютный заместитель, иногда так именовали великого везира.
- Мухассыл—сборщик налогов, назначавшийся государством.
- Мушафыз—начальник гарнизона пограничных крепостей.
- Мюльк—земли, жалуемые султаном отдельным лицам в качестве частной собственности.

- Мюльтезим—от слова ильтизам (откупщик); лицо, получившее откупное право.
- Мютегалебе—деспот, узурпатор. В XVIII—XIX вв. османское правительство так называло всех мятежных феодалов провинции.
- Мютеселлим—чиновник, замещавший правителя эялета или санджака; чаще всего эту должность приобретали откупщики-мюльтезимы.
- Мюсадере—конфискация. В Османской империи, почти до конца ее существования, практиковалась конфискация имущества ональных сановников.
- Мюхюрдар—хранитель печати.
- Мюшир—маршал; высший военный чин, введенный Махмудом II в 30-х гг. XIX в.
- Нишанджи—хранитель султанской печати.
- Назыр—заведующий, управляющий, ответственный; начальники различных ведомств и отделов, созданных в 30-х гг. XIX в.
- Низам-ы джедит—дословно «новый порядок». Совокупность новшеств, введенных при султанах Селиме III (1789—1807); название регулярного войска, созданного в те же годы.
- Оджак—подразделение янычарского корпуса; отсюда термин оджаклы—рядовой янычар.
- Орта—составная часть янычарского оджака. Во всем янычарском корпусе насчитывалось 196 орта.
- Падшах—одно из названий турецких султанов.
- Панайыр—сезонные ярмарки, проводимые в Османской империи. На них съезжались купцы со всех концов империи со своими товарами.
- Пара—1/40 часть куруша.
- Паша—высший титул военных и гражданских чиновников в Османской империи.
- Пашалык—административная единица, управляемая пашой. Скорее всего это был эялет или вилайет.
- Порта, или Высокая Порта—официальное название турецкого правительства в русских источниках. См. Баб-ы али.
- Райя, реайя, райят—податное население Османской империи. С XVIII в. под райя подразумевалось только христианское население.
- Ренс-эфенди, реис уль кюттаб—один из трех главных помощников великого везира, до 1836 г.—глава ведомства, руководившего внешними сношениями Порты. С 1836 г. стал именоваться министром иностранных дел (хариджийе назыры).
- Риджал—государственные мужи, столпы государства; обычно при-

- менялось в отношении трех главных чиновников Порты—кяхья-бея, ренса-эфенди и башдефтердара.
- Садарет—одно из турецких названий Порты.
- Садразам—см. великий везир.
- Салнаме—ежегодные правительственные издания, содержавшие постановления Порты и перечни наиболее значительных событий; издавались с 1847 г.
- Санджак—административная единица в Османской империи, составная часть эялета или вилайета.
- Санджакбей—правитель санджака до учреждения должности мутасаррыфа.
- Сарраф—меняла, банкир.
- Сенед—акт, контракт (доказательство).
- Сераскер—главнокомандующий османской армии.
- Силахдар—оруженосец, телохранитель.
- Сипахи—коница; держатели военных ленов—тимариоты и займы.
- Султан—монарх, государь, одно из наименований главы Османской империи.
- Танзимат—название реформ, проводившихся в Османской империи с 1839 до середины 70-х гг. XIX в.
- Татар—простонародное название курьеров, доставлявших почту в разные концы империи.
- Тевзи дефтери—журнал доходов и расходов в санджаках.
- Тезкере—письменное разрешение, свидетельство, записка.
- Текке—обители религиозных орденов и сект.
- Улема—сословие мусульманских богословов и законоведов.
- Ферик—дивизионный генерал в Османской армии.
- Ферман—указ, приказ, заявление.
- Ферманлы—лицо, нарушившее волю султана и приговоренное заочно к смертной казни.
- Фетва—юридическое заключение шейх-иль ислама о допустимости с точки зрения ислама того или иного действия или мероприятия.
- Ханедан—род, династия; наследственные феодальные роды.
- Хатт—письмо, послание, указ.
- Хатт-ы хумаюн—султанский указ, письменное сообщение воли султана. Под этим термином чаще всего подразумевается рескрипт султана Абдул-Меджида о реформах, провозглашенный в 1856 г.
- Хатт-ы шериф—высочайшее послание; султанский манифест 1839 г., провозглашавший начало танзиматских реформ.
- Хаджегян—господа Дивана; подразумевались члены правительства

(за исключением министров иностранных, внутренних дел и финансов, которых называли риджал, или эркан).

Хазине—казна.

Чифт—пара; так назывались земельные участки крестьян, обрабатывавшиеся при помощи пары волов.

Чифтлик—ферма, поместье, имение.

Шариат—совокупность мусульманских религиозных законов.

Шейх—глава мусульманских религиозных орденов и сект; вождь племени.

Шейх-уль ислам—официальный глава духовенства при Порте. Главный толкователь **шариата**.

Шура—совет, высший совет.

Эмир—вождь, глава, князь; о прямых потомках Мухаммеда.

Эмират—независимое или полунезависимое княжество.

Эндерун—внутренние покои султанского дворца, гарем; название придворной школы, выпускавшей кадры для государственного аппарата.

Эфенди—господин; титул ученых, духовных лиц, судей и чиновников; приставлялся также к именам состоятельных и влиятельных **христиан**.

Эялет—крупнейшая административно-территориальная единица в Османской империи, управлявшаяся бейлербеем или вали. В 30-х гг. XIX в. эялеты были заменены более мелкими вилайетами во главе с вали, а иногда—мютесселлимом.

Ямаки—гарнизоны босфорских крепостей.

Янычары—регулярная пехота, созданная при султанах Орхане в первой половине XIV в. Пополнялась за счет христианских детей, насильно отобранных у родителей и обращенных в ислам. Обучались янычары в специальных учебных заведениях. Основное ядро османской армии до XIX в. В 1826 г. по указу султана Махмуда II янычарское войско было ликвидировано.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	5
<i>Глава I. Внутреннее положение Османской империи в первые десятилетия XIX в.</i>	20
1. Кризис османского феодалного общества	20
2. Социально-экономическое положение Азиатской Турции в первые десятилетия XIX в.	37
<i>Глава II. Политика государственной централизации в Османской империи (1808—1847 гг.)</i>	50
1. «Сенед-и иттифак» и борьба против сепаратизма феодалов Анатолии (1808—1821 гг.)	50
2. Продолжение политики централизации. Борьба за усмирение феодалов Курдистана	65
<i>Глава III. Реформы 20-х гг. XIX в.</i>	77
<i>Глава IV. Реформы 30-х гг. XIX в.</i>	94
1. Сторонники и противники реформ. Борьба между ними	94
2. Административные и другие реформы	100
<i>Заключение</i>	122
<i>Источники и примечания</i>	129
<i>Словарь терминов</i>	148

МУРАД ТОННКОВИЧ БОДЖОЛЯН

РЕФОРМЫ 20—30-х гг. XIX ВЕКА
В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Редактор издательства Р. А. Багдасарян
Худ. редактор Г. Н. Горцакалян
Тех. редактор А. М. Манучарян
Корректор Л. А. Хачатрян

ИБ № 825

Сдано в набор 2.02.1984 г. Подписано к печати 29.10.1984 г.
ВФ 04712. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 1. Шрифт «латин.»,
высокая печать. Печ. л. 9,75. Усл. печ. л. 8,19+8,19 кр. от.
Учетно-изд. л. 8,0. Тираж 1000. Зак. № 102. Изд. № 6119.

Цена 1 р. 25 к.

Издательство АН АрмССР, 375019, Ереван,
пр. Маршала Баграмяна, 24-г.

Типография Издательства АН АрмССР, 378310, г. Эчмиадзин.

ԳԱՍ Հիմնարար Գիտ. Գրադ.

FL0183665

1 р. 25 к.

P II
523993